

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

Общество имеет хозяйственный характер, а государство — общественно-хозяйственный характер. Государство имеет хозяйственный характер. Народное управление — это хозяйство. Народное управление — это хозяйство.

Мы рассуждаем о хозяйственном характере государства и о хозяйственном характере общества. Мы рассуждаем о хозяйственном характере государства и о хозяйственном характере общества.

Проблема хозяйственного характера государства и общества является одной из главных проблем государственного управления. Проблема хозяйственного характера государства и общества является одной из главных проблем государственного управления. Проблема хозяйственного характера государства и общества является одной из главных проблем государственного управления.

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

Государственный хозяйственный

4
2014
Часть VI

Валентин

ЗАПИСКА
КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ

НВ-442
ПРИНУЖДЕННЫЯ
РАЗЪЯСНЕНІЯ
ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА
О ВОЙНѢ

ЯПОКІЕЙ.

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (63) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения, министр финансов, председатель Комитета министров, председатель Совета министров.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Андросова М.И.

Формирование психологической компетентности студентов педагогических вузов..... 675

Власов А.В.

«Виктория» — метод подбора спутника жизни по группе крови и активным биоритмам, дающий возможность избежать мутации генов у ребёнка 677

Громова И.В.

История возникновения и современные тенденции развития коммуникативного тренинга 680

Громова И.В.

Влияние целенаправленного обучения на развитие коммуникативных навыков менеджеров оптовых продаж..... 683

Ковтун Т.Ю.

Создание условий для психического здоровья ребенка в условиях современного дошкольного образовательного учреждения..... 686

Купцова Т.В.

Психологические особенности агрессивного поведения футбольных фанатов..... 687

Кучеров Б.С.

Любопытство как первоэлемент в развитии профессиональной самоактуализации 689

Лекомцева Е.Н.

К проблеме изучения психологических особенностей отцов, воспитывающих ребенка-инвалида..... 692

Литовченко О.С.

Содержание психолого-педагогического сопровождения профессионального здоровья педагога..... 695

Литовченко О.С.

Представление о здоровье в современной науке..... 697

Логинова А.А., Онуфриева В.В.

Профессиональное становление личности юношей и девушек в процессе обучения в вузе 700

Лосенкова Т.А.

Взаимосвязь интернет-зависимости с тревожными состояниями подростков 702

Матусевич А.М., Кубышко Л.В.

Комплексный подход к исследованию проблем зависимости 704

Матусевич М.С., Шатровой О.В., Макарова Л.П.

Профилактика развития экстремистско-террористических отношений 706

Мухина Е.С., Онуфриева В.В.

Особенности проявления конфликтных ситуаций в школе 710

Погадаева Е.В.

Специфика эмоционального интеллекта сотрудников уголовно-исполнительной системы 711

Погадаева Е.В.

Теоретический анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы 714

Амбарцумов Н.А., Блеер А.Н., Покотило М.Г.

Психологические факторы повышения результативности в стендовой стрельбе на круглом стенде (с учетом визуализации) ... 716

Храмов Р.В.

Система профилактики профессиональных деструкций у будущих бакалавров в образовательном процессе вуза 722

Шагидаева А.Б.
 О старости как последнем этапе онтогенеза... 725

ИСТОРИЯ

Адаменко А.А.
 Изготовление хлопковой ткани в традиционной культуре народа акха в северном Таиланде. Этнографический очерк 730

Алимов Д.Х., Джалилов М.Ш., Наботов Ф.С., Раджабаев Ф.З.
 Из истории древнего орошения Таджикистана 736

Давлатова С.Т.
 Risala as a collection of statues and rules concerning handicraft 739

Дрыгина Н.Н.
 История возникновения и деятельности акционерных обществ в России..... 743

Искандаров Ш.А.
 Некоторые рассуждения об этнической истории арабов Узбекистана и связанных с ними этнопонимах..... 746

Лашук Е.Н.
 Проблема гонки морских вооружений между Германией и Великобританией как одна из причин развязывания Первой мировой войны в отечественной историографии 749

Мамадалиев Х.И.
 Regional changes in socio-economy and administration in Kokand city (The end of XIX and the beginning of XX centuries) 752

Матчинов Ж.Ю.
 The development of ancient culture of farming of Khorezm 754

Миннибаев Б.И., Тухбатова Ч.И.
 Тенденции роста культурно-технического уровня рабочего класса в Татарской АССР в 1950-х — в начале 1960-х гг. 756

Насриддинов Ш.Н.
 Баня для паломников Шахи-Зинды (XV век) ... 759

Пяткина Т.Ю., Денисова К.Н., Корчагин А.И.
 Правовые основы столыпинских аграрных преобразований начала XX века 761

Салимов Д.Д.
 Сельское хозяйство ТАССР в 1950-е годы в колхозе «Кызыл яр» Арского района 763

Ульянова О.В.
 Природно-производственный потенциал Татарской АССР в части выполнения программ продовольственного обеспечения населения г. Казани в 1953–1964 годах..... 765

Финаев А.В., Новичков И.В.
 К вопросу об отношении местных органов самоуправления Среднего Поволжья к столыпинской аграрной реформе начала XX века 769

Фот А.Г.
 Повседневный семейный быт оренбургского православного приходского духовенства во второй половине XIX века 772

Чиркунов И.В.
 Становление и развитие кустарных промыслов в России (на примере Нижегородской губернии) 775

ФИЛОСОФИЯ

Liu Zuo-yuan
 Русская идея Ф. М. Достоевского. Взгляд из Китая (1918–1949)..... 779

Виноградова И.В.
 Личность: к вопросу о методологии 781

Зильбер А.С.
 Кантоведение в Кёнигсберге как историко-философская проблема 785

Зубов В.А.
 Мистика как элемент мировоззренческих ориентаций 790

Рахматуллин Р.Ю.
 Религия и наука: проблема взаимоотношения (на примере ислама) 793

Юсупова Л.К.
 Образ как эпистемологическая категория..... 795

ПСИХОЛОГИЯ

Формирование психологической компетентности студентов педагогических вузов

Андросова Мария Ивановна, старший преподаватель
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Одной из наиболее актуальных проблем профессионального становления будущего педагога является формирование его психологической компетентности. Успешность профессиональной деятельности современного педагога в значительной степени определяется его психологической компетентностью.

Рассмотрев определение термина «компетентность» мы видим, что её определяют как «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности». Если рассматривать «профессиональную компетентность педагога», то во многих педагогических словарях она трактуется как «владение учителем необходимой суммой знаний, умений и навыков, определяющих сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя определенных ценностей, идеалов и педагогического сознания». Проблема формирования профессионального сознания студентов педагогических вузов раскрывается в трудах многих педагогов и психологов. Рассмотрим подробнее понятие «профессиональное сознание».

Основой формирования сознания педагога как субъекта деятельности принято считать 3-этапную концепцию непрерывного образования и развития учителя как субъекта профессиональной деятельности. В данном случае субъект характеризуется как целостная, многоуровневая система, которая состоит из подсистем, отражающих особенности человека как индивида и личности. Исходя из положений концепции выделяют три этапа непрерывного образования учителя — это довузовское, вузовское и послевузовское.

На этапе, предшествующем поступлению в вуз, имеет место профессиональное самоопределение, которое может зависеть от факторов, способствующих «стихийной педагогизации» сознания личности — это наличие в семье педагогов, встреча с талантливым педагогом и т. п. Также на довузовском этапе формируется определенный уровень развития способностей деятельностного сознания.

Рассмотрим этап вузовского образования с позиции выделения главной цели. Изначально период вузовского

образования предполагает формирование основ профессионального педагогического сознания как фундамента творческого потенциала.

Исходя из классификации Е. А. Климова, профессия педагога относится к типу профессий «человек — человек», поэтому основой содержания профессионального педагогического образования должны составлять дисциплины гуманитарного цикла (педагогика, психология и др.). Таким образом, профессиональное становление педагога как субъекта педагогической деятельности происходит в процессе профессиональной педагогической подготовки. В качестве компонентов психологической компетентности рассматриваются интегративные психические процессы, психологические умения, эмоционально-волевые комплексы личности [3, с. 92].

А. Д. Алферов определяет психологическую компетентность как составную часть профессиональной подготовки учителя, которая включает:

- совокупность ЗУН по психологии;
- четкость позиции в отношении роли психологии в профессиональной деятельности учителя;
- умение видеть за поведением ребенка состояние его души, уровень развития его познавательных процессов, эмоциональной волевой сфер, черт характера;
- способность ориентироваться, оценивать психологические ситуации в отношениях с ребенком или группой детей и избирать рациональные способы общения;
- умение педагогически грамотно в течение долгого времени воздействовать на психику ребенка для его гармоничного развития [2, с. 89].

«Психологическая компетентность» в исследованиях Г. И. Метельского и Н. В. Кузьминой рассматривается как система знаний, умений и навыков, которые обеспечивают будущему учителю не только общепсихологическую подготовленность, но и высокий уровень профессионального самосознания, умения управлять своими психическими состояниями [1, с. 13].

В психологической компетентности выделяют 2 блока:

- интеллектуальный (когнитивный) — психологические знания и психологическое мышление;

— практический (действенный) — психологические умения и навыки [1, с. 28].

Психологическая компетентность является составной частью профессиональной подготовки будущего педагога, которая *включает в себя*:

— совокупность знаний, умений и навыков по психологии;

— четкость позиции в отношении роли психологии в профессиональной деятельности учителя;

— умение видеть за поведением ребенка его психоэмоциональное состояние, уровень развития его познавательных процессов, черт характера;

— способность ориентироваться, оценивать психологические ситуации в отношениях с ребенком или группой детей и избирать рациональные способы общения;

— владение навыками педагогического общения;

— потребность в профессиональном и личностном саморазвитии;

— умение педагогически грамотно в течение долгого времени воздействовать на психику ребенка для его гармоничного развития.

Выделяют следующие виды психологической компетентности:

— социально-перцептивную;

— социально-психологическую;

— аутопсихологическую;

— коммуникативную;

— психолого-педагогическую.

К характеристикам социально-перцептивной компетентности будущего педагога относятся гуманистическая направленность его личности, выражающаяся стремлением к самоактуализации (А. Маслоу), потребностью в общении, любовью к детям, педагогической позицией (А.А. Бодалев), свободой личностного выбора и личностной ответственностью за последствия этого выбора.

Социально-психологическая компетентность будущего педагога выражается в его способности осознавать и контролировать свое социальное поведение, понимать поведение учащихся и коллег, интерпретировать психологические механизмы возникновения того или иного эмоционального состояния, владеть механизмами саморегуляции.

Аутопсихологическая компетентность будущего педагога представлена умениями, направленными на самодиагностику, самокоррекцию, саморазвитие, самомотивирование, эффективную работу с информацией.

Коммуникативная компетентность выпускников включает в себя коммуникативные (речевые умения, навыки активного слушания, способность преодолевать коммуникативные барьеры и др.), интерактивные (умение ор-

ганизовать сотрудничество, взаимодействие) компоненты.

Психолого-педагогическая компетентность будущего педагога состоит из рефлексивно-оценочного (самоосознания себя как педагога), когнитивного, личностно-смыслового, и операционно-деятельностного компонентов [1, с. 69].

Сензитивным периодом формирования базовых составляющих профессиональной психологической компетентности является период вузовского обучения (изучение дисциплин психолого-педагогического цикла, педагогическая практика, участие в мероприятиях и др.). Очень важно в процессе прохождения курса «Психология», чтобы каждое учебное занятие включало бы теоретический, практический и рефлексивный этапы, что способствует в свою очередь естественному синтезу психологических знаний и умений, обеспечивающих психологическое оснащение процесса овладения профессией и предстоящей профессиональной деятельности [1, с. 73].

В процессе обучения будущего педагога в вузе происходит освоение профессионально — значимых психологических знаний и формирование психологических умений на разном уровне, в зависимости от ряда факторов:

— степени идентификации себя с педагогической профессией;

— отношения студента к психологической информации как когнитивному основанию построения конструктивного взаимодействия;

— индивидуального опыта в ходе педагогической практики;

— активного использования педагогических технологий обучения в процессе преподавания психологии;

организация исследовательской деятельности [2, с. 46].

Не менее важным является определение критериев компетентности. В качестве критериев психологической компетентности выделяют:

— направленность на ученика;

— потребность и готовность к самопознанию и самоизменению в соответствии с современными условиями, образовательной ситуацией и динамикой развития учащихся.

Базовым критерием сформированности психологической компетентности является знание и умение самостоятельно разрешать педагогические задачи, ситуации, способствующие развитию личности учащихся, что уже может проявляться в ходе педагогической практики.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно отметить, что сформированность у будущих педагогов психологической компетентности, в силу ее системного характера, будет содействовать успешности профессиональной деятельности в дальнейшем.

Литература:

1. Андропова, Н. В. Компетентности учителя. — Казань, 2005.
2. Демидова, Н. В. Развитие психологической компетентности студентов — будущих учителей. СПб., 1993.
3. Климов, Е. А. Психология профессионала. — М.: МПСИ, 2003.

«Виктория» — метод подбора спутника жизни по группе крови и активным биоритмам, дающий возможность избежать мутации генов у ребёнка

Власов Алексей Владимирович, соискатель¹
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Ключевые слова: активный биоритм, пассивный биоритм, группа крови, резус-фактор, мутация генов, спутник жизни.

Введение: являясь своеобразным продолжением предыдущей статьи, в которой мы с вами научились определять группу крови и резус-фактор [2], теперь настало время разработать нам метод подбора спутника жизни по группе крови и активным биоритмам, который бы дал возможность избежать мутации генов у ребёнка.

Генные мутации, возникающие в гаметах или в будущих половых клетках, передаются всем клеткам потомков и могут влиять на дальнейшую судьбу популяции [3].

Цель работы: разработать метод «Виктория» для подбора спутника жизни по группе крови с учётом активности биоритмов.

Задачи исследования:

1. разработать вариант определения половой принадлежности организма по активным биоритмам с учётом существующего хромосомного механизма определения пола (схема 1);
2. составить основные положения, которые легли в основу метода «Виктория»;
3. научиться подбирать спутника жизни по группе крови с учётом активности биоритмов по разработанной схеме.

Организация и методы исследования: исследование проводилось с 2013—2014 гг. Обобщался опыт предыдущих лет, проводились различные аналогии и сопоставления.

Результаты и их обсуждение: с учётом существующего хромосомного механизма определения пола, когда у человека и других млекопитающих гомогаметным является женский пол (XX), а гетерогаметным — мужской (XY) [1, с. 224].

Мы, поэтому же принципу составили (схему 1) и представляем Вам основные положения, которые легли в основу метода «Виктория», — созданного для подбора спутника жизни по группе крови с учётом активности биоритмов. А так как активность биоритма, по нашему мнению, влияет на способность к ротации каждого зародышевого листка, то тем самым мы можем избежать мутации генов и возникновения таких заболеваний, как: Аутизм, синдром Дауна и др. Название метода «Виктория» — отражает венец 19-летнего опыта по изучению гребешковой кожи. А если удастся поднять уровень куль-

туры человека в XXI веке, то генетические мутации можно вообще избежать в дальнейшем, так:

1 подгруппа: пассивный женский биоритм и мужской («чёрная дыра») — встречается только у женщин со 2 и 4 группой крови, возникает из-за: 1) объединения 2 группы крови, резус Rh (+) женщины с 1 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 2) объединения 2 группы крови, резус Rh (+) женщины с 3 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 3) объединения 4 группы крови, резус Rh (+) женщины с 1 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 4) объединения 4 группы крови, резус Rh (+) женщины с 3 группой крови, резус Rh (+) мужчины;

1 подгруппа: активный женский биоритм и пассивный мужской — возникает из-за: 1) объединения 1 группы крови, резус Rh (+) женщины с 1 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 2) объединения 1 группы крови, резус Rh (+) женщины с 3 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 3) объединения 3 группы крови, резус Rh (+) женщины с 1 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 4) объединения 3 группы крови, резус Rh (+) женщины с 3 группой крови, резус Rh (+) мужчины;

1 подгруппа: пассивный женский биоритм и активный мужской — возникает из-за: 1) объединения 2 группы крови, резус Rh (+) женщины со 2 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 2) объединения 2 группы крови, резус Rh (+) женщины с 4 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 3) объединения 4 группы крови, резус Rh (+) женщины со 2 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 4) объединения 4 группы крови, резус Rh (+) женщины с 4 группой крови, резус Rh (+) мужчины;

1 подгруппа: активный женский биоритм и мужской — возникает из-за: 1) объединения 1 группы крови, резус Rh (+) женщины со 2 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 2) объединения 1 группы крови, резус Rh (+) женщины с 4 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 3) объединения 3 группы крови, резус Rh (+) женщины со 2 группой крови, резус Rh (+) мужчины; 4) объединения 3 группы крови, резус Rh (+) женщины с 4 группой крови, резус Rh (+) мужчины;

2 подгруппа: пассивный женский биоритм и мужской («чёрная дыра») — встречается только у женщин со 2 и 4 группой крови, возникает из-за: 1) объединения

¹ Автор является обладателем патента № 2469646.

СХЕМА № 1

**"ВИКТОРИЯ" – МЕТОД ПОДБОРА СПУТНИКА ЖИЗНИ
ПО ГРУППЕ КРОВИ И АКТИВНЫМ БИОРИТМАМ, ДАЮЩИЙ
ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗБЕЖАТЬ МУТАЦИИ ГЕНОВ У РЕБЁНКА**

Rh (+)(+)	I Rh (+)	II Rh (+)	III Rh (+)	IV Rh (+)
I Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
II Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$
III Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
IV Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{M}$
Rh (+)(-)	I Rh (-)	II Rh (-)	III Rh (-)	IV Rh (-)
I Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
II Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$
III Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
IV Rh (+)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{M}$
Rh (-)(+)	I Rh (+)	II Rh (+)	III Rh (+)	IV Rh (+)
I Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$
II Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
III Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{M}$
IV Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
Rh (-)(-)	I Rh (-)	II Rh (-)	III Rh (-)	IV Rh (-)
I Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$
II Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$
III Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \uparrow \bar{M}$	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{M}$
IV Rh (-)	$\frac{B}{H} \uparrow \bullet \square \downarrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \uparrow \bar{D}$	$\frac{B}{H} \downarrow \bullet \square \downarrow \ominus$

Пояснения:

По горизонтали - активный женский биоритм \bar{M} - пол ребенка, развитие которого будет наиболее гармоничным в данном сочетании биоритмов
 По вертикали - активный мужской биоритм \bar{D} - "черная дыра" в биоритмах связана с пассивностью биоритмов и женщины и мужчины

 женский биоритм \uparrow - биоритм активный \ominus - "черная дыра" в биоритмах
 мужской биоритм \downarrow - биоритм пассивный $\downarrow\downarrow$ - связана с пассивностью биоритмов и женщины и мужчины

3) по вертикали — (в одном из четырёх столбцах) найдите вариант, который соответствует группе крови и резус-фактору мужчины; 4) а по горизонтали — женщине; 5) пересечение вертикального значения и горизонтального — дадут вам информацию о том, какие у вас обоих биоритмы, а выбор уж, останется за вами.

Пример: девушка со 2 группой крови, Rh (+) дружит с молодым человеком, у которого 1 группа крови, Rh (+) и с молодым человеком, у которого 4 группа крови, Rh (+). Она никак не может выбрать, с кем ей связать свою судьбу? Теоретически, мы можем рекомендовать и молодого человека с 1 группой крови, но в этом случае — у ребёнка могут быть всевозможные генетические отклонения, вплоть до синдрома Дауна (т.к. оба биоритма в этом случае у них обоих — пассивные). И, чтобы действительно испытать радость материнства, мы всё же рекомендовали бы ей молодого человека с 4 группой крови. У него биоритм мужской-домашний — как раз позволил бы ей чувствовать свою защищённость с его стороны и она ценила бы его за умение делать то, что и должен уметь делать мужчина по дому. Ей будет нравиться его активность и исполнительность, о чём бы она ни попросила. Это действительно хороший вариант проявления мужских качеств у данного молодого человека. А он в свою очередь — будет восхищаться её красотой, домовитостью, миролюбием, кротостью и любовью к детям.

Литература:

1. Биология. В 2 кн. Кн. 1: Учеб. для медиц. спец. вузов/В. Н. Ярыгин, В. И. Васильева, И. Н. Волков, В. В. Синельщикова; Под ред. В. Н. Ярыгина. — 3-е изд., стер. — М.: Высш. Шк., 2000. — 448 с.: ил.
2. Власов, А. В. Событийность человеческого бытия предопределена биоритмами, а их смена формирует возрастные периоды, определяемые на втором уровне по результатам дактилоскопии десяти пальцев [Текст]/А. В. Власов // Молодой ученый. — 2014. — № 1. — с. 624–628.
3. http://www.berl.ru/article/kletka/gene/gennye_mutacii.htm (дата обращения 27.03.2014 г.)

История возникновения и современные тенденции развития коммуникативного тренинга

Громова Ирина Владимировна, студент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Прежде чем углубиться в рассмотрение эволюции коммуникативного тренинга, стоит определиться с понятием, что же такое тренинг вообще, для чего он предназначен и каков механизм его действия.

Стоит отметить, что в настоящее время существует ряд противоречий в определении тренинга, так как авторы интерпретируют его понятие исходя из разных подходов к глубине функционала данного процесса. Если говорить обобщенно и не вдаваться в конкретное контекстное со-

Выводы: 1) мужчины, сдающие в банк данных свою биологическую жидкость (сперму) — должны быть только 4 группы, резус положительный; 2) к группе «риска» можно отнести две категории лиц: а) женщин со 2 и 4 группами крови; б) мужчин с 1 и 3 группами крови; 3) подбор спутника жизни через свах и друзей надо заменить или дополнить методом «Виктория»; 4) активные биоритмы двух людей отразятся на свойстве к ротации самих зародышевых листков, что в свою очередь даст возможность избежать мутации генов в ряде поколений и получить здорового ребёнка; 5) основы знаний о зародышевых листках (гребешковой коже) могут стать альтернативным вариантом половому воспитанию школьников на уроках биологии; 6) ранние эмбриональные (стволовые) клетки надо брать у мужчины с 4 группой крови, резус положительный и у женщин с 1 и 3 группой крови, резус положительный; 7) людям, имеющим пассивные биоритмы рожать в возрасте после 30 лет чревато появлением ребёнка с синдромом Дауна или с диагнозом аутизм; 8) необходимо повышать уровень культуры людей в XXI веке и приучать их соблюдать основные рекомендации, изложенные в схеме 1; 9) родители, у которых и активный и пассивный биоритм есть — имеют и равный шанс 50% на 50%, связанный с возможностью проявления мутации генов и у кого из них есть пассивный биоритм — со стороны его и будут проявляться в роду генные мутации.

держание, то в наиболее широком смысле термин «тренинг» используют для обозначения разнообразных форм групповой психологической работы.

Однако нужно понимать, что для работы с такой психологической единицей как тренинг, следует ввести максимально точное определение, дабы обозначить границы, которых мы будем придерживаться в ходе рассмотрения и анализа данной техники психологического воздействия.

Вообще термин «тренинг» (англ. — train, training) имеет ряд значений: обучение, воспитание, тренировка, дрессировка. Классическое определение психологического тренинга подразумевает, что тренинг — это совокупность групповых методов формирования умений и навыков самопознания, общения и взаимопонимания людей в группе.

Тем не менее, суть тренинга, на мой взгляд, наиболее точно обозначил Ю.Н. Емельянов: «...Термин «тренинг», по нашему мнению, в структуре русской психологической речи должен использоваться не для обозначения методов обучения, а для обозначения методов развития способностей к обучению или овладению любым сложным видом деятельности, в частности, общением» [3, с. 144].

Таким образом, рассматривая тренинг в рамках деятельности по развитию личности, предлагаю обозначить его функции следующим образом: диагностика, коррекция, развитие, профилактика и мотивация. Помимо этого стоит отметить, что тренинг, как групповой метод работы, позволяет повысить интенсивность и упрочить стойкость возникающих изменений, а также максимально использовать возможности каждого участника.

Далее предлагается перейти к рассмотрению тренинга коммуникативных навыков, раскрыть его природу, особенности становления и современные тенденции в развитии.

Обратимся к истории. До начала XX века такого понятия как тренинг или групповая терапия не существовало, а поведение людей в группах и способность групп оказывать психологическое и лечебное воздействие практически не изучались. Позднее, во второй четверти XX века были случаи использования групп для лечения больных неврозами, под руководством Фрейда и его учеников в 30-х годах. Также в 1932 году Я. Морено ввел термин групповая психотерапия, работая над методами социометрии и психодрамы.

Что же касается родоначальника тренингов, то принято считать, что первым их начал проводить Курт Левин, известный психолог из США. Важной заслугой этого первооткрывателя тренингового движения становится основание в 1946 году Т-группы. Тренинги Курта Левина способствовали тому, что люди учились общаться и взаимодействовать в группе. Также во время этих тренингов было замечено, что участники группы получают пользу от анализа собственных групповых переживаний.

В 50–60-е годы наблюдается растущий интерес психологов и психотерапевтов к работе с группами, здесь можно выделить такие известные в кругах психологов фамилии как К. Роджерс, Ф. Перлз, А. Эллис. Возникший интерес был обусловлен успехами психокоррекционной работы в группах и явными преимуществами групповой терапии в сравнении с индивидуальной.

Особо стоит отметить важность разработок Карла Роджерса, так как в шестидесятые годы появились, основанные на его работах тренинги, развивающие социальные и жизненные навыки. На этих занятиях человек

решал свои проблемы, учился критичности мышления, способам управления эмоциями и т.д. Стали актуальными тренинги на развитие эмоционального интеллекта.

Чуть позже, в 70-е годы в Лейпцигском и Йенском университетах под руководством М. Форверга был разработан метод, который он определил как социально-психологический тренинг. В качестве средств данного тренинга использовались ролевые игры с элементами драматизации, создающие условия для формирования эффективных коммуникативных навыков. Использовали эти тренинги для подготовки руководителей промышленного производства. Эти тренинги и являются прародителями коммуникативного тренинга того образца, который мы знаем сейчас.

Также важно обозначить фамилию Александра Эверетта, работавшего с тренингами в семидесятых годах XX века. Первоначально, он проводил занятия по самопознанию и аутотренингу. Но вскоре Эверетт переключился с психотерапевтической работы с людьми на развитие их деловых качеств, что послужило процессу коммерциализации психологических тренингов, так как коммерческие структуры увидели пользу от применения знаний психологов. К примеру, тренинг «Динамика Лидерства» был создан А. Эвереттом для улучшения работы косметических супермаркетов.

Таким образом, было положено начало развитию «тренинговой культуры». Коммерческие компании стали все чаще обращаться к психологическому тренингу, как к формуле улучшения работы своих сотрудников и, безусловно, лидирующие позиции по вниманию коммерческих структур занимают коммуникативные тренинги, обеспечивающие развитие навыков общения и взаимодействия с другими людьми.

Безусловно, социально-психологический тренинг получил широкое распространение и в отечественной практике. Этот метод активно используется в работе с детьми, родителями, профессионалами социометрической группы, руководителями предприятий и организаций. Информацию о нем можно найти в работах Ю.Н. Емельянова, В.П. Захарова, Г.А. Ковалева, Л.А. Петровской, Т.С. Яценко и др. Сегодня же методы, модели тренинга совершенствуются, хотя цель их осталась неизменной — работа с социальным поведением и эмоциями людей.

Итак, современный тренинг коммуникативных навыков — это социально-психологический тренинг, объектом которого являются коммуникативные навыки личности. Под коммуникативными навыками мы будем понимать способность выражать свои мысли, вербальное и невербальное общение, а также умение устанавливать контакт с другими людьми, для достижения поставленных целей.

Если рассмотреть современные методы повышения коммуникативных навыков, то станет очевидным, что на данный момент существует нескольких моделей, по которым выстраивается и структура тренинга, и закладывается его смысловая нагрузка. Предлагается рассмо-

треть особенности моделей коммуникативных тренингов в различных странах.

Например, Сидоренко Е. В. выделяет три национальных модели: немецкую, английскую и российскую [6, с. 82].

Концепция М. Форверга, основателя социально-психологического тренинга, рассматривается автором как «немецкая модель» тренинга. Отличительной особенностью этой модели является ее некая агрессивность, так как прежде чем чему-то научиться, участники тренинга должны осознать свою некомпетентность и несовершенство в сфере коммуникаций. Эта модель заставляет столкнуться лицом к лицу со своими недостатками, сломать старые стереотипы и получить новые знания на фоне разрушения старых, подобно птице феникс, возрождающейся из пепла. Таким образом, в данной модели мы имеем дело с процессом лабилизации личности (податливости, гибкости), поняв свое несовершенство, человек готов к восприятию нового опыта. Помимо этого, тренинг «немецкой модели» должен был развивать определенный набор социально-психологических умений, таких как: вступления в контакт; активного слушания; ведения дискуссии, выравнивания эмоционального напряжения партнера; аргументации.

«Английская модель» тренинга, по мнению Сидоренко Е. В., выстроена на основе работ Майкла Аргайла и его коллег в Оксфорде. Но описание тренинга, его структуризация произведены Джеффом Шеффердом. Основными методами в тренинге социальных навыков являются моделирование, словесные инструкции, практика (ролевые игры) и домашние задания. Подобный тренинг может проводиться индивидуально и в группах.

Стоит отметить, что такой тренинг начинается с диагностики в форме короткой тестовой ролевой игры. Сначала терапевт обсуждает с клиентом, в каких социальных ситуациях у него возникают трудности, после этого формирует цели тренинга для каждого участника, а затем уже работает над коррекцией его коммуникативных навыков. Т. е. мы видим, что в отличие от «немецкой модели», данная модель более щадящая и не подвергает участников тренинга полному разрушению устоявшихся стратегий общения, а лишь корректирует пробелы. В «английской модели» тренинга к базовым социальным навыкам относятся [6, с. 87]: контроль позы; контроль социальной дистанции; контроль выражения лица (например, «несчастное» выражение лица — это дефицит социального навыка); поддержание контакта глаз; контроль тона голоса; контроль громкости голоса; объем речи (если человек слишком мало говорит — это дефицит навыка, так же как если он слишком много говорит); подбор темы для беседы; понимание социальных сигналов других людей, таких как тон голоса, выражение лица и др.

Сравнивая «немецкую» и «английскую» модель тренинга, мы увидим, что вторая более углубленно подходит к психологии контакта, акцентируя внимание не только на вербальном компоненте общения, но и на невербальных сигналах: поза, голос, мимика и т. д.

Что же касается «русской» модели, то Сидоренко Е. В. предлагает трениговую модель, являющуюся симбиозом «немецкой» и «английской» моделей, с некими дополнениями. От немецкой модели она предлагает заимствовать техники вербализации и снижения эмоционального напряжения, стремление к четкости, а из английской модели заимствуется стремление к положительной обратной связи, моделирование и критерий «переучивания» в отработке реакций. Помимо этого, российская модель дополняется такими элементами, как: призывающая задача, весомость, эффективность методов и упражнений, веселость тренингового процесса, «безболезненность» процедур, регуляция эмоционального напряжения и положительная обратная связь.

Кроме классификации моделей коммуникативного тренинга предложенной Сидоренко Е. А. хочется рассмотреть также классификацию Ю. Н. Емельянова, который предлагает условно объединить методы, модели тренинга в три основных блока:

а) дискуссионные методы (групповая дискуссия, обсуждение случаев из практики, анализ ситуаций и др.);

б) игровые методы: дидактические и творческие игры (игры с определенной задачей, могут быть деловые, управленческие); ролевые игры (поведенческое научение, игровая психотерапия, психодраматическая коррекция); контригра (трансактный метод осознания коммуникативного поведения);

в) сенситивный тренинг (тренировка межличностной чувствительности и восприятия себя как психофизического единства).

На данном этапе развития технологии тренинга классификация Ю. Н. Емельянова, возможна, но все же, большинство тренингов сейчас сочетает в себе всю указанную методологию, объединяет модели, дабы повысить эффективность программы тренинга.

Помимо этого, можно встретить классификации моделей тренингов по таким показателям, как: по составу группы, по типу результата, по типу организации процесса тренинга, по статусу ведущего, по содержанию и т. д. Зачастую, все эти классификации призваны обеспечить две основные цели: обеспечить востребованность тренинга и повысить его эффективность.

Что касается эффективности современных тренингов коммуникативных навыков проводимых в России, то она не всегда настолько высока, как бы этого хотелось. Среди причин, противостоящих эффективному освоению навыков коммуникации, стоит выделить следующие:

Недостаточное внимание мотивационной составляющей тренинга (участники тренинга не всегда видят смысл в том, что предлагает им тренер и, как следствие, не проявляют энтузиазма, открытости новому опыту, не концентрируют внимание на процессе и результате тренинга).

Отсутствие персонализации (Обобщенность техник, структуры тренинга и т. д. Зачастую, тренер выступает с одной и той же тренинговой программой в организациях

с различной спецификой деятельности или же применяет одну методику в группах различного уровня коммуникативной компетентности)

Недостаточный профессионализм тренера (На данном этапе технология проведения тренингов не имеет ограничений, поэтому их проводят люди с различным уровнем квалификации, зачастую не очень высокой)

Посттренинговое сопровождение (Любой результат нуждается в закреплении и, возможно, корректировке. А реальный эффект тренинга можно ощутить лишь спустя некоторое время после его осуществления).

Повышение уровня рефлексии (осознание полученных знаний, опыта)

Говоря о предстоящих перспективах коммуникативного тренинга, хочется сослаться на предположение Сидоренко Е. В., которая в своей книге «Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии» высказывает очень интересную позицию относительно будущего коммуникативных тренингов. Автор транслирует мысль о том, что тренинг того образца, в каком он широко распространен сейчас, скорее всего, будет постепенно отмирать. Это связано, в первую очередь, с тенденциями рынка. Предпринимателям становится невыгодно вкладывать деньги в развитие своих сотрудников, повышая тем самым их цену на рынке труда и обеспечивая их привлекательными для других компаний конку-

рентными преимуществами. К тому же, не стоит забывать, что компания — это единый механизм и он должен работать слажено, поэтому стратегия деловой активности должна быть единой для всех членов команды. Обучая одного сотрудника, компания может даже навредить слаженности механизма. Поэтому возрастает потребность именно в корпоративном тренинге, участниками которого будет вся команда. Но и это не дает гарантий успешности производимых на тренинге манипуляций. Современная реальность и тенденция рыночных отношений диктуют новые условия в развитии технологии тренинговой работы в коммерческой компании. Выход — это создавать коммуникативные тренинги под конкретную компанию, под конкретные задачи и ситуации, проводя исследования конкурентной среды и покупательского запроса. Т. е. новая концепция тренинга состоит в том, что тренер включается в работу реальных работающих команд — менеджерских, проектных, рабочих и сопровождает решение задачи, которая является новой для данной команды.

Предпосылки к формированию подобной модели тренингов коммуникативной компетентности уже имеются, они подготовлены многими факторами, такими как: возросшее количество компаний, предлагающих различные, но «однобокие» тренинговые программы развития коммуникативной сферы, а также стремительно возрастающая конкуренция на рынке.

Литература:

1. Бодалев, А. А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. — 328 с.
2. Емельянов, Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 166 с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
4. Мясичев, В. Н. Психология отношений: Под ред. А. А. Бодалева/Вступительная статья А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 356 с.
5. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 216 с.
6. Сидоренко, Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб.: Речь, 2008. — 208 с.

Влияние целенаправленного обучения на развитие коммуникативных навыков менеджеров оптовых продаж

Громова Ирина Владимировна, студент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В современном лексиконе постоянно фигурирует слово «коммуникабельность», «коммуникации», «коммуникативные навыки» и т. д. При приеме на работу каждый кандидат заявляет, что обладает высокой степенью коммуникабельности. Поэтому предлагаю рассмотреть подробнее: что представляет собой коммуникабельность и как эти качества, навыки можно развить.

Слово коммуникация происходит от лат. *communis* — делаю общим, связываю, общаюсь. В обиходе под коммуникацией мы понимаем разговор, обмен мнениями, мыслями, знаниями, чувствами, эмоциями и т. д. Но на самом деле определений слова «коммуникация» множество. На мой взгляд, наиболее конкретно смысловую нагрузку данного понятия передает определение С. В. Бориснева,

который говорит, что под коммуникацией следует понимать социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных коммуникативных средств.

Исходя из вышеуказанного определения, мы можем выделить способы коммуникации и каналы восприятия информации.

Каналы, по которым человек передает и воспринимает информацию, обозначают как:

- Аудиальный (коммуникации с опорой на голос и слух)
- Визуальный (коммуникации с опорой на зрение)
- Кинестетический (коммуникации с опорой на телесные ощущения)
- Дигитальный (коммуникации посредством обращения к логике, знакам, символам)

Что касается способов или форм коммуникации, то они могут быть вербальными или невербальными. Вербальная форма коммуникации подразумевает речь, а невербальная — мимику, жесты, позы, знаки, символы и т. д.

Опираясь на приведенные классификации можно дать определение понятию «коммуникативные навыки». Под коммуникативными навыками мы будем понимать умение использовать в процессе межличностного общения все формы коммуникации (вербальные и невербальные), а также умение воздействовать на все каналы коммуникации и восприятия информации (аудиальный, визуальный, кинестетический и дигитальный) с целью достижения желаемого результата.

Таким образом, встает вопрос о том, насколько хорошо каждый человек владеет этими коммуникативными навыками и как их можно развить. Поэтому имеет место быть коммуникативно-ориентированное обучение, которое призвано научить коммуникации, используя все необходимые для этого (не обязательно только коммуникативные) задания и приемы.

Так как нас интересует непосредственно обучение менеджеров оптовых продаж, то будем обозначать методы обучения коммуникативным навыкам, применительно именно к данной категории людей, а также будем производить оценку эффективности методики в данном контексте.

Прежде чем выявлять эффективную методику обучения менеджеров оптовых продаж коммуникативным навыкам, стоит обозначить, что в списке их профессионально важных качеств коммуникативная компетентность стоит на первом месте, так как их основная обязанность — установление контакта, а затем и партнерских отношений с людьми, в условиях высокой конкуренции. Поэтому именно для этой категории персонала важно подобрать верный метод обучения, т. к. от этого будет напрямую зависеть эффективность обучения и, как следствие, профессиональная пригодность менеджера.

К методам обучения, которые целесообразно использовать для развития коммуникативной компетенции от-

носят традиционные методы, методы активного обучения, методы обучения на рабочем месте, тренинги, методы дистанционного обучения.

К традиционным методам относят лекции, семинары, просмотр учебных фильмов, самостоятельную работу с учебными текстами, письменные задания. Эти методы хороши только в случае распространения информации и общего осведомления в той или иной области. Но что касается эффективности в плане обучения коммуникативным навыкам, то она крайне низка, потому как сказал Чжуан Цзы: «Истина должна быть пережита, а не преподана». Достоинство этих методов в том, что затраты на обучение в таком случае низки, а иногда такие занятия могут дать неплохой результат, в случае высокой мотивации обучающихся и их готовности самостоятельно опробовать знания на практике. Но, все же, в общей сумме и в сравнении с другими методами, традиционное обучение мало эффективно.

К методам активного обучения относят групповые дискуссии, case-study (разбор практических ситуаций), баскет-метод (принятие решения на основе полученной информации), деловые и ролевые игры. Данный вид обучения весьма эффективен, так как дает возможность практиковаться в конкретной области знаний, решать конкретные задачи и т. д. Также эти методы дают возможность моделировать реальные ситуации и разнообразные вариативные обстоятельства в профессиональной деятельности, находить решение конкретной задачи, оценить последствия принятых решений и ощутить чувство ответственности за свой выбор и действия. Достоинства данного метода в том, что он позволяет учащимся отработать навыки межличностного общения в типичных рабочих ситуациях, получить обратную связь, скорректировать свое поведение и находить альтернативные способы решения проблем. К недостаткам такого вида обучения можно отнести нехватку теоретического материала, т. к. для того, чтобы на практике отрабатывать корректные и действенные стратегии поведения, необходимо знать их, т. е. владеть теоретической базой в данной области.

К методам обучения на рабочем месте относят:

- коучинг (обучение коучем своих коллег профессиональному мастерству в ходе совместной с ними работы),
- наставничество (развитие подопечного в рамках профессии, передача собственного опыта и профессионализма),
- стажировку (выполнение заданий под руководством специалиста)
- ротацию (перемещение специалиста из одного подразделения организации в другое для ознакомления с различными направлениями работы).

Достоинства данного метода в том, что обучаясь человек «впитывает» уже имеющийся опыт, стратегии действий и т. д. Но не обязательно этот опыт настолько успешный и стратегии поведения верные. Также это тормозит развитие новых решений, открытий, стратегий, которые могли бы оказаться более эффективными.

Тренинг сочетает в себе активные методы наряду с традиционными методами. Неоспоримое достоинство данного метода в том, что информативная часть тренинга состоит из коротких лекций, а практическая часть может включать в себя деловые и ролевые игры, упражнения на развитие коммуникативных навыков, групповые дискуссии, разбор практических ситуаций, что способствует более эффективному развитию коммуникативной компетенции. К тому же, в данном методе возможен очень высокий уровень рефлексии, т.е. осмысления полученного опыта, что также благоприятно сказывается на эффективности методики. Помимо этого, тренинг закрепляет и развивает необходимые знания, умения и навыки, изменяет неверные установки и стратегии поведения, у участников тренинга переосмысливается отношение к собственным знаниям в области коммуникаций, проявляются пробелы и недочеты, которые впоследствии корректируются.

Тренинг хорош тем, что он многофункционален и пластичен, т.е. его можно моделировать исходя из сложившейся ситуации и учитывая конкретное контекстное содержание проблемной ситуации в группе. Также данный метод позволяет постоянно обучать сотрудников, повышать их квалификацию, конструируя тренинг под конкретную задачу. А своей активностью, конкретикой и осязаемыми уже во время тренинга результатами он способствует развитию высокой мотивации участников группы к обучению и увеличению степени толерантности к процессу тренинга.

Также стоит отметить, что в сравнении с другими методами обучения тренинг способен охватить процесс обучения со всех сторон: теоретической и практической, а также выполняет широкий ряд функций: обучающая, корректирующая, стратегическая, вдохновляющая, личностно-моделирующая и т.д.

Помимо всего прочего, неоспоримым достоинством тренинга является то, что он позволяет поддерживать концентрацию внимания участников тренинга на протяжении всего обучения, а активные методы обучения, в сочетании с веселыми упражнениями создают атмосферу комфорта, доверительности и легкости процесса. А отработка навыков в группе позволяет обмениваться опытом и позволяет создавать атмосферу реальной жизненной ситуации.

Безусловно, тренинг, как метод обучения, наиболее эффективен для развития коммуникативной компетенции

менеджеров оптовых продаж, эти и объясняется его популярность в современном обществе.

Мы рассмотрели влияние различных методов обучения на развитие коммуникативных навыков и определили, что тренинг — наиболее действенный способ достижения высокого уровня коммуникативной компетентности. Предлагаю еще раз подчеркнуть действие тренинга на обучающегося:

- Овладение теоретическими основами в сфере коммуникации

- Отработка практических навыков межличностной коммуникации

- Групповое взаимодействие усиливает эффект полученных знаний

- Корректируются неверные установки и стратегии

- Способствует личностному росту участника

- Снимаются блоки и барьеры личности, препятствующие коммуникации

- Появляются стратегии действия в реальных жизненных ситуациях

- Происходит эмоциональный подъем и мотивационный толчок

В завершение хочется сказать о том, что для менеджера овладение коммуникативными навыками — это часть профессиональных обязанностей. Но обучение и развитие коммуникативной компетентности важно для развития любой личности, поэтому тренинги, способствующие формированию коммуникативных навыков, подходят для любой группы людей, независимо от возраста, профессии, национальности и пола. Это возможно утверждать хотя бы потому, что уверенное владение искусством коммуникации способствует эффективному взаимодействию в обществе и достижению высоких результатов на пути к жизненным целям. А залог высокой степени владения коммуникативными навыками — это постоянное обучение, тренировка и, конечно же, межличностное общение. Ведь только на практике возможно развитие тех или иных способностей, т.е. лишь накапливая теорию, человек так и рискует остаться лишь «хранилищем» теоретических знаний, много знающим, но не владеющим этими умениями и знаниями на практике. Поэтому залог любого успешного обучения — это сбалансированное сочетание теоретического материала и его практического применения.

Литература:

1. Андреева, Г. М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 376 с.
2. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом. — М.: Академия, 2005. — с. 126.
3. Бодалева, А. А. Психологическое общение. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: Н. П. О, «Модек», 1996. — 256 с.
4. Григорьева, Т. Г., Усольцева Т. П. Основы конструктивного общения. Хрестоматия. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та; М.: Совершенство, 1997, — 198 с.
5. Емельянов, Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 166 С.
6. Крупник, Е. П., Сирова Т. Б. Теоретические аспекты психологической культуры межличностных взаимоотношений // Мир психологии. — 2001. №3, с. 40

Создание условий для психического здоровья ребенка в условиях современного дошкольного образовательного учреждения

Ковтун Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск)

В современных дошкольных образовательных учреждениях актуализировалась проблема психического здоровья подрастающего поколения. Эта проблема заслуживает внимания не только специалистов в областях психологии, педагогики, но и, прежде всего, родителей, воспитателей дошкольных образовательных учреждений.

Психологическое здоровье детей долгое время оставалось вне внимания взрослого. Модель психологически здоровой личности должна включать следующие компоненты: наличие позитивного образа «Я», т. е. абсолютного принятия человеком самого себя и других людей; владение рефлексией, как средством познания себя; наличие у человека потребности в саморазвитии, самоизменении, личностном росте.

Нарушениям психологического здоровья соответствует выраженное повышение тревожности, которое может привести к существенному снижению внимания, в особенности произвольного. У детей с защитной агрессивностью внутреннее напряжение может обусловить повышенную двигательную активность, склонность к нарушениям дисциплины.

Дошкольный возраст характеризуется сильнейшей зависимостью ребенка от взрослого. Прохождение того этапа становления личности во многом определяется тем, как складываются отношения ребенка со взрослым. Сами взрослые не всегда понимают, каких образом их личностные качества становятся достоянием детей, как своеобразно, соответственно специфике детского возраста они интерпретируются, какое значение приобретают для ребенка.

Осознанная или неосознанная родительская и педагогическая авторитарность порождает у дошкольников дефицит неординарности, чувства собственного достоинства, неуверенность в себе и многие другие качества, осложняющие благоприятное становление личности.

Стиль отношения взрослых к ребенку влияет не только на становление тенденции к определенному стилю детского поведения, но и на психическое здоровье детей. Так как неуверенность ребенка в положительном отношении к себе взрослого или, наоборот, уверенность именно в неактивной оценке его как личности провоцирует подавленную агрессивность. Если ребенок воспринимает отношение взрослого к себе как негативное, то попытки взрослого побудить ребенка к общению вызывают у него состояния смущения и тревоги. Длительный дефицит эмоционального созвучного общения даже между одним из взрослых и ребенком порождает неуверенность последнего в положительном отношении к нему взрослых вообще, вызывает чувство тревоги и ощущения эмоцио-

нального неблагополучия.

Под влиянием опыта общения со взрослыми у ребенка не только формируются критерии оценки себя и других, но и «зарождается» способность сочувствовать другим людям, переживать чужие горести и радости как собственные. В общении со взрослыми и сверстниками он впервые осознает, что необходимо учитывать не только своё мнение, но и мнение другого.

Именно с налаженной системы взаимоотношений ребенка со взрослым и начинается формирование его ориентации на других людей и их признание.

У дошкольников с деструктивной агрессивностью и социальными страхами можно наблюдать трудности при ответах у доски, в общении.

Каждый, родитель и педагог хочет, чтобы ребёнок в будущем был счастливым. Именно поэтому делается упор на хорошее здоровье, высокую успеваемость, адекватное поведение.

По результатам опросов родителей следует, что число неудовлетворённых жизнью устойчиво удерживается на уровне 73–75%, в то время как прекрасное настроение отмечают только 3% опрошенных.

По мнению исследователей, формирование способности быть счастливым, как черты характера должно начинаться ещё в детстве. Для этого родителям необходимо воспитывать у детей, прежде всего, установку для радостного восприятия жизни, учить находить разнообразные источники нахождения положительных эмоций. У ребёнка, выросшего среди счастливых родителей, на 10–20% больше шансов самому стать счастливым [1].

Таким образом, психологическое здоровье необходимо ребёнку и в настоящем и в будущем. Поэтому важно особым способом создавать условия по профилактике нарушений психологического здоровья детей и коррекцию уже имеющихся.

С целью укрепления психологического здоровья, создания условий для самоактуализации детей целесообразно осуществлять систему работы по оптимизации взаимоотношений в детской группе, эмоционального состояния детей, формированию у них позитивной «Я-концепции». Данная система включает в себя игро-, арт-, сказкотерапию, создание «ситуаций успеха» в различных видах деятельности (преимущественно игровой).

Игротерапия может состоять из различных видов игр: сюжетно-ролевой, режиссерской, подвижной, игры-драматизации. Именно в игре заложен основной потенциал возможностей творческого развития ребенка, освобождения от негативных эмоций. В совместных играх дети учатся взаимодействовать, сотрудничать. В играх-дра-

матизациях. сюжетно-ролевых и режиссерских играх с целью освобождения детей от травмирующих их страхов обыгрываются ситуации, которые в реальной жизни вызвали бы страх. Целесообразно широкое использование сказочной игротерапии. Так, например, с целью оптимизации эмоционального состояния, преобразования деструктивного поведения в конструктивное можно обыграть с детьми сказку «Страна чувств».

Сказкотерапия может использоваться и как самостоятельный метод работы. В процессе сказкотерапии пробуждается и развивается преобразующая творческая активность детей. Система сказкотерапии включает в себя такие виды сказок, как художественные (авторские и народные), дидактические, психокоррекционные, медитативные, психотерапевтические.

Литература:

1. Кривошапкина, М. М., Ковтун Т. Ю. История развития детской психологии./Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе/Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов, 4–5 — апреля 2013, г. Якутск. — Киров: МЦНИП, 2013. — с. 22–24.
2. Легостаева, Ю. И., Ковтун Т. Ю. Роль изобразительной деятельности на формирование размерных параметров и размерных отношений у старших дошкольников/Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе/Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов, 4–5 — апреля 2013, г. Якутск. — Киров: МЦНИП, 2013. — с. 130–131

Психологические особенности агрессивного поведения футбольных фанатов

Купцова Татьяна Владимировна, студент
Московский педагогический государственный университет

Работа посвящена актуальной проблеме агрессивного поведения футбольных фанатов. Автор последовательно раскрывает причины агрессивного поведения футбольных фанатов, выявляя особенности проявления агрессивного поведения, а также степень их агрессии и агрессивности.

Ключевые слова: субкультура футбольных фанатов, агрессивное поведение.

Субкультура футбольных фанатов — сложившаяся система ценностей, модель поведения и идеология данной группы, которая представляет собой самостоятельное образование в рамках футбольной культуры.

Футбольный фанатизм в нашей стране насчитывает без малого 40 лет. И чем же знаменуется сорокалетие на данный момент? Все чаще на экранах телевизоров, в печатных изданиях, в Интернет-сообществах звучит информация об агрессивном поведении футбольных фанатов. Англия, которая считается колыбелью футбольного хулиганства, давно является страной, в которой попытки агрессивного поведения на футбольных матчах караются жесточайшими мерами наказаний, в России же только сейчас стал вопрос о создании проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной

безопасности при проведении официальных спортивных соревнований». [1]

В работе по укреплению психологического здоровья, созданию основы для самоактуализации детей целесообразно широкое внедрение арттерапии посредством музыки, рисования. Так, ребенок значительно освобождается от гнетущих мыслей и отрицательных эмоций, в безопасной для личности ситуации, отреагировав их на бумаге [2].

Итак, первостепенной задачей гуманизации воспитательно-образовательного процесса является укрепление психологического здоровья детей, создание условий, необходимых для их самоактуализации. Решить данную задачу можно лишь в сотрудничестве психолога, педагога и родителей, обладающих высокой психологической культурой и психологическим здоровьем.

Сложилось противоречие между необходимостью снижения проявлений агрессивного поведения футбольных фанатов и недостаточного знания социально-психологических особенностей данного поведения в науке.

В связи с этим становится актуальным вопрос изучения условий и причин возникновения агрессивного поведения футбольных фанатов, а также создания психологических способов предупреждения агрессивных форм поведения футбольных фанатов.

Проблема исследования: каковы психологические особенности агрессивного поведения футбольных фанатов? Решение данной проблемы составляет цель исследования.

Объект исследования: агрессивное поведение футбольных фанатов

Предмет исследования: психологические особенности агрессивного поведения футбольных фанатов.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что проявление агрессивного поведения футбольных фанатов имеет социально-психологические особенности, обусловленные ситуационными факторами и личностными особенностями; Мы предполагаем, что:

1. В ситуации футбольного матча на фоне высокой эмоциональности агрессивность футбольных фанатов значительно выше, чем в обычной ситуации; к ситуативным причинам агрессивного поведения футбольных фанатов относятся внешние провокационные факторы.

2. У футбольных фанатов выше уровень прямой физической и вербальной агрессии по сравнению с болельщиками, у которых выше уровень косвенной агрессии.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы и реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать проблему агрессии и агрессивного поведения в психологии и педагогике.

2. Охарактеризовать факторы агрессивного поведения футбольных фанатов.

3. Выявить психологические особенности агрессивного поведения футбольных фанатов.

Теоретическая основа исследования: работы, посвященные проблеме агрессии зарубежных ученых: Л. Берковиц, Р. Бэрн, Д. Доллард, А. Лоренц, З. Фрейд, Э. Фромм; исследования проблемы агрессии отечественных психологов: С.Н. Ениколопов, А.А. Реан, В.К. Сафонов [2,3,4,5,6,7,8].

Для проверки выдвинутых гипотез и решения поставленных задач нами были использованы следующие **методы исследования**: теоретический анализ литературы по проблеме исследования агрессивного поведения; методика «Шкала агрессии-агрессивности» Ч.Д. Спилбергера; методика «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.В. Ковалева, методика «Незаконченные предложения».

Опытно-экспериментальная база исследования: 60 человек, футбольные фанаты футбольных клубов Локомотив, Спартак, ЦСКА, Торпедо и обычная молодежь, не включенная в субкультуру футбольных фанатов. В каждой группе равное количество испытуемых — по 30 человек. Возраст респондентов от 16 до 29 лет.

В ходе исследования решена научная задача, которая состояла в выявлении особенностей агрессивного поведения футбольных фанатов.

Выдвинутые положения гипотезы об особенностях футбольных фанатов получили свои подтверждения, как в ходе теоретического исследования, так и в экспериментальной части работы.

В результате проведения теоретического и экспериментального исследования удалось установить, что:

— Понятие агрессии и агрессивности по-разному представлена в работах зарубежных и отечественных психологов. Под агрессивностью понимается модель поведения, целью которой является причинение или намерение причинить

ущерб одушевленным и неодушевленным объектам нападения. Агрессивность — свойство личности, которое выражается в готовности к нападению на окружающих и нанесению им телесных повреждений, к разрушительным действиям. Также они указывают на то, что агрессия может быть враждебной, целью которой является нанесение вреда жертве, и инструментальной, когда агрессора преследует цели, несвязанные с причинением вреда. Таким образом, можно сказать, что агрессия может иметь положительную форму, способствуя выплеску негативных эмоций.

— Образ футбольного фаната по-разному представлен в сознании самих футбольных фанатов и людей, которые не интересуются футболом, но в большинстве случаев у болельщиков присутствует положительное, а в некоторой степени нейтральное отношение к футбольным фанатам. Сами футбольные фанаты считают себя нормальными людьми и большинство из них указывают, что важным для них является стремление организовывать различные акции, нежели проявление агрессивного поведения во время и после футбольного матча.

— К ситуативным причинам агрессивного поведения футбольные фанаты относят некорректные действия правоохранительных органов, различные провокации со стороны фанатов другой команды, проигрыш команды, нечестное судейство и алкоголь.

— В ситуации футбольного матча на фоне высокой эмоциональности агрессивность футбольных фанатов значительно выше, чем в обычной ситуации. Для футбольных фанатов характерно преобладание прямой физической агрессии (60%) и прямой вербальной агрессии (46,6%). Их поведение в ряде случаев характеризуется повышенным уровнем несдержанности (40%). Можно предположить, что во время футбольного матча футбольные фанаты впадают в агрессивное состояние, усиливаемое действием толпы.

Таким образом, можно сделать вывод, что агрессивное поведение футбольных фанатов обусловлено ситуационными факторами на фоне высокой эмоциональности и личностными особенностями. В связи с чем можно говорить о подтверждении нашей гипотезы.

Учитывая недавние инциденты с участием футбольных фанатов и высоким уровнем агрессивности в современном обществе, и в молодежной среде, в частности, работа психологов с представителями футбольного фанатского движения представляется особенно актуальной.

Данная работа расширяет направления научного поиска, связанного с изучением широкого круга психологических особенностей агрессивного поведения футбольных фанатов.

Полученные данные могут быть использованы в «Дирекции по работе с болельщиками» и в для лучшего контакта с приходящими на стадион фанатами и болельщиками для избегания инцидентов. Также данные могут быть использованы в «Российской федерации болельщиков».

Литература:

1. <http://www.interfax.ru/sport/txt.asp?id=274154>
2. Берковиц, Л. Агрессия: причина, последствия, контроль: учебное пособие. — Прайм-Еврознак, 2007. — 512 С.
3. Бэрн, Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб: Питер, 2001. — 352 С.
4. Ениколопов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии/С.Н. Ениколопов // Прикладная психология. — №1, 2001.
5. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло»). — М.: Прогресс, 1994. — 272 С.
6. Реан, А.А. Психология личности: Социализация, поведение, общение. — М.; СПб., 2004. — 416 С.
7. Сафонов, В.К. Агрессия в спорте. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 159 С.
8. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Директ-медия, 2008. — 447 С.

Любопытство как первоэлемент в развитии профессиональной самоактуализации

Кучеров Борис Сергеевич, аспирант
Тверской институт экологии и права

Автор рассматривает процесс самоактуализации, как реализацию онтологической роли человека — центра перестройки бытия, а также взаимосвязь составляющих этого процесса с профессиональной деятельностью. Сущностными составляющими выделены: самовыражение, самоутверждение, самореализация. Их рассмотрение через призму профессиональной деятельности позволяет выделить профессиональную самоактуализацию. Первоосновой самоактуализации рассматривается любопытство — психосоматическое проявление ориентировочно-исследовательского рефлекса. Результатом исследования является вывод о необходимости внедрения профессионального любопытства, а также предоставления профессиональных путей для реализации самоутверждения и самовыражения в целях повышения профессионализма, и достижения полноты их жизни в существующих условиях.

Ключевые слова: самоактуализация, бытие, самовыражение, самоутверждение, самореализация, любопытство, намерение, интерес.

*Лекарство от скуки — любопытство. Но лекарства от любопытства нет.
Дороти Паркер*

В последнее время возрос интерес к проблемам самоактуализации личности в профессии. Это обусловлено высокой конкуренцией на рынке труда. Если человек занимается делом, которое ему по душе и вкладывает в это дело все свои знания, умения, навыки, он не только развивает их, но и качественно повышает степень своей профессиональной деятельности. С целью разобраться в особенностях этого процесса мы намерены затронуть в этой статье тему самоактуализации личности в профессии.

В теории С.Л. Рубинштейна человек представлен центром перестройки бытия, и его онтологическая роль состоит в том, что «субъект своим познанием и действием конструирует бытие» [1: 27]. В приложении к этой концепции идеи А.Х. Маслоу о самоактуализации, под которой он подразумевает потребность человека «... стать все более и более тем, кем он способен стать» [10: 2] мы находим, что в глобальном смысле самоактуализация является стремлением субъекта увеличить степень реализации себя в качестве центра перестройки бытия.

Перестройка бытия происходит в результате деятельности, и одним из мотивационных факторов ак-

тивности являются потребности. А.Х. Маслоу иерархически структурировал все фундаментальные потребности человека [9]. Мы, в соответствии с его структурой потребностей, подразделили все виды деятельности субъекта, через которые субъект может конструировать бытие на:

1) деятельность достижения физиологически важных ценностей (физиологические потребности и потребность в безопасности);

2) деятельность достижения социальной значимости (потребности в любви, принадлежности);

3) деятельность, направленная на самоактуализацию (самореализация, самоутверждение и самовыражение личности).

Деятельность, описанная в первых двух пунктах приведенной выше классификации, в некоторой степени реализует онтологическую роль человека как «центра перестройки бытия». Однако наиболее полно, по нашему мнению, субъект может реализовать эту потенцию лишь в «самореализационном», «самоутверждающем» и «самовыражающем» виде деятельности. Рассмотрим «основы» такой деятельности более подробно.

Самовыражение, по нашему мнению, является врожденной потребностью субъекта в выражении внутреннего мира и привнесении его во внешний план бытия, то есть объективации себя в формах бытия. Этот процесс необходим для самопознания: формирования все более полного представления о своих сущностных особенностях. В связи с тем, что элементы самовыражения связывают внутренний мир субъекта, его «Я» и окружающую действительность, развитие таких связей, на наш взгляд, увеличит степень взаимодействия этих сред.

Деятельность, направленную на реализацию самоутверждения личности мы относим к третьему пункту нашей классификации в связи с тем, что зависит она от мировоззренческого выбора субъекта. Вслед за З. Фрейдом, К. Хорни и А. Адлером мы считаем, что самоутверждение — врожденное свойство человека, мотивационной доминантой которого выступает достижение максимальной полноты жизни, возможной в существующих условиях, обеспечение положительного социально-психологического статуса в коллективе, обществе [5]. Оно является и характеристикой, и закономерным следствием именно внутренней активности личности, несмотря на то, что хоть и в разной степени, но всегда связано с социумом, который необходим для выполнения сравнительной функции, и также для обоснования себя в пространстве бытия [14].

Самореализация же, является внутренним влечением личности к положительному развитию своего потенциала. К. Хорни считает, что когда это стремление нарушается (внешними, социальными, или иными препятствиями), человек становится невротиком, переживающим внутренний конфликт [7].

Мы считаем, что для динамичного развития процесса самоактуализации в человеке необходимо наличие и единство в формах реализации всех этих начал: как самоутверждения и самореализации, так и самовыражения.

Часто возникает проблема подмены понятий, когда рассуждая о самореализации, самоутверждении, или самовыражении, подразумевают процесс самоактуализации и наоборот. На наш взгляд, самореализация, самоутверждение и самовыражение являются лишь основными руслами для протекающего по ним глобального процесса самоосуществления (самоактуализации), но никак не отождествляют этот процесс.

Процессы самореализации, самоутверждения и самовыражения протекают одновременно в двух планах бытия субъекта. К первому, внешнему плану бытия, относится стремление человека применить себя в различных сферах жизнедеятельности: профессия, учеба, творчество, ремесленная деятельность, спорт, политика, общественная деятельность и т.д. Во внутреннем плане бытия происходит самосовершенствование человека: физическое, нравственное, интеллектуальное и духовное. Оба плана бытия взаимосвязаны и изменяются под воздействием субъекта. Динамика их изменений, как мы считаем, отражает динамику процесса самоактуализации.

Самовыражение, самоутверждение и самореализация могут быть реализованы субъектом в совершенно разных сферах человеческой жизнедеятельности. Однако, многие люди большую часть своей жизни посвящают профессиональной деятельности. Это позволяет нам выделить особый вид самоактуализации: профессиональная самоактуализация.

Под термином «профессиональная самоактуализация», мы используем рабочие дефиниции А.Ю. Василенко, Л.Р. Шафигулиной и понимаем этот процесс как совокупность процессов:

- 1) личностно-профессионального роста;
- 2) профессионального самоосуществления;
- 3) достижения социальной интегрированности через:
 - сознательное и целенаправленное выявление профессионально значимых качеств личности, их активизацию и творческого проявления в деятельности;
 - реализацию в труде общественных и личностных смыслов [2; 15].

Эти дефиниции, по нашему мнению, отвечают требованиям фундаментальных потребностей в рамках деятельности, описанной в третьем пункте нашей классификации.

Какой же механизм лежит в первооснове самореализационного русла самоактуализации? На наш взгляд это, в первую очередь, *любопытство*.

Любопытство порождает *преднамерение* и *заинтересованность*, которые в случае стечения обстоятельств (объективных условий) и субъективной предрасположенности, могут оформиться в *намерения* и *интерес*. После чего субъект вступает в борьбу за превращение намерения в действие. В случае, если это действие удовлетворит какую-либо из фундаментальных потребностей, то произойдет его закрепление в деятельности. Таким образом, в случае удовлетворения потенции самореализации и самоутверждения у субъекта может появиться новая возможность на пути к самоактуализации личности.

Здесь хотелось бы пояснить, каких взглядов на природу любопытства мы придерживаемся, каково его отличие от интереса, а также объяснить последовательность этих психических процессов.

С.Л. Рубинштейн под любопытством понимает тягу ко всему новому и анализирует данное явление как тенденцию манипулировать каждым познавательным предметом. Он считает любопытство проявлением ориентировочно-исследовательского рефлекса [13].

Эту точку зрения подтверждает мнение К.Д. Ушинского относительно того, что любопытство побуждает к вопросам, создает ориентировку в окружающем мире, сосредотачивая умственную деятельность на интересующей субъекта области, и постепенно перерастает в любознательность. При этом, также, как и вслед за Д.И. Писаревым, мы рассматриваем «любознательность» в качестве синонима «интереса» [11].

Для лучшего осмысления сути «любопытства» и его

роли обратимся к лексическому значению этого слова, ибо как говорится *nomina sunt consequentia rerum*¹.

«Любопытный — кто любит допытываться, дознаваться до всего без надобности и пользы, старается узнать и увидеть все, без иной цели. Любопытствовать — желать узнать или увидеть что-либо. Любопытничать — быть любопытным, дознаваться и доискиваться до того, до чего нет дела» [4]. Здесь выявлены две особенности данного явления: стремление (желание) узнавать, «доискиваться», допытываться до чего-либо и стихийность этого процесса при отсутствии определенной цели познания.

Однако нельзя в достаточной мере приблизиться к пониманию одного из атрибутивных свойств всех разумных систем, через исследование только смыслового значения, обозначающего его слова. Любопытство — это живой процесс и несет в себе эмоциональную составляющую, а эмоция, как писал К.Г. Юнг: «... есть тот самый момент, когда сталь ударяет о кремь и выскакивает искра, поэтому эмоция является главным источником сознания. Без эмоции нет разницы между светом и темнотой или инерцией и движением» [6: 112]. Проявление любопытства имеет характерное яркое эмоциональное наполнение. Более того, ряд психолого-лингвистических исследований выявляют любопытство как одну из основополагающих координатных эмоций. Подобно любви, радости, страху, стыду и т.д. [12].

Е.Ю. Мягкова пишет: «Эмоции «сообщают нечто» о чем-то в нашем сознании, и эти репрезентации представляют собой интенциональные состояния» [12: 3]. Любопытство — производная ориентировочно-исследовательского рефлекса, а всякое рефлексивное состояние интенционально, т.е. направлено на некий объект. При этом интенциональность представляет собой структуру переживаний. Чем сильнее переживания (эмоции), тем к более резкому изменению соматических показателей (электрической активности мозга, функционированию кровеносной и дыхательной систем, превышению пульса) это приводит [3].

Этот факт указывает на задействованность в психическом механизме любопытства практически всех нейрофи-

зиологических и соматических систем организма, которые влияют на организацию процессов мышления и деятельности, а также являются стимулом-побудителем (внутренним влечением, по К. Хорни) к развитию интереса и намерения одновременно в двух планах бытия субъекта [5; 8].

Реализация деятельности, сопровождающейся положительными эмоциями, приносит чувство глубокого внутреннего удовлетворения, что способствует её закреплению в сфере интересов субъекта. В обратной ситуации, если адекватное эмоции поведение по тем или иным причинам невозможно, то возникает возможность развития психосоматических расстройств.

Когда человек начинает ощущать себя в привычной безопасности, т.е. когда он в достаточной мере ориентирован в пространстве бытия для решения ежедневных (привычных) задач. Взаимодействие с ориентировочно-исследовательским рефлексом в некоторой степени уменьшается, а соответственно и, следовательно, для субъекта возможна потеря связи любопытства о окружающей действительности. Это означает прекращение поиска новых путей для самореализации и самоутверждения личности, а соответственно и для её самоактуализации.

Подведем итог всем высказанным нами мыслям. Итак, любопытство — важнейший психоэмоциональный механизм, положительно влияющий на развитие и самоактуализацию личности; основанием которого является ориентировочно-исследовательский рефлекс. Поэтому, целесообразно утверждать, что для повышения профессионализма кадров в процессе их профессионального становления, необходимо направить усилия на «разжигание» профессионального любопытства в профессиональной деятельности и предоставить возможности для реализации потенциалов в самоутверждении и самореализации. Тогда, через профессиональную деятельность, человек получит возможность сделать свою жизнь максимально полной в существующих условиях, повысить профессионализм и реализовать онтологическую роль центра перестройки бытия.

Литература:

1. Абульханова-Славская, К. А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна — М.: Наука, 1989. — 248 с.: ISBN 5-02-013315-9
2. Василенко, А.Ю. Самоактуализация личности как фактор профессиональной вовлечённости субъекта // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета, Тольятти, №1 (8), 2012. — с. 83-87.
3. Винник, Д.В. Рефлексивные и интенциональные состояния сознания. Специфика и соотношение // Гуманитарные науки в Сибири, №1, 2003. — с. 11-15.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Дом Славянской Книги, 2011. — 3696 с.: ISBN 978-5-91503-149-3
5. Деркач, А.А. Акмеологический словарь — М.: РАГС, 2010. — 161 с.
6. Зеленский, В.В. Толковый словарь аналитической психологии — М.: Когито-Центр, 2008. — 336 с.: ISBN 978-5-89353-234-0

¹ Имена суть производные от вещей (лат).

7. Карен Хорни. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию — СПб: Б&К, Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2000—318 с.: ISBN 5—88787—002—3
8. Кэррол, Э. Изард. Психология эмоций — СПб: Питер, 2007. — 464 с.: ISBN 5—314—00067—9
9. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность — СПб: Питер, 2011. — 352 с.: ISBN 978—5—459—01029—9
10. Маслоу, А. Г. Самоактуализация — М.: Книга по Требованию, 2012. — 16 с.: ISBN 978—5—458—38050—8
11. Меньшикова, Е. А. О психолого-педагогической природе любопытства и любознательности детей // Вестник Томского государственного педагогического университета, Томск, № 1 (79), 2009. — с: 88—92.
12. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова — Курск: издательство: Курский государственный педагогический Университет, 2000. — 110 с.
13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии — СПб: Питер, 2013. — 720 с.: ISBN 978—5—496—00617—0
14. Сайкина, Г. К. Самоутверждение личности как необходимый момент самоорганизации общества // Общество как система: самоорганизация, управление, менеджмент (соц.-филос. и эконом. вопросы), Казань, 1995. — с. 41—43.
15. Шафигулина, Л. Р. Качественные особенности самоактуализации личности молодого учителя // Казанский педагогический журнал, Казань, № 1, 2008. — с. 65—70.

К проблеме изучения психологических особенностей отцов, воспитывающих ребенка-инвалида

Лекомцева Елена Николаевна, магистрант
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В мире отмечена тенденция к росту количества детей с ограничением жизнедеятельности. В настоящее время число официально признанных инвалидами людей превышает 12 млн. человек. По статистическим данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации около 500 тыс. детей в России официально признаны инвалидами вследствие интеллектуальных, физических или сенсорных расстройств, 17% из них — дети-инвалиды [8].

До недавнего времени проводилась политика изоляции в отношении инвалидов. Такие дети воспитывались в специализированных домах инвалидов, домах ребенка, детских домах, интернатах. Сегодня ситуация меняется. Все больше родителей берут на себя задачи воспитывать ребенка-инвалида в семье. Однако сам факт появления ребенка-инвалида, неготовность общества адекватно воспринимать инвалидов и их семьи способствует развитию аномальной личностной и поведенческой изменчивости родителей.

В современной психологической литературе уделяется много внимания анализу особенностей взаимоотношений ребенка с ограниченными возможностями здоровья с родителями (С. Д. Забрамная, А. И. Захаров, В. В. Ткачева, И. И. Мамайчук, Е. М. Мастюкова, М. М. Семаго и др.). При этом исследователи либо не делают различий между детско-материнскими и детско-отцовскими отношениями, либо указывают на большую роль матери в воспитании детей. Самостоятельно феномен отцовства предметом изучения ни в рамках детской, ни в рамках семейной психологии не выступает. Особенности отцовства, эмоцио-

нально-мотивационные и ценностно-смысловые аспекты роли отца мало изучены, хотя данные вопросы являются актуальными и значимыми при составлении коррекционных программ развития детей, программ психологического сопровождения семьи и при разрешении различных конфликтных семейных ситуаций.

Для нашей страны проблема отцовства является почти не изученной и особенно актуальной в силу исторических причин, особенностей влияния тоталитарного государства на становление роли мужчины вообще и отцовства в частности. Фактически за очень короткое время в течение жизни двух поколений картина отцовства существенно изменилась, изменились и социальные представления о том, каким должен быть отец и как он должен себя вести.

Современная модель отцовства связана с демократическими, гуманистическими тенденциями в обществе, равноправием супругов в распределении прав и обязанностей в семье. Отец и мать в современной семье представлены как равноправные партнеры. Меняются научные и теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям. Если раньше было распространено представление о том, что мать лучше взаимодействует с ребенком-младенцем, подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, поэтому она более компетентна в уходе за ребенком, сейчас ученые считают, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать, что доказано

исследованиями. Сейчас все более заметна тенденция к увеличению количества отцов, которые принимают самое активное участие в жизни своего ребенка, начиная с момента его рождения [1]. Следовательно, нельзя отрицать наличие закономерности психологической изменчивости личности отца, воспитывающего ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Качественные изменения отцов таких детей проявляются на психологическом и социальном уровнях [6].

Психологический уровень. Через рождение детей достигаются личностные, внутренние цели мужчины, желание самореализоваться в ребенке. Э. Фромм описал любовь отца к ребенку как основанную на определенных условиях, руководствующуюся принципом «Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды, потому что ты исполняешь свой долг, потому что ты похож на меня». Отклонения в развитии ребенка не позволяют оправдать отцовских надежд.

Стресс, имеющий пролонгированный характер, оказывает сильное деформирующее воздействие на психику родителей и становится исходным условием резкого травмирующего изменения сформировавшегося в семье жизненного уклада. Деформируются сложившийся стиль внутрисемейных взаимоотношений; система отношений членов семьи с окружающим социумом; особенности миропонимания и ценностных ориентаций каждого из родителей больного ребенка.

Социальный уровень. Совершенно очевидно, что одной из важнейших характеристик отцовства является его социальная детерминированность. Социум предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному и социальному статусу отца. Именно отцовство, наличие детей позволяет говорить о статусе мужчины, то есть, с одной стороны, отцовство связано с социальным статусом, т. е. становится возможным для мужчины, в отличие от женщины, только по достижению определенного статуса, а с другой — отцовство само по себе повышает статус мужчины как члена общества, что проявляется в большем уважении и доверии к мужчине-отцу.

В результате рождения ребенка с отклонениями в развитии контакты мужчины с окружающим социумом искажаются. Причиной этого являются характерные особенности состояния и развития больного ребенка, а также личностные установки самого мужчины: страх, стыд, чувство неполноценности как мужского члена общества, своей маскулинности и репродуктивной способности.

Выделяют **два типа отцовства** в зависимости от того, какая *психологическая потребность в мужчине* сильнее: опекать, заботиться или учить. К первому типу относятся мужчины, жаждущие опекать ребенка, когда он слаб, беззащитен, беспомощен. Как правило, данный тип отцовства имеет место быть только в первые годы жизни ребенка. Однако данный тип отцовства свойственен и мужчинам, имеющим детей-инвалидов,

в силу их психофизиологических особенностей развития. У других мужчин ведущая потребность — учить, передавать свои знания и умения, т. е. сделать ребенка в прямом смысле своим наследником. Как правило, это родители здоровых детей.

Итак, переживания, которые испытывают отцы детей с психофизическими недостатками, влияют на их самосознание, эмоциональную и когнитивную системы. Каждый мужчина может по-разному реагировать на появление в семье ребенка-инвалида. В современных психологических исследованиях личности выделяются три основных типа реагирования индивида в ситуации эмоционального стресса: стенический (сильный), гипостенический (слабый) и смешанный [6].

Стенический тип реагирования. Отмечается тенденция к асоциальным формам взаимодействия. В этой группе самый высокий процент акцентуированных лиц. Родители с импульсивно-инертными чертами (авторитарный тип) характеризуются тенденцией к резистентности и усиленной сопротивляемости к фрустрирующему воздействию сложившихся обстоятельств, в крайнем случае, проявляется тенденция к обособленности позиции.

Гипостенический тип реагирования. Эта группа родителей занимает второе место по числу акцентуированных лиц. Родители с тревожно-сенситивными личностными тенденциями получили название **невротичные**. У невротичных родителей эмоциональная реакция на стресс, вызванный рождением больного ребенка, проявляется повышенной тревожностью, различными страхами, глубокой депрессией (гипостенический тип реагирования). Эти особенности родителей в их взаимодействии с больным ребенком приобретают характер подчинения сложившимся обстоятельствам. Часто это проявляется в виде педагогической некомпетентности, воспитательской неумелости, а в отдельных случаях отторжения самого ребенка, вызывающего стресс. Фрустрирующая ситуация для этих родителей постепенно приобретает непреодолимый характер.

Смешанный тип реагирования. Данная группа родителей представлена лицами, сочетающими в себе как гипо-, так и гиперстенические свойства. Для этих родителей характерны предрасположенность к высокой нормативности поведения и сдержанности в проявлении эмоций, внутреннее субъективно-индивидуалистичное переживание своей проблемы, что сопряжено с возникновением психосоматических заболеваний. Именно последняя характеристика и послужила причиной названия обследуемой группы — **психосоматичные**.

В зависимости от типа реагирования индивида на стрессовую ситуацию, стили воспитания (в частности отцовского) детей с особыми потребностями, дифференцируются на четыре группы [2]:

Первая: стиль воспитания — гиперопека, что со временем может измениться гиперпротекцией (фобия утраты ребенка). Ребенок становится центром жизнедеятель-

ности такого родителя, поэтому коммуникативные связи с окружением деформированы. Родители имеют неадекватные представления о возможностях ребенка. Такая семья оказывает негативное влияние на формирование личности ребенка-инвалида, оказывается в ее эгоцентризме, постоянной зависимости от родителей, отсутствия собственной активности в действиях, занижении самооценки.

Вторая группа: «холодные» отношения с ребенком, гипопротекция, снижение эмоциональных контактов. Внимание акцентируется на медицинской стороне проблемы, поэтому родители проявляют повышенные требования к медицинскому обслуживанию, пытаются таким образом компенсировать свой психологический дискомфорт. Именно в таких семьях встречается явление скрытого алкоголизма родителей. Семья такого типа способствует формированию в личности ребенка эмоциональной неуравновешенности, высокой тревожности, нервно-психического напряжения, порождает комплекс неполноценности, беззащитность, неуверенность в себе

Третья группа: стиль сотрудничества, конструктивные и ответственные отношения с ребенком, родители осознали проблему, верят в успех, знают все сильные стороны личности ребенка, развивают его самостоятельность. Родители этой группы имеют, как правило, высокий образовательный уровень, проявляют постоянный интерес к организации социально-педагогического развития ребенка, поддерживают проявления его самостоятельности, налаживают контакты с внешним миром.

При таких условиях у ребенка-инвалида развивается чувство защищенности, уверенности в себе, потребности в активном установлении межличностных отношений не только с ближайшим окружением, но и с внешней действительностью целом

Четвертая группа: репрессивный стиль семейного общения; авторитарная родительская позиция; пессимизм, ограничения прав ребенка; постоянные требования соблюдения определенных правил, а при отказе — возможны и физические наказания. В такой семье у ребенка формируется аффективно-агрессивное поведение, плаксивость, повышенная возбудимость, раздражительность.

Преобладающим стилем воспитания в семьях, в которых растут дети с патологией развития, является гиперопека. Среди семей, воспитывающих детей с двигательной патологией, существуют и такие, в которых имеет место эмоциональное отвержение отцом больного ребенка, проявляющееся в жестоком обращении.

Таким образом, рождение ребенка-инвалида оказывает существенное влияние не только на личность матери, но и отца. Отец является таким же важным и необходимым для ребенка человеком, как и мать. Вследствие этого, необходимо практическое изучение психологических и социальных изменений, которые претерпевают мужчины с появлением в семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья, наметить пути оказания психологической помощи отцам в зависимости от выявленных характеристик, свойств и акцентуаций его личности.

Литература:

1. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства. — Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. — 220 с
2. Кисляк, Л. А. Проблемы адаптации семьи к воспитанию ребенка с особыми потребностями // Актуальные проблемы обучения и воспитания людей с особыми потребностями: Сб. научных трудов. — М.: Университет «Украина», — 395 с., с. 64–65].
3. Мамайчук, И. И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. — СПб.: Речь, 2001. — 220 с.
4. Мастюкова, Е. М., Московкина А. Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. — М., 2004.
5. Семаго, М. М. Особенности коррекционной работы с семьей в процессе консультирования ребенка с отклоняющимся развитием // Школа здоровья. 1996. №3. с. 41–54.
6. Ткачева, В. В. Технологии психологического изучения семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. — М., 2006.
7. Ткачева, В. В. Психолого-педагогическое изучение семьи, воспитывающей ребенка с отклонениями развития // В. В. Ткачева // Психолого-педагогическая диагностика. — М.: Академия, 2003. — с. 280–290.
8. <http://www.gks.ru/>

Содержание психолого-педагогического сопровождения профессионального здоровья педагога

Литовченко Ольга Сергеевна, педагог-психолог

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №21» (г. Каменск-Уральский, Свердловская обл.)

Необходимость сопровождения профессионального здоровья педагогов приводит нас к поиску методологических оснований, предпосылок и специфики научно-методического сопровождения профессионального здоровья педагогов.

В конце 90-х годов XX века в отечественной психологии и педагогике психолого-педагогическое сопровождение рассматривается широко как в контексте образовательного процесса, направленного на развитие личности, так и в качестве инструмента по оказанию социально-психологической помощи.

Н. Осухова отмечает, что сопровождение — это «поддержка психически здоровых людей, у которых на определенном этапе развития возникают личностные трудности». Автор рассматривает сопровождение как системную интегративную «технология» социально-психологической помощи личности, которая открывает перспективы личностного роста, помогает человеку войти в ту «зону развития», которая ему пока еще недоступна.

Автор также утверждает, что сопровождение — это особая форма осуществления пролонгированной социальной и психологической помощи, которая предусматривает поддержку естественно развивающихся реакций, процессов и состояний личности.

Е.И. Казакова под психолого-педагогическим сопровождением понимает оказание помощи ребенку, его семье и педагогам, в основе которой лежит сохранение максимума свободы и ответственности субъекта развития за выбор решения актуальной проблемы; мультидисциплинарный метод, обеспечиваемый единством усилий педагогов, психологов, социальных и медицинских работников; органическое единство диагностики проблемы и субъектного потенциала ее разрешения, информационного поиска возможных путей решения, конструирования плана действий и первичная помощь в его осуществлении; помощь в формировании ориентационного поля, где ответственность за действия несет сам субъект развития [4].

В настоящее время термин «психолого-педагогического сопровождения» используется достаточно широко применительно к сфере образования, проблемам организации обучения и воспитания в контексте модернизации образования. Все большее значение приобретают представления о психолого-педагогическом сопровождении как системе профессиональной деятельности психолога, направленной на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психологического развития ребенка в ситуациях школьного взаимодействия с ориентацией на зону его ближайшего развития (М. Р. Битянова) [2].

Э.М. Александровская отмечает, что психолого-педагогическое сопровождение — это особый вид помощи ребенку, технология, предназначенная для оказания помощи на определенном этапе развития в решении возникающих проблем, или в их предупреждении в условиях образовательного процесса [1]. Автор идею сопровождения сближает с идеей поддержки. Она отмечает, что технологии сопровождения помогают анализировать ближайшее окружение, диагностировать уровни психического развития, использовать активные групповые методы, индивидуальную работу с детьми и их родителями, педагогами.

Л.М. Шипицына сопровождение рассматривается как метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора (Л.М. Шипицына). При этом под субъектом развития понимается как развивающийся человек, так и развивающаяся система (психолого-педагогическая система). Л.М. Шипицына отмечает, что, сопровождение — это комплексный метод, в основе которого лежит единство взаимодействия сопровождающего и сопровождаемого. Автор рассматривает процесс сопровождения как непосредственное или опосредованное взаимодействие психолога, педагога, медика и учащихся, результатом которого является помощь личности в разрешении проблем, которые у нее возникают [8].

Кроме того, психологическое сопровождение рассматривается как модель организации психологической службы в образовании, как отражение системы теоретических представлений о деятельности школьного психолога на практике (М.Р. Битянова) [2]. Автор определяет свой подход как «парадигму сопровождения», подчеркивая его деятельностную направленность и отмечая, что эта система выросла из практики, ориентирована на практику и как на свою конечную цель, и как источник своего собственного развития.

Многочисленные исследования в области организации психолого-педагогического сопровождения (Е.М. Дубовская, Л.А. Петровская, Р.В. Овчарова, О.А. Тихомандрицкая) позволяют выделить основные направления его реализации [7]:

— *психологическая диагностика* с целью выделения затруднений, определения ресурсов и помощи в использовании знаний о себе для саморазвития;

— *психологическое просвещение* посредством повышения уровня индивидуальной психологической компетентности, что позволяет повысить эффективность взаимодействия субъекта в различных сферах — «Я-другие», «Я-сам», «Я-профессиональная деятельность», «Я-мир»;

— *психологическое консультирование*, в процессе которого оказывается психологом помощь личности в ее самопознании, адекватной самооценке и адаптации к реальным жизненным условиям, формирование ценностно-мотивационной сферы, преодолении кризисных ситуаций и достижение эмоциональной устойчивости, способствующей непрерывному личностному росту и саморазвитию.

— *развивающее направление*, в ходе которого накапливается опыт использования поддерживающего взаимодействия в оптимизации собственного развития; отрабатываются способы и приемы адаптивного поведения, происходит обучение конструктивным способам взаимодействия;

— *психологическая коррекция*, активное психолого-педагогическое воздействие, направленное на устранение отклонений в личностном развитии, гармонизацию личности и межличностных отношений в конкретных образовательных условиях.

Психологическое сопровождение может осуществляться при помощи специфических, индивидуальных и групповых психологических методов с использованием элементов современных психотехник: здоровьесбережения, ко-пинга, развития ресурса, фасилитации. Технологии психологического сопровождения предполагают использование аналитических, оценочных, диагностических, развивающих и обучающих методов (Э. М. Александровская) [3].

По мнению Л. М. Митиной первым направлением в решении проблемы гармонизации и гуманизации личности учителя является воспитание и поддержание мотивации на педагогическую деятельность, на сотрудничество с ребенком. Второе направление — обеспечение социально-психологических условий повышения уровня педагогической компетентности, прежде всего коммуникативной и конфликтной компетентности. Третье направление можно определить как психологическое обеспечение условий развития педагогической гибкости, непосредственно связанной с творческим потенциалом учителя. Все более распространенной становится точка зрения, согласно которой понятия «творчески одаренная личность» и «психологически нормальный индивидум» — почти равнозначны. Лишь реализация творческих задатков (каковы бы ни были их масштабы) способствует профессиональному здоровью человека [5]. И четвертое направление — повышение профессионального самосознания учителя — осознание себя личностью, хозяином жизни, способным проектировать свое будущее. Низкий уровень профессионального самосознания учителей (низкий уровень самоотношения, самоуважения, самопринятия, аутосимпатии, низкая самооценка и др.) — это национальное бедствие, это показатель того, что одна из самых преданных профессиональных популяций охвачена моральной апатией, нравственной депрессией. К сожалению, педагоги утрачивают самое святое — осознание ценности своей личности в обществе.

Полисистемная связь здоровья с процессом труда учителя предполагает использование новых оздоравливающих технологий, прогнозирующих моделей в интересах охраны здоровья учителя.

Модели, ориентированные на формирование и охрану здоровья учителя, должны быть разработаны для внедрения на следующих уровнях: федеральном, региональном, городском, школьном и индивидуальном.

На последних двух уровнях уже сейчас реализуется ряд направлений «технологий здоровья»:

— информационно-мотивирующее (включает работу через средства массовой информации, выступления, лекции, семинары, встречи с администрацией департаментов образования и директорами школ с целью пропаганды здорового образа жизни);

— организационное (подразумевает решение необходимых административных, организационных, хозяйственных, финансовых вопросов);

— медико-диагностическое (медицинское обследование учителей, определение общего физического состояния и выявление заболеваний);

— психодиагностическое (психологическое обследование учителей, определение общего психического состояния, выявление индивидуально-психологических особенностей);

— общеоздоровительное (открытие специальных групп физического оздоровления, работа по обеспечению школы в целом и отдельных учителей необходимыми медицинскими препаратами);

— социальное (решение вопросов постоянной выплаты зарплат, специальных выплат для поддержания здоровья, премий, создание реальной НОТ, материальное обеспечение обучения и т. д.);

— психологическое (проведение специальных психологических семинаров для учителей по проблемам психического здоровья, работа кабинетов психологической разгрузки, индивидуально-психологическое и семейное консультирование и т. д.);

— психотерапевтическое (систематическая организация психотерапевтических и коррекционных групп учителей, проведение тренинговых занятий различной тематики, индивидуальная психотерапевтическая работа и т. д.).

Особое значение в проектировании научно-методического сопровождения профессионального здоровья педагога имеют идеи О. Е. Лебедева о формировании ключевых компетентностей. Компетентность, с точки зрения О. Е. Лебедева, — это способность действовать в ситуации неопределенности [6].

Повышение компетентности педагога должно осуществляться в рамках консультационной и тренинговой деятельности. Вопросы организации консультативной деятельности в процессе образования играют важную роль в том, какое место займет консультирование в школьных учреждениях.

Консультативная деятельность — это оказание помощи педагогическим работникам и другим участникам

образовательного процесса в вопросах развития, воспитания и обучения психологического консультирования.

Итак, психолого-педагогическое сопровождение профессионального здоровья педагога — это особый вид помощи педагогу, предназначенный для содействия в ре-

шении возникающих проблем, или в их предупреждении в условиях образовательного процесса, в рамках которой осуществляется диагностика, психологическое консультирование и развитие компетентности педагога.

Литература:

1. Казакова, Е. И. Система комплексного сопровождения ребенка: от концепции к практике. — СПб, 1998
2. Битянова, М. Р. Психология в школе: содержание и организация работы. М., 2000
3. Александровская, Э. М., Куренкова Н. В. Психологическое сопровождение детей младшего школьного возраста: Учебно-методическое пособие: Ч. 2 // Журнал прикладной психологии. 2001. № 1
4. Шипицына, Л. М., Хилько А. А., Галлямова Ю. С., Демьянчук Р. В., Яковлева Н. Н. Шбз Комплексное сопровождение детей дошкольного возраста/Под науч. ред. проф. Л. М. Шипицыной. — СПб. 2008
5. Битянова, М. Р. Психология в школе: содержание и организация работы. М., 2000
6. Чекунова, Е. А. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности в образовательном пространстве школы// Гуманитарные и социальные науки 2010. № 6
7. Вахитова, Г. Х. Психолого-педагогические аспекты компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования // Вест. Томского гос. пед. унта (Tomsk State Pedagogical Universitet Bulletin). 2011. Вып. 10. с. 9–12
8. Кригер, Е. Э. Проблема развития профессионального здоровья педагога как предмет исследования в психолого-педагогической науке // известия ПгПу им. в. г. белинского. 2012. № 28. с. 823–826
9. Лебедев, О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. с. 3–12.

Представление о здоровье в современной науке

Литовченко Ольга Сергеевна, педагог-психолог

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №21» (г. Каменск-Уральский, Свердловская обл.)

В последние годы как за рубежом, так и в нашей стране в сознании общества активно складывается качественно новое отношение к понятию «здоровье». Через познание источников здоровья и их улучшение можно не только предупредить возникновение болезней, но и совершенствовать личность в целом, т. е. забота о здоровье является процессом сохранения и формирования психических и физических возможностей человека.

Здоровье — самостоятельное и междисциплинарное явление, которое требует глубокого исследования, формирования современной концепции здоровья и моделей сопровождения здоровья человека. При отсутствии систематизированных и четких представлений о феномене здоровья и не удастся преодолеть поверхностные оценочные суждения при решении данной проблемы.

Понятие «здоровье» сложилось в далекой древности и поначалу оно относилось в основном к физическому состоянию человека: здоровый человек — значило — не больной человек. Здоровье понималось как нормальное состояние организма, при котором хорошо функционируют все его органы [6]. С формированием общества и разных наук, данное понятие наполнилось новым содержанием, а понятие «здоровый» стали сопоставлять с об-

разом жизни индивида, его психическим состоянием и духовным развитием.

Роль здоровья в жизни человека отобразилась и в развитии языка народа. Наиболее общеупотребительным приветствием стало «здравствуйте», что значит не что иное, как пожелание здоровья. Это же означает и воинское приветствие младшего по званию старшему: «Здравия желаю». Прощаясь, люди нередко произносят «будь здоров!», а также спешат сказать эти слова тому, кто неожиданно чихнул. Здравницей именуется краткая торжественная речь с пожеланием здоровья. Оценивая нечто положительно люди нередко восклицают: «вот здорово!». Стали общеупотребительными такие выражения, как, к примеру, «здоровая семья», «здоровый быт», «здоровый климат», «здоровый образ жизни» и многие другие. От слова «здравие», вышедшего ныне из употребления, образовано много других понятий: «здравоохранение» — как система государственных и общественных мероприятий, «здравница» — как лечебно-профилактическое учреждение, «здравый», «здравомыслящий» — как разумный и правильный и т. д.

Множество поговорок и пословиц связано с оценкой значения здоровья в жизни общества. Народная мудрость гласит: «Здоровью цены нет», «болезнь человека

не красит». Известный русский писатель и врач В. Вересаев так оценил здоровье: «...с ним ничего не страшно, никакие испытания, его потерять — значит потерять все; без него нет свободы, нет независимости, человек становится рабом окружающих и обстановки; оно — высшее и необходимое благо, а между тем удержать его так трудно» [1, с. 43]. Великий немецкий философ А. Шопенгауэр отводил здоровью безоговорочно первое место среди наиболее значимых ценностей и говорил о том, что ради здоровья надлежит поступиться всем прочим [8].

Наука о здоровье человека играет огромную роль для развития современного знания, не меньшее, чем, к примеру, биология, химия или физика. А по своей практической значимости данная проблема является одной из сложнейших вопросов современной науки. При всей значимости понятия «здоровье», как отмечают исследователи, не так-то просто дать ему исчерпывающее определение, а их сейчас в науке сформировалось больше 80. Однако такого, которое бы всех устроило, пока еще не сформулировано. Обобщая мнение исследователей феномена здоровья, можно сказать, что здоровья в абсолютном смысле не существует и, по существу, оно является идеалом. Каждый индивид здоров условно и каждый индивид в определенных условиях может быть здоровым.

Опираясь на ряд научных работ, где была сделана попытка установить сущностные элементы здоровья, Г.С. Никифоров, выявил несколько концептуальных подходов к дефиниции данного понятия [4, с. 87].

Рассмотрим и проанализируем некоторые подробнее из них:

1. Здоровье является нормальной функцией организма на всех уровнях его организации.

При подобном подходе нормальное функционирование организма в целом выступает как один из ключевых компонентов феномена «здоровье». Для всех анатомических, физиологических, биохимических характеристик человеческого организма подсчитываются среднестатистические показатели нормы. Организм считается здоровым, если данные показатели его функций не отклоняются значимо от их известного среднего состояния. Отклонение от нормы считается развитием болезни. Но не всякое отклонение от нормы — это болезнь. Граница между болезнью и нормой не отчётлива и в довольно индивидуальна. То, что для одних — норма, для других является уже болезнью. И потому в науке введен термин «предболезнь». Так обозначают переходное состояние от здоровья к болезни. Состояние «предболезни» хоть и имеет определенные патологические признаки, но однако не нарушает здоровья.

2. Здоровье является динамическим равновесием организма и его функций с окружающей средой.

Такой признак, как равновесие, вообще в определении здоровья встречается с давних времен. Древнегреческий философ, математик и врач Пифагор понимал под здоровьем равновесие и гармонию, а под болезнью — их на-

рушение. Гиппократ считал человека здоровым, если у него между всеми органами тела имелось равновесное соотношение, а Г. Спенсер определял здоровье как результат, который установил равновесие внутренних отношений к внешним.

3. Здоровье является способностью организма приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям существования в окружающей среде, способностью поддерживать постоянство внутренней среды организма, обеспечивая разностороннюю и нормальную жизнедеятельность, сохранение живого начала в организме.

Данный признак является тоже очень распространенным в определениях здоровья. Тут сделан акцент на адаптацию, как на один из самых главных и универсальных признаков биосистемы.

4. Здоровье является отсутствием болезни, болезненных изменений и болезненных состояний.

Данный признак здоровья настолько очевиден, что именно с ним традиционно связывают здоровье. Он основан на простой логике: здоровы люди, не нуждающиеся в медицинской помощи.

5. Здоровье является способностью к полноценной реализации узловых социальных функций.

Данный признак также употребляется во многих определениях здоровья и отмечает значимость участия индивида в социальной деятельности.

6. Здоровье является полным физическим, духовным, умственным и социальным благополучием. Это гармоническое развитие духовных и физических сил, принцип единства организма, уравновешенного взаимодействия всех органов и саморегуляции.

Данный признак созвучен с определением здоровья, приведенным в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 1948 г. до сих пор используемого, несмотря на то что он все чаще подвергается критике. Всемирная организация здравоохранения трактует данный термин как «такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но полное физическое, душевное и социальное благополучие».

Рассмотрение сущностных характеристик здоровья позволяет выявить четыре ключевые концептуальные модели определения термина здоровья: медицинскую, биомедицинскую, ценностно-социальную и биосоциальную.

Медицинская модель дает определение здоровья, содержащее только медицинские характеристики и признаки здоровья.

Биомедицинская модель рассматривает здоровье как отсутствие у человека субъективных ощущений нездоровья и органических нарушений.

Ценностно-социальная модель считает здоровье базовой человеческой ценностью, необходимой предпосылкой для полноценной жизни, удовлетворения духовных и материальных потребностей индивида. Данной

модели в наибольшей степени соответствует определение здоровья, которое сформулировано ВОЗ.

Биосоциальная модель в понятие «здоровье» включает социальные и биологические признаки. Данные признаки учитываются комплексно, но приоритеты при этом отдаются социальным признакам.

Следует рассмотреть еще одно важное обстоятельство в определении понятия здоровья. Как отмечал П.И. Калью, одними авторами здоровье трактуется как состояние, другими — как динамический процесс, а третьими вообще этот вопрос обходится стороной. Рассматривая данные подходы, П.И. Калью пришел к выводу, о том, что здоровье как состояние анализируется в более ранних определениях данного понятия [2]. Сейчас специалистами все чаще считается, что здоровье выступает как динамический процесс. Но, по-видимому, правы те исследователи, которые при определении здоровья не пытаются абсолютизировать причастность к нему лишь какой-то одной категории — или состояния, или процесса. Так, в частности, академик В.П. Казначеев определял здоровье как *динамическое состояние, процесс развития и сохранения его биологических, психических и физиологических функций, социальной активности и оптимальной трудоспособности при максимальной продолжительности жизни* [2].

Как бы ни подходили исследователи к определению термина здоровья, их главный интерес направлен на выявление механизмов, обеспечивающих надежность организма как биологической системы, его нормальную жизнедеятельность. Понятие «здоровье» и «надежность» в данном смысле крайне близки. В обоих случаях предполагается отсутствие каких-то значительных нарушений в функционировании организма и его составляющих частей. Много общего и в методах восстановления утраченной нормы.

Так, А.А. Маркосян определяет надежность физиологической системы согласно своей концепции «надежности биологической системы» как биологический закон живого, лежащий в основе конструкции всего организма [3]. Надежность биосистемы обеспечивает также ее способ-

ность к адаптации и компенсации на данной основе нарушенных функций, совершенство и быстроту использования обратных связей, динамичность взаимодействия звеньев саморегулирующих подсистем входящих в нее.

Биологическая надежность складывается в процессе онтогенетического и филогенетического развития организма личности. В первом случае она проходит этапы становления, которые в значимой степени определены возрастными этапами онтогенеза и прежде всего — периодом детства. Если данный период был благоприятен, то в зрелом возрасте наблюдается четко выраженная надежность физиологической системы. Но как сложную живую систему человека анализируют не только на биологическом уровне. Не меньшую роль, как видно из определений здоровья, играют социальный и психологический уровни. И на каждом из этих уровней здоровье человека характеризуется особенностями своего проявления.

И если вопрос профилактики здоровья, лечения болезней и укрепления защитных сил организма с давних времен стоит в поле зрения традиционной медицины, то представления о сути и методах обеспечения здоровья, которое связано с социальным и психологическим уровнями, еще не сформировались. Вместе с тем, Г.С. Никифоров указывает, что и в организме, на психологическом уровне действуют механизмы, которые нацелены на поддержание здоровья личности, обеспечение ее надежности [5].

Рассматривая человека как целостную систему, выделяют преимущественно следующие виды его здоровья: физическое (соматическое), психическое, нравственное, социальное [7]. В последние годы отдельные авторы выделяют как отдельный феномен профессиональное здоровье.

Таким образом, здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но полное физическое, душевное и социальное благополучие.

В качестве его основных видов выделяют следующие: физическое (соматическое), психическое, нравственное, социальное и профессиональное здоровье.

Литература:

1. Казначеев, В.П. Очерки теории и практики экологии человека. М., 2003
2. Калью, П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 2008
3. Маркосян, А.А. Надежность физиологической системы и онтогенез. // Молекулярные и функциональные основы онтогенеза./Под редакцией В.П. Махинько. М., 2000
4. Никифоров, Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие. М., 2000 с.87
5. Никифоров, Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие. М., 2002
6. Толковый словарь русского языка
7. Тухтарова, И.В., Биктимиров Т.З.. Соматопсихология. Хрестоматия., 2006
8. Шопенгауэр, А. Афоризмы о житейской мудрости. СПб., 2009

Профессиональное становление личности юношей и девушек в процессе обучения в вузе

Логинова Анна Анатольевна, студент;

Онуфриева Вера Васильевна, доцент

Владимирский государственный университет имени А. Г и Н. Г. Столетовых

Актуальность данной проблемы определяется тем, что профессиональная деятельность играет важную роль в жизни каждого человека. Удачно выбранная профессия повышает самоуважение и позитивное представление человека о себе. Адекватность выбора и уровень освоения профессии влияют на все стороны и общее качество жизни. Поэтому так важно для человека, вступающего в мир профессий, сделать правильный выбор, который соответствовал бы возможностям личности. Профессиональное самоопределение — основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных решений в жизни.

В настоящее время существуют специфические социально-психологические трудности в выборе своего профессионального будущего выпускниками школ. Специфичность этих трудностей связана с особенностями экономической ситуации в стране, обострением противоречий в общественном и индивидуальном самосознании, нестабильностью общепринятых социальных норм и критериев, формирующих систему ценностей в отношении профессии, все это затрудняет обоснованность профессионального выбора. Особенно остро проблема формирования профессионального самоопределения стоит в юношеском возрасте (16–18 лет), когда учащиеся должны принять решение о выборе профессии.

Эта проблема разрабатывалась рядом авторов: Ю. П. Поваренков, Л. М. Митина, А. Т. Ростунов, Т. В. Кудрявцев, Е. Ф. Зеер и т. д.

В работах Ю. П. Поваренкова исследуется подход о том, что профессиональное становление выглядит, как процесс формирования личности и деятельности профессионала [5].

В работе Л. М. Митиной основополагающим в концепции является положение С. Л. Рубинштейна о двух способах жизни. Л. М. Митина предлагает модель адаптивного поведения и модель профессионального развития. Принципиальным для автора является отсутствие связи возраста личности и ее профессионального развития [2].

В работе А. Т. Ростунова при разработке концепции выдвинута задача создания эффективной системы управления формированием профессиональной пригодностью, под которой он понимает «совокупность индивидуально-психологических особенностей человека, обеспечивающих наибольшую эффективность его общественно полезной деятельности и удовлетворенность своим трудом» [6].

В работах Т. В. Кудрявцева особое значение при разработке стадийной концепции придается кризисным си-

туациям. По мнению автора, они обусловлены рассогласованием между ожидаемым и достигаемым результатом, изменением представлений о самом себе и построением новых [4].

Периодизация профессионального развития опирается на хронологический возраст индивида и ограничена временными рамками, что совпадает с представлениями Ф. Зеера о периодизации профессионального развития. В данной концепции в качестве основания для выделения четырех стадий профессионального развития используется социальная ситуация развития и уровень реализации профессиональной деятельности, что совпадает с представлениями о стадийности В. Т. Кудрявцева. В общем, стадийность профессионального становления Э. Ф. Зеера и Т. В. Кудрявцева имеют много общего.

Анализ психологической литературы показывает, что ведущие качества профессии социального педагога делятся на две подгруппы: общешкольные и профессионально-педагогические. К первой относятся: трудолюбие, энергичность, организованность в работе, деловитость, целеустремленность, настойчивость, инициатива, творческие способности и другие. В сущности, они нужны любому педагогу. Во вторую группу объединяются качества педагога-профессионала: знание педагогики и психологии, личное педагогическое мастерство [5].

Реализация социально-психологических функций зависит от наиболее представительной группы качеств — организаторских. Они разделяются на две подгруппы: администраторские и социально-психологические качества. В первую подгруппу входят те свойства личности педагога, которые необходимы для осуществления функций управления путем использования системы административных прав и обязанностей, нормах и инструкциях. Во вторую подгруппу входят такие свойства личности как: умение анализировать учебно-воспитательный процесс, прогнозировать, принимать научно обоснованные решения, планировать, четко и ясно инструктировать, организовывать внутришкольный контроль, методическую и внеклассную работу, деятельность ученических организаций, родительского комитета, проводить собрания и индивидуальные беседы. [5].

Таким образом, обобщая точки зрения авторов можно утверждать, что личность социального педагога-психолога должна быть целеустремленной, настойчивой, инициативной, иметь творческие способности, быть решительной, твердой, уравновешенной, исполнительной

и дисциплинированной, все эти признаки соответствуют социальному типу личности.

Целью эмпирического исследования являлось выявление профессиональной направленности личности студентов первого курса, личностных черт, оценивающих, готовность студентов к обучению по профилю подготовки «Психология и социальная педагогика». Цель конкретизировалась путем постановки следующих задач исследования: провести теоретический анализ литературы по проблеме профессионального становления личности студента; выделить профессионально важные качества личности социального педагога; установить соответствие профессиональных качеств, направленности личности студентов выбранной профессии.

В качестве гипотезы исследования рассматривалось предположение о том, что личность может стать достаточно профессиональной в данной области, если будет присутствовать необходимый уровень мотивация, а так же склонность к профессии. В качестве объекта исследования рассматривалось профессиональная направленность личности студентов, а предметом выступало ее соответствие социально-педагогической профессии.

В исследовании участвовали студенты первого курса Владимирского государственного университета в количестве 28 человек: 3 юноши и 25 девушек, в возрасте 17–19 лет. Применялись методики: опросник ОПП Дж. Холланда, личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF, методика ОТеЦ И. Г. Сенина.

На первом этапе исследования оценивалась профессиональная направленность студентов, для этого применялся опросник Дж. Холланда. Распределение типов личности представлено следующим образом: 72% — социальный тип, 12% — артистический, 12% — предпринимательский, 8% — интеллектуальный. Преобладающим у студентов является социальный тип личности, что соответствует литературным данным.

На втором этапе исследования выявлялись личностные качества студентов, выбравших профессию со-

циального педагога, применялся опросник Р. Кеттелла 16 PF. Усреднение результатов в исследуемой группе показало, что преобладающими личностными чертами являются: смелость, предприимчивость, активность, способность принимать самостоятельные, неординарные решения, стремление работать вместе с другими людьми. Но при этом имеется низкая самостоятельность и ориентация на социальное одобрение, т. е. студенты лучше себя чувствуют и предпочитают осуществлять деятельность вместе с группой. Сравнение полученных данных, имеющихся в литературе, показывает, что большая часть качеств соответствуют литературным данным.

На третьем этапе рассматривались мотивационные предпочтения и сферы их проявления у студентов, для этого применялась методика ОТеЦ И. Г. Сенина. В качестве терминальных ценностей студенты выделяют активные социальные контакты, которые предполагают реализовать в общественной жизни. Такая мотивационная установка соответствует профессии социального педагога и является основой для формирования профессиональной направленности личности студентов.

Таким образом, полученные в исследовании результаты позволяют верифицировать выдвинутую в начале исследования гипотезу о том, что личность может стать достаточно профессиональной в данной области, если будет присутствовать необходимый уровень мотивации, соответствующие профессии личностные качества и профессиональная направленность.

Существует дальнейшая перспектива разработки этой проблематики, которая может найти свое применение в плане рекомендаций по выбору профессии, при составлении программ тренингов, направленных на личностный рост, расширению коммуникативных навыков, взаимодействия, повышения стрессоустойчивости, дальнейшем формировании профессиональных качеств личности. На основе полученных результатов, можно проводить подобные мероприятия в школах, тем самым помогая в выборе профессии старшеклассникам.

Литература:

1. Зеер, Э. Ф. Психология профессий. — Екатеринбург, 1999.
2. Личность и профессия: психологическое сопровождение и поддержка./Под ред. Л. М. Митиной. — М., 2005.
3. Зимняя, И. А. Педагогическая психология. — М., 2001.
4. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности/Т. В. Кудрявцев, В. Ю. Шегурова // Вопросы психологии: издается с 1955 года/Ред. А. М. Матюшкин, А. В. Брушлинский. — 1983. — №2 март-апрель 1983. — с. 51–60.
5. Поваренков, Ю. П., 2002, Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. — М.: Изд-во УРАО, 2002.
6. Формирование профессиональной пригодности/А. Т. Ростунов. — 1984.

Взаимосвязь интернет-зависимости с тревожными состояниями подростков

Лосенкова Татьяна Александровна, студент
Научный руководитель Онуфриева Вера Васильевна, доцент
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Термин «интернет-зависимость» впервые был введен А. Голдбергом который предложил набор диагностических критериев для определения интернет — зависимости. Далее эта проблема разрабатывалась американским исследователем К. Янг [1, с. 83]. Среди отечественных специалистов выделил психологические формы зависимостей Ц. П. Короленко. «Элементы зависимого поведения, — пишет он вместе с Н. В. Дмитриевой, — свойственны любому человеку, уходящему от реальности путем изменения своего психического состояния. Проблема зависимости начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности» [1, с. 87].

Кризис подросткового возраста связан с перестройкой организма. Возникают трудности в функционировании сердца, легких, кровоснабжении головного мозга, эмоциональный фон становится нестабильным. Поэтому может появляться раздражительность, даже агрессивность, бурные всплески энергии сменяются упадком сил. Возникает чувство взрослости, родительский авторитет обесценивается. В семье возникают частые конфликты, нередко подросток реагирует протестом на любые попытки вмешаться в его жизнь. Как правило, интернет-зависимые формы поведения характерны для подросткового возраста, в котором возможны объединения кризисных явлений с развитием интернет-зависимого поведения. Такое наложение проблем усугубляет течение интернет-зависимости.

Развитие интернет-зависимого поведения подростков обуславливается рядом причин: возможность анонимного общения; реализация представлений, фантазий с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы «Я»; вербализация представлений или фантазий не возможных для реализации в обычном мире); чрезвычайно широкая возможность поиска нового собеседника; неограниченный доступ к информации.

По мнению И. М. Балонина, интернет-зависимости подвержены неуверенные в себе подростки, нерешительные, чрезмерно стеснительные, испытывающие трудности в общении, имеющие низкую самооценку, комплексы или чрезмерно застенчивые. Таким подросткам сложно принять помощь окружающих. Компьютер в какой то степени заменяет им родителей, педагогов, друзей. Уход подростка в виртуальный мир связан с его личностными особенностями и отношением с окружающей действительностью, его положением в обществе. Подростки, которые плохо адаптируются в социуме, не имеющие

друзей больше подвержены интернет-зависимости. Интернет-зависимость негативно воздействует на все сферы развития подростка: физическую, психологическую, социальную, эмоционально-волевою, духовно-нравственную и т. д. [2, с. 56]

Исследование в рамках «Фонда Развития Интернет», проведенное Г. В. Солдатовой, О. С. Гостимской, Е. Ю. Кропалевой определило круг потребностей, которые подростки удовлетворяют с помощью Интернета. Среди них: потребность в автономии и самостоятельности; потребность в самореализации и признании; потребность в признании и познании; удовлетворение социальной потребности в общении, в принадлежности к группе по интересам, в любви; потребность в обладании; познавательная потребность, также владение новыми знаниями способствует достижению признания со стороны сверстников и самореализации. В результате использования Интернета возникает ощущение полного контроля и владения ситуацией, что удовлетворяет потребность в безопасности — одну из базовых в системе потребностей человека [3].

Проявление зависимого поведения осуществляется в соответствии сменой аспектов взросления подростка. В процессе идентификации подростки пытаются определить свое место в окружающем мире. Задавая себе философские вопросы: Кто я? В чем смысл жизни? они ищут ответы на них в Интернете. В процессе развития интимности и принадлежности подростки знакомятся с различными аспектами интимных отношений, в особенности с противоположным полом. Они ищут друзей и компании, где могли бы испытать чувство принадлежности группе. Эти отношения для подростка являются важной частью идентификации личности. Интернет предоставляет ему огромное количество людей и групп, объединяющих своих членов по интересам, ценностям, склонностям, что делает его привлекательным. В процессе эмансипации от родителей и семьи, поиске своего места в жизни и при выстраивании отношений с другими людьми, подростки желают частично отделиться от родителей, делать то, что они хотят. Интернет предоставляет им эту возможность, из реального мира, они уходят в виртуальный мир. В процессе избавления от фрустрации, которое является одним из серьезных факторов жизни и определяется давлением школы, семьи и друзей. В свободном, анонимном интернете подростки находят способы избавления от фрустраций [3].

Интернет-зависимость формирует целый ряд психологических проблем: конфликтное поведение, хронические депрессии, уход в виртуальный мир от реальной жизни,

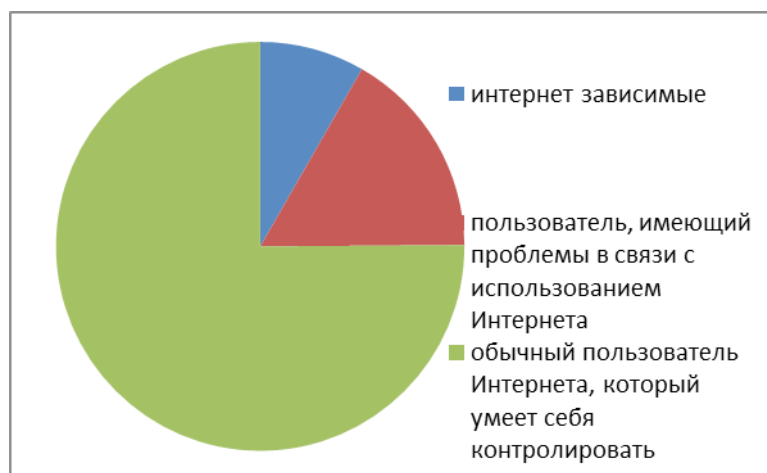

Рис. 1. Уровни интернет-зависимости подростков по К. Янг

трудности адаптации в социуме, потеря способности контролировать время пребывания за компьютером, возникновение чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования Интернетом. Используя Интернет, подросток предпочитает «искать» вместо «думать». [2, с. 36].

Сопоставляя наличие интернет-зависимости с возникающими у подростка психологическими проблемами можно предположить, что если среди подростков будет выявлен высокий уровень интернет-зависимых, то у них будет наблюдаться высокий уровень тревожности, негативные эмоциональные переживания и низкий уровень познавательной активности. С целью подтверждения такого предположения проводилось эмпирическое исследование интернет-зависимости среди подростков, для этого применялся ряд методик: опросник Кимберли Янг; экспресс-тест С.А. Кулакова; тест тревожности Ч.Д. Спилберга. Исследование проводилось в общеобразовательной школе г. Владимира. В исследовании приняли участие подростки 13–14 лет, в количестве 36 человек, обучающихся в 7х классах.

Полученные в исследовании результаты показывают, что 8,3% — имеют наличие значительных про-

блем в связи с использованием Интернета, разрешение которых возможно с помощью специалиста; у 16,6% — имеют проблемы в связи с использованием Интернета; 75,1% — являются обычными пользователями Интернета, которые умеет себя контролировать (Рис. 1).

Для исследования уровней тревожности применялся опросник Ч. Спилберга. В результате было установлено, что с высокий уровень тревожности имеет 27,7%, 55,5% — имеют средний уровень тревожности; 16,6% низкий уровень тревожности.

Для подтверждения выдвинутого в начале исследования предположения о том, что Интернет-зависимость негативно воздействует на личность, формируя тревожность, эмоциональность проводился сравнительный анализ полученных результатов. Для этого сопоставлялись показатели наличия Интернет-зависимости и уровни тревожности, рассчитывался коэффициент корреляции, определяющий меру взаимосвязи признаков. Полученные значения $r=6,9$ при $p < 0,4$ подтверждают наше предположение, о том, что Интернет-зависимость негативно влияет на личность подростка. Он становится более раздражительным, тревожным, преобладают негативные эмоциональные переживания.

Литература:

1. Войскунский, А.Е. Интернет — новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. — М.: Смысл, 2002, с. 82–101.
2. Балонов, И.М. Компьютер и подросток/И.М. Балонов. — М.: Эксмо, 2002. — 319 с. ISBN 5–98563–057–9
3. Мониторинг Российского Интернета //www.monitoring.ru

Комплексный подход к исследованию проблем зависимости

Матусевич Алексей Михайлович, студент;

Кубышко Любовь Владимировна, студент

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Ключевые слова: наркомания, зависимость, психоактивные вещества, внутренние ресурсы, мотивация, принцип удовольствия, субкультуральное окружение, аддикция.

В современной психологии, существует мнение, что зависимость можно рассматривать как феномен, берущий свое начало в обычных человеческих увлечениях и пристрастиях. Так предполагается, что любая форма человеческих пристрастий, в своих крайних проявлениях, может приводить к возникновению угрожающих жизни человека последствий. Исходя из этого предположения, в каком-то смысле, наркоманами можно назвать подавляющее большинство живущих и живших на земле людей, поскольку они используют как наркотик различные средства, меняющие эмоциональное состояние, способствующие облегчению душевной боли, отвлечению и уходу от внутренних проблем. Таким средством может стать какой-то химический элемент (в частности, наркотик), но может стать и что-то другое, например, никотин (обеспечивающий пристрастие к курению), стимулирующие вещества, содержащиеся в кофе и крепком чае.

И хотя данное утверждение является спорным, тот факт, что большинство авторов связывает понятие зависимости со сферой предпочтений индивида, не является случайным. Смысл подобного заключения основан на предположении, что в основе любого зависимого поведения лежат потребности и мотивы конкретного человека. Так предполагается, что человек не склонен делать то, что изначально и в корне противоречит его индивидуальным предпочтениям. Кроме того, мы живем в мире, который предполагает проявление свободной воли индивида. Это с одной стороны. С другой стороны, некоторые психологи исходят из положения, что человек по своей природе склонен стремиться к удовольствию. Более того, некоторые авторы сужают потребностно-мотивационную сферу до понятия «потребность в удовольствии». Исходя из этого, доминирующими, как правило, признаются те мотивы, которые этому принципу соответствуют. Принцип стремления к удовольствию явился одним из ключевых положений психоаналитической теории и частично экзистенциального анализа [4].

Так З. Фрейд предполагал, что все измененные (в том числе негативные) состояния индивида сопряжены с категорией мотивации, динамикой побуждений и внутренним строением личности. Отсюда и направления воздействия должны быть ориентированы не на организм человека, а на его личность. Аффективное влечение автор был склонен рассматривать как психологическое состояние, имеющее свой специфический «энергетический заряд».

Будучи подавленным, влечение, согласно теории психоанализа, не уничтожается, а лишь переходит в особую психическую сферу, вызывая тем самым изменение состояния сознания индивида. Чтобы устранить расстройство, вызванное вытесненным аффектом, надо заставить больного этот аффект осознать [17]. Таким образом, согласно автору, эмоции удовольствия являются своеобразной энергетической основой мотива. Однако проблема зависимости во времена З. Фрейда не рассматривалась, а сам З. Фрейд, некоторое время употреблявших наркотики, пророчил кокаину едва ли не роль панацеи, которая может использоваться для предупреждения развития негативных состояний человека.

Данное направление исследований также представлено в работах Э. Фромма. Так автор полагает, что совершенно очевидным является тот факт, что мотивация человека представляет необходимую «систему координат», позволяющую наметить цепь жизненных ориентиров, ценностных ориентаций. Так автор указывает, что человеческий организм нуждается не только в минимальном отдыхе, но и в определенном количестве волнения. Он полагает, что человек жадно ищет возбуждения и непосредственно реагирует на него. Возбуждение возникает, как следствие воздействия простых стимулов. Однако существует и другой разряд мотиваторов, которые способны не просто возбудить человека, но и вдохновить его. Поскольку и те и другие мотиваторы сопряжены с положительными эмоциями, человек склонен стремиться к ним. А вот способ получения данной эмоции выбирается, как правило, исходя из личностных особенностей субъекта.

Следует сказать, что использование «принципа удовольствия», конечно, сильно упрощает подходы к исследованию явления зависимости, однако, очевидным является тот факт, что отрицать ориентацию человека на положительные эмоции хотя бы при первом употреблении, в частности, наркотических веществ, однозначно нельзя. Так уже наш современник, Л. В. Куликов пишет: «Никто не начинает употреблять наркотики, чтобы отравить себе жизнь. Их применяют, чтобы испытать новые переживания, скрасить себе жизнь, расслабиться. Наркотик зачастую воспринимается как источник блаженства. Однако никакой наркотик не может подарить то, чего в нем нет» [3]. В завершение следует отметить тот важный факт, что не все то, что способно приносить радость человеку, превращается в наркотик.

Говорить, что у человека имеется зависимость можно только в том случае, если его настроение, мысли, поведение, чувство комфорта, полностью зависят от какого-то внешнего условия. Таким условием чаще всего становится наличие алкоголя, наркотика, сигареты, пищи, каких-то других факторов.

В целом, зависимость можно охарактеризовать как потерю контроля над своим поведением или эмоциями без наркотика, алкоголя, сигареты или других веществ. Когда человек способен поддерживать нормальное физическое и психическое состояние только при помощи конкретного вещества (объекта, предмета). Такая же ситуация возможна, если человек привыкает к какому-то определенному, искусственно созданным условиям и старается поддерживать эти условия (вне зависимости от характера оценки их вредности или полезности) на определенном уровне [14].

В современной психологии понятие зависимости чаще всего, обозначается термином «аддикция», которое происходит от addiction — пагубная привычка [12]. Существует еще одна трактовка термина, происходящая от юридического addictus (аддиктус) — тот, кто связан с долгами. Ключевым словом во второй трактовке является слово «связан». Под аддиктивным поведением, чаще всего, понимают поведение человека, склонного к употреблению наркотиков, алкоголя и табакокурению. Сам термин «зависимость» пришел на смену диагнозу «алкоголик», «наркоман». Именно поэтому, ученые, наркологи, психиатры и психотерапевты относят к зависимостям заболевания, известные как алкоголизм, наркомания, курение.

Однако современные исследования показывают, что наиболее распространенными видами зависимости на современном этапе могут считаться не только химическая зависимость (алкоголизм, наркотизм, токсикомания, лекарственная зависимость, никотинизм), но и, к примеру, акцентуированная активность человека, включающая в себя игроманию, интернет-зависимость, трудовое, сексоманию, шопоголизм. Некоторые авторы выделяют так называемую культовую зависимость. И даже зависимость от пищи, имея в виду искажения в отношении к ней, например, булимию. В качестве зависимости могут выступать невротические привязанности человека. К зависимостям также можно отнести состояния, развивающиеся после посещения сект. Возможно возникновения состояния болезненной зависимости у прошедших через войны, катастрофы, переживших серьезные потери, эмоциональные кризисы. При этом, можно предположить, что по мере развития общества и расширения

потребностной сферы индивида, список возможных зависимостей можно будет расширить.

Как видно из выше перечисленного, зависимостей много и они, на первый взгляд разные. Тем не менее, любая зависимость имеет общие свойства. Она наносит психологический и физический ущерб, лишает человека действительности, сужает для него возможность выбрать другую реакцию, поведение, самочувствие. Погружаясь в иллюзии зависимости, человек приобретает ложное ощущение защищенности и заботы, смысла жизни, своей нужности и занятости. «Радость в долг» — так называет состояние зависимости от чего-либо Л. В. Куликов [3].

Так общими для всех видов зависимого поведения могут выступать следующие показатели:

- Наличие искусственно созданных условий и старание поддерживать эти условия;
- Невозможность получать удовольствие вне определенных условий (вещества, человека...);
- Наличие эпизодов измененного сознания;
- Непреодолимость влечений к объекту (веществу, предмету, условиям).

Таким образом, можно отметить несколько ключевых для определения зависимости, моментов. Во-первых, в основании данного явления, по мнению большинства авторов, лежат основные потребности и мотивы человека. Человек не склонен делать то, что изначально и в корне противоречит его индивидуальным предпочтениям. Более того, именно с ярко выраженных предпочтений, а также невозможности их полноценного контроля и оценки, судя по всему, и может начаться «вхождение в состояние зависимости».

Во-вторых, можно констатировать тот факт, что не всякие предпочтения перерастают в зависимость. В связи с этим, можно говорить о существовании ряда факторов, которые могут спровоцировать ее формирование. Как правило, это факторы, которые условно можно было бы разделить на внутренние и внешние. В качестве внутренних факторов может быть рассмотрен общий потенциал личности (или его ресурсы). В качестве внешних, могут выступать такие факторы как субкультуральное окружение, семья, общая социальная атмосфера общества и т. д.

В-третьих, зависимость может быть рассмотрена как болезненное состояние индивида. При этом, в последнем случае, речь идет об ответе на вопрос о том, что способствует превращению обычного мотивированного поведения в зависимое, а совокупности человеческих предпочтений и желаний в болезнь. Ответ на данный вопрос рассмотрен на примере наркомании.

Литература:

1. Анисимов, А. И., Матусевич М. С., Шатровой О. В. Виктимная психология. Системно-деятельностный подход к обнаружению аверсивного стимула. Монография — СПб.: «Издательство РГПУ им. А. И. Герцена», 2013.
2. Буйнов, Л. Г., Бахтин Ю. К., Плахов Н. Н., Сыромятникова Л. И. Модели и формы профилактики злоупотребления психоактивными веществами//Молодой ученый. — 2014 №3 (62).

3. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. — СПб.: Питер, 2004. — 464 с.
4. Матусевич, М. С. Методические основы построения программ снижения риска наркотизации в молодежной среде на уровне муниципального образования [Текст]/М. С. Матусевич, А. П. Новожилова // Молодой ученый. — 2012. — № 8. — с. 360–364.
5. Матусевич, М. С. Психологическая совместимость в контексте системно-деятельностного подхода [Текст]/М. С. Матусевич [и др.]// Молодой ученый. — 2014. — № 2. — с. 686–689.
6. Матусевич, М. С. Сборник информационно-методических рекомендаций по организации системы профилактики наркомании среди подростков и молодежи. СПб.: Комитет по образованию, культуре, спорту и молодежи МО «Сертолово», 2005. — 53 с.
7. Матусевич, М. С., Ткачук В, А. «Организация профилактики наркозависимости в подростковом возрасте» // Журнал «Молодой ученый» (№ 3 (62), март 2014 г.)
8. Матусевич, М. С., Шатровой О. В., Макарова Л. П. «Профилактика развития экстремистско-террористических отношений» // Журнал «Молодой ученый» № 4 (63), апрель 2014 г.
9. Матусевич, М. С. Особенности формирования пищевых нарушений у подростков // Журнал Молодой ученый. 2013. № 12 (59). с. 814–817.
10. Макарова, Л. П., Матусевич М. С., Бахтин Ю. К., Соловьев А. В. Валеологические основы здоровьесберегающей педагогики и превентологии (профилактике социальных отклонений). // Журнал «Молодой ученый» № 3 (62), март 2014 г. — с. 944–946.
11. Макарова, Л. П., Матусевич М. С., Бахтин Ю. К., Соловьев А. В. О необходимости системного подхода к профилактике социальных отклонений у подростков и молодежи// Молодой ученый № 3 (62), март 2014. — с. 941–943.
12. Менделевич, В. Д., Садыкова Р. Г. психология зависимой личности или Подросток в окружении соблазнов. — Казань: РЦПНН при КМРТ; Й.: Марево, 2002. — 240 с.
13. Сыромятникова, Л. И., Шпет И. Н., Буйнов Л. Г. Особенности гендерных условий профилактики наркомании старшеклассников, Молодой ученый. 2013. № 11. с. 660–662.
14. Плахов, Н. Н. Безопасность жизнедеятельности: психолого-педагогические основания здоровья. Известия Российского педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 145. с. 90–96.
15. Плахов, Н. Н., Зайцев А. Г., Буйнов Л. Г. Деформация в мотивационной и смысловой сфере как один из основных факторов, обуславливающих предрасположенность к асоциальному поведению. Материалы 12 Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. с. 167–168.
16. Станкевич, П. В., Макарова Л. П., Матусевич М. С. «Стратегия подготовки магистров по превентологии (профилактике социальных отклонений)» // Журнал «Молодой ученый» (№ 10 (57), октябрь 2013 г.).
17. Хвезенко, С. П., Матусевич М. С. Методические подходы к комплексному решению проблемы наркомании на уровне реализации локальных психолого-педагогических программ. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1. с. 222–226.
18. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1989. — 456 с.

Профилактика развития экстремистско-террористических отношений

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент;
Шатровой Олег Вячеславович, кандидат психологических наук, доцент;
Макарова Людмила Павловна, доктор медицинских наук, профессор;
Российский педагогический государственный университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Ключевые слова: экстремизм, экстремал, превентивная работа, деструктивность, мотивация, образ Я, идентичность, акцентуация, адаптация.

Внимание научной мысли к экстремистско-террористическим отношениям продиктовано повышением активности экстремистских группировок. На уровне повсеместного обсуждения житейского опыта, многочисленных публикаций в СМИ, позитивных и негативных примеров правоприменительной практики противодействия экстремизму, новых образовательных программ и концепций экстремизм приобретает статус явления особой социальной значимости. Полностью решить эту задачу в ближайшие годы представится трудно осуществимым делом. Поэтому основными агентами реального и конструктивного противодействия экстремизму станут социально активные и об-

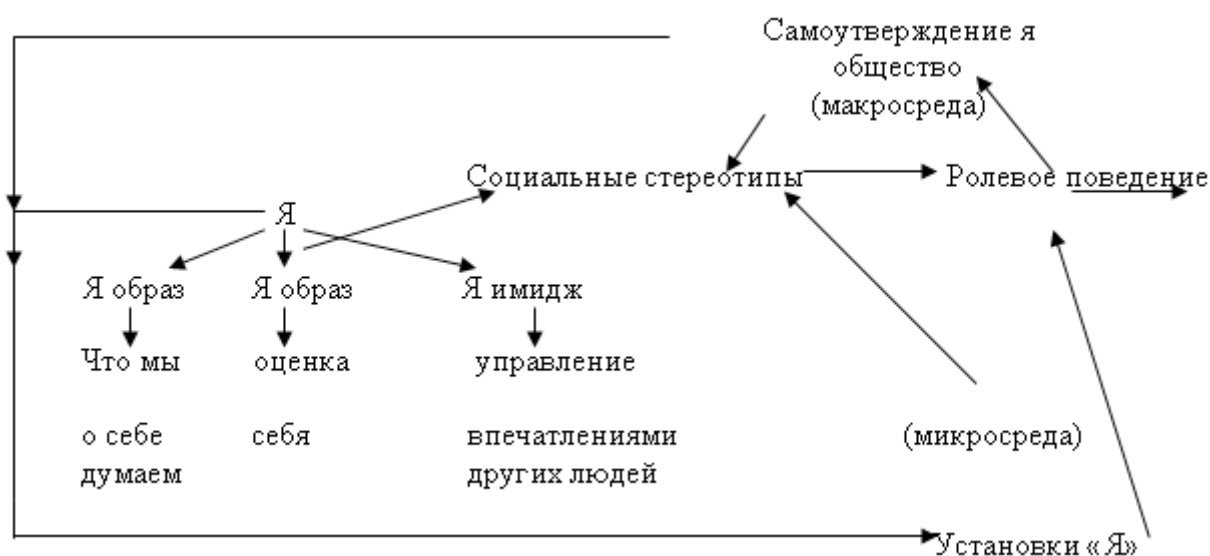
разованные молодые люди.

Среди множества проблем общества проблемы экстремистско-террористических отношений и отчуждения являются в современной науке наиболее сложными и наименее разработанными. Между тем взаимосвязь этих тенденций, параллельность их развития представляют собой закономерный процесс, поскольку экстремизм — одна из форм отчуждения и, прежде всего, отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей.

Экстремизм вытекает из заложенного в природе человека стремления к экстремальности в развитии. Если развитие рассматривать как переход внешних отношений во внутренние, то феномен экстремальности проявляется в попытке личности установить предельные границы этих отношений. На уровне отражения действительности через нравственность, опосредованную воспитанием экстремальность может и приобретает деструктивные или конструктивные формы.

Социальную базу экстремизма составляют, как правило, маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные.

Детерминация экстремального поведения в социуме

Становление

«Я» — это моя референтная группа»

Я — это мой кумир

Макросреда

- демографический фактор — плотность населения, динамика рождаемости, продолжительность жизни
- природно-экологический — размеры территории, климат, запасы полезных ископаемых,
- научно-технический фактор — представленность научной и технической инфраструктуры
- экономический — уровень и качество жизни, доходы, инфляция, безработица.
- политико-правовой — господствующая идеология, совершенство правовой базы и качество ее исполнения.
- социокультурный — уровень развития социальных и культурных институтов, господствующая религия, национальность, качество исторического наследия, идея исторического пути (борьбы или мира)

Если рассматривать воспитание как внешне регулируемую и управляемую интериоризацию отношений, то стремление личности к экстремизму связано с многоуровневой системой отношений социума, в котором воспитывается личность экстремала. Естественно, что это личность как минимум акцентуирована. В природе ее акцентуации необходимо учитывать все взаимосвязи на биологическом, психологическом и социальном уровнях. Экстремал максимально активизирует отношения, в которых он включен. Он стремится к напряжению отношений до критического предела. Брутальное разрушение отношений можно относить к террористическому акту.

С позиции превентивных мер целесообразно прослеживать причинно-следственные связи в системе отношений экстремистско-террористического круга на уровне воспитания. Одним из основных положений в организации превенции развития экстремистско-террористических взаимосвязей является обеспечение адекватной стабильным социальным отношениям своевременной, в том числе полоролевой, идентификации личности и адекватного удовлетворения ее потребностей.

Зависимость — это количественная и качественная представленность внешних связей со средой. Позитивная зави-

симось характеризуется преобладанием положительных связей, негативная зависимость — отрицательными связями. Независимость можно рассматривать как число интериоризированных связей.

Говоря о превентологии в процессуальном аспекте, целесообразно рассматривать поведение человека. В этом случае поведение осуществляется в пространстве, образованном кроме оси «зависимость — независимость» еще двумя осями: «активность — пассивность», «конструктивность — деструктивность». Важным в превентологической работе является обеспечение конструктивности поведения.

Выделяются два уровня превенции. Первый уровень — формирование зависимости от конструктивной деятельности и/или адекватно социализированной личности. На этом уровне можно выделить два направления работы. Первое связано с обеспечением субъектов со здоровыми отношениями, второе направление связано с субъектами с напряженными отношениями. Этот уровень можно обозначить как эпистемический, детерминированный опытом.

Второй уровень связан со свободной реализацией личностью вариативного выбора потенциально любой конструктивной деятельности. Этот уровень можно обозначить как эвристический, продуцирующий новый опыт.

На первом уровне личность находится в здоровых отношениях, на втором она создает здоровые отношения.

Для превенции экстремального развития отношений и формирования в конечном итоге экстремально ориентированной личности с зависимостью разрушения целесообразно учитывать закономерность формирования зависимости.

Этапы формирования зависимости

1. Сфера инстинктов и влечений находит свое отражение в потребностях.
2. Существуют базисные, основные потребности, от удовлетворения которых зависит субъективное благополучие человека.
3. Удовлетворение потребностей зависит от первичного социального окружения ребенка (малого социума), опосредованного культурным пространством.
4. Человеку в онтогенезе предстоит решать четыре проблемы адаптации: по территориальности, временности, идентичности, иерархии.
5. Проблемы адаптации, преломленные через малый социум, образуют гетерономное влияние среды, которое в той или иной степени удовлетворяет базисные потребности.
6. Отраженная в сознании степень удовлетворенности потребности опосредует формирование позитивного образа Я, в той или иной степени адаптированной к среде.
7. При блокировании какой-либо из потребностей возникает напряжение, вызывающее определенную эмоцию, которая сигнализирует об уязвимости одной из составляющих позитивного образа Я.
8. Отреагирование эмоции или удовлетворение потребностей приводят к восстановлению позитивного Я.
9. В случае невозможности удовлетворить потребности и страха выражения эмоции из-за социальных санкций возникает напряжение. Его устранение и возвращение Я позитивного образа возможно уже с помощью неконструктивного зависимого поведения.
10. Хроническое блокирование потребностей в результате гетерономного воздействия среды приводит к образованию девиаций.

Возрастные аспекты превенции развития экстремистско-террористических отношений

Возраст	Сензитивные психические процессы и новообразования	Психологическое проявление	Превентивное обеспечение периода
3–5 лет	Образ Я Память	Выделение себя из окружающей среды. «Я сам» Чувствительность к информации	Принятие становления «Я сам», насыщение позитивным опытом Обогащение конструктивным решением проблемных ситуаций
5–7 лет	Мышление Принятие ролей Воображение	Интенсивность установления новых связей со средой Проигрывание разнообразных ролей Фантазирование, свободное возникновение и легкость оперирования образами	Полороловая идентификация. Установление конструктивных связей со средой. Предоставление возможности играть в ролевые игры. Развитие творчества ребенка. Насыщение позитивными образами

7–10 лет	Мотивационно-потребностная структура	Становление внутренней мотивационной структуры	Способствование самостоятельному адекватному удовлетворению потребностей. Создание позитивных социальных условий
Подростковый	Чувство взрослости Рост социальной активности Критичность Формирование нравственных принципов и убеждений	Поиск идентичности Интимно-личностное общение со сверстниками	Эмоционально-позитивное общение со значимым взрослым, социально адаптированным в обществе
Юношество	Рост самосознания Стремление к самообразованию и самовыражению Формирование жизненных планов	Профессиональная ориентация Жизненное самоопределение, общение со взрослыми	Общение с профессионально успешным значимым взрослым

Как видно из вышеизложенного успешная превентивная работа возможна при учете закономерностей формирования зависимости.

Литература:

1. Анисимов, А. И., Матусевич М. С., Шатровой О. В. Виктимная психология. Системно-деятельностный подход к обнаружению аверсивного стимула. Монография. — СПб.: «Издательство РГПУ им. А. И. Герцена», 2013.
2. Анисимов, А. И., Матусевич М. С., Шатровой О. В. Превенция развития экстремистко-террористических отношений. Методические рекомендации. — СПб.: «Издательство РГПУ им. А. И. Герцена», 2010
3. Бардиер, Г. Л., Суханова Н. В. Исследование представлений студентов об экстремизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 2004, вып. 1 (№6).
4. Буйнов, Л. Г. Всероссийский форум «Здоровье нации — основа процветания России» / В. П. Соломин, Л. П. Макарова, Л. Г. Буйнов, Л. А. Сорокина // сборник: Подготовка специалистов безопасности жизнедеятельности в свете стандартов третьего поколения (магистратура и бакалавриат) материалы XIV всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб: Лема, 2010. с. 70–76.
5. Плахов, Н. Н. Безопасность жизнедеятельности: психолого-педагогические основания здоровья. Известия Российского педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 145. с. 90–96.
6. Плахов, Н. Н., Буйнов Л. Г., Зайцев А. Г., Зейда В. Ф. Медико-психологическое обеспечение здоровья специалистов экстремального профиля деятельности. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. с. 162–164.
7. Плахов, Н. Н., Зайцев А. Г., Буйнов Л. Г. Деформация в мотивационной и смысловой сфере как один из основных факторов, обуславливающих предрасположенность к асоциальному поведению. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. с. 167–168.
8. Станкевич, П. В., Макарова Л. П., Матусевич М. С. «Стратегия подготовки магистров по превентологии (профилактике социальных отклонений)» // Журнал «Молодой ученый» (№ 10 (57), октябрь 2013 г.).
9. Сорокина, Л. А. Изучение образа жизни студентов педагогического вуза методом анкетирования / Ю. К. Бахтин, Л. А. Сорокина, Д. В. Сухоруков // сборник: Безопасность городской среды материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1000-летию г. Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»; науч. ред.: А. Г. Гущин. 2010. с. 142–146.
10. Соломин, В. П., Бахтин Ю. К., Буйнов Л. Г., Макарова Л. П. О мотивации к здоровому образу жизни студентов педагогического университета // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 730–732.
11. Сыромятникова, Л. И. Формирование медико-валеологической компетентности будущих специалистов безопасности жизнедеятельности в педагогическом вузе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. Санкт-Петербург, 2009.
12. Сыромятникова, Л. И. Безопасность человека как предмет изучения. Материалы IV Международной научно-практической конференции. науч. ред.: В. В. Латышин, З. И. Тюмасева, Б. Ф. Кваша. 2007. с. 37–41.
13. Сыромятникова, Л. И. Компетентностный подход к изучению медико-валеологических дисциплин будущими специалистами безопасности жизнедеятельности. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 98. с. 201–204.

Особенности проявления конфликтных ситуаций в школе

Мухина Евдокия Сергеевна, студент;
Онуфриева Вера Васильевна, доцент
Владимирский государственный университет

Конфликты — это неизбежные явления социальной жизни, в которых происходит столкновение несовместимых позиций, противоположных интересов, мнений и целей людей. В любой конфликтной ситуации принято выделять содержание конфликта и участников. Содержанием, в свою очередь, выступает то, из-за чего происходит противостояние. А участниками могут являться как отдельные личности, так и группы людей [1, с. 41].

Есть мнение, что конфликты — это нечто опасное, что следует избегать любой ценой. К сожалению, в итоге приходится платить немалую цену за избежание попыток преодолеть конфликты — неразрешенные проблемы суммируются и откладываются в нашем личном опыте. Даже, если получается избежать внешних проявлений конфликта, постепенно усиливается груз обид, разочарований, претензий, что затрудняет взаимоотношения. Процесс обучения и воспитания невозможен без противоречий и конфликтов. Избежать их очень сложно, можно только решить их, иначе наступит затруднение в развитии [2, с. 34].

Иногда кажется, что невозможно решить проблему так, чтобы решение удовлетворило интересы обеих сторон в конфликте. Тем не менее определенная последовательность действий, которую выделяют психологи, приводит к желаемому результату. Процедура урегулирования конфликта выглядит следующим образом:

1. Определить, в чем заключается проблема и принять ситуацию такой, какова она есть на самом деле.
2. При обсуждении дать возможность высказать чувства противоположной стороне. Постараться поставить себя на место оппонента и представить, что Вами поняты эти чувства. Нередко людям очень трудно сформулировать свои чувства словами. Поэтому на этом этапе важно уважать чувства других.
3. Выявить, какие события побудили высказанные эмоции и чувства.
4. Донести свою информацию и прислушаться к мнению противоположной стороны.
5. Обсудить предложения по решению конфликтной ситуации, уточнить препятствия и помехи, которые могут возникнуть.
6. Прийти к соглашению по поводу разрешения проблемы.
7. Организовать общую деятельность и стабильную коммуникацию по преодолению конфликта [3, с. 66].

Школа является тем местом, где закладываются все основные поведенческие характеристики человека, которые в дальнейшем будут использоваться в разрешении конфликтных ситуаций. Для преодоления конфликтов

в школе многое зависит от самого педагога. Своевременная профилактика разногласий способствует благоприятным социально-психологическим условиям и психологическому комфорту как педагогам, ученикам, и родителям [1, с. 43].

Выделяют следующие **виды конфликтов в школе:** среди школьников; среди учеников и учителей.

Среди учеников чаще других можно наблюдать конфликты лидерства, в которых видна борьба групп или двух учащихся, которые стремятся занять центральное место в классе. Это связано с демонстрацией превосходства, жесткости и цинизма, что в большей степени свойственно подросткам. В этом возрасте подростки склонны к отвержению себе подобных. Такое агрессивное поведение обычно берет начало еще в раннем детстве, и возникает как результат воспитания с применением физических наказаний, применяемыми родителями по отношению к своим детям. Но иногда подобная враждебность возникает совершенно случайно и при достижении поставленной цели становится единственным выходом из конфликтной ситуации. [3, с. 69].

Содержанием конфликтов между учениками является:

1. В каждой возрастной категории конфликты отличаются друг от друга ввиду происходящей социализации, т.е. накоплении и воспроизведении полученного опыта в процессе общения и деятельности. Подростки начинают понимать, как можно и как нельзя поступать по отношению к своим сверстникам, педагогам и родителям.
2. Содержанием конфликтов является характер учебы, жизненный уклад и экономическая ситуация.

Обнаружено, что большинство конфликтов между учениками возникает из-за оскорблений, отсутствия взаимопонимания, зависти и других причин. Подростки начинают ненавидеть своего соперника из-за подлости, подхалимства, личной обиды, лжи или соперничества. Также нередки расколы и разногласия из-за нарушения общепринятых норм, что, в свою очередь, начинает ущемлять чьи-то права и интересы.

Конфликты между учителями и учениками подразделяются на несколько подвидов:

1. Конфликты деятельности. Чаще они происходят с учениками, испытывающими трудности в учебе. Педагогу с такими детьми необходимо стараться создавать ситуацию успеха, корректировать уровень трудности материала, стараться повысить мотивацию к предмету с помощью активных методов обучения.
2. Конфликты поступков. Из-за неправильной оценки, несправедливого наказания возникают конфликтные ситуации. При оценивании необходимо обра-

щать внимание сначала на то, что удалось сделать ученику, только потом сказать о недостатках. Давая глобальную отрицательную оценку, можно подорвать у школьника веру в себя, вызвать негативное отношение к предмету, учителю. А глобальная положительная оценка может снизить требовательность к себе, вызвать чувство непогрешимости. [3, с. 71].

Разрешая конфликт, следует прибегнуть к самоанализу своих действий и поступков, признание своих ошибок смягчает негативное отношение. Зачастую источником конфликтных ситуаций является резкая, нетактичная реакция учителя на недостойное поведение ученика. Необходимо контролировать свои негативные эмоции и не оскорблять личность ученика. Не пытаться за каждым отрицательным поступком видеть отрицательные мотивы. Но для этого необходимо иметь как минимум начальные представления о возникновении, развитии, завершении, видах, а также причинах и особенностях конфликтов в школе [2, с. 36].

Литература:

1. Гиппенрейтер, Ю. Б. Общаться с ребенком как? — Москва: ЧеРо, 2000
2. Григорьева, Т. Г. Основы конструктивного общения. Практикум; Москва: Совершенство, 2011
3. Чернышев, А. С. Практикум по решению конфликтных педагогических ситуаций. — Москва: Пед. общество России, 2011

Специфика эмоционального интеллекта сотрудников уголовно-исполнительной системы

Погадаева Елена Викторовна, магистрант
Новосибирский государственный педагогический университет

Профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе (далее УИС) предъявляет определенные требования к уровню развития своих сотрудников.

На основании анализа требований, предъявляемых к личности сотрудника, можно утверждать, что эффективный сотрудник — это прежде всего зрелый в социальном, психологическом и личностном плане человек, с высоким интеллектом, эмоционально устойчивый, способный адекватно воспринимать действительность, контролировать себя и др. [3], то есть обладать высоким уровнем развития эмоционального интеллекта.

Это связано с тем, что с точки зрения ученых, данный феномен составляет основу успешности жизнедеятельности человека, оказывает влияние на эффективность профессиональной деятельности и межличностных взаимодействий; на формирование и проявление лидерских качеств. Несмотря на возросший интерес ученых к проблеме эмоционального интеллекта, до сих пор нет общепринятой дефиниции, не разработана интегративная

Новые образовательные стандарты предполагают развитие коммуникативных способностей, учащихся и основываются на сознательной ориентации учащихся на позиции других людей, умении слушать, участвовать в коллективном обсуждении, высказывать свое мнение, анализировать свою деятельность и деятельность товарищей. Исходя из этого целесообразно применять формы совместной деятельности учащихся, например, работа в группах, работа поискового и исследовательского характера. Такие задания требуют от учащихся объединения усилий, а разделение обязанностей на пути к цели будет развивать отношения взаимной ответственности. Введение форм коллективной учебной деятельности способствует развитию взаимопомощи, доброжелательности у подростков, что ведет к налаживанию отношений между конфликтующими. Не бывает абсолютно отрицательных и абсолютно положительных людей, в каждом есть что-то хорошее, на это и нужно опираться при разрешении конфликтов [1, с. 45].

теория, объясняющая в единстве внутренние механизмы, структурные особенности социальной, эмоциональной и регуляторной компетентности, ее функции в профессиональной деятельности.

В отечественной психологии предлагается двухкомпонентная структура эмоционального интеллекта как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими.

Р. А. Эльмурзаева подчеркивает, что эмоциональный интеллект, как основа профессиональной компетенции, имеет свою специфику связанную с особенностями трудовой деятельности [10].

Рассмотрим это на примере некоторых компонентах эмоционального интеллекта.

Деятельность сотрудников УИС подразумевает непосредственное взаимодействие с осужденными, требующее проявления эмпатии. Эмпатия (от греч. *empathia* — сопереживание) — это постижение эмоционального состояния, проникновение-чувствование в переживания

другого человека [7]. Способность к эмпатии позволяет сотруднику не только понять эмоциональное состояние осужденного, но и иметь возможность оценивать достоверность поступающей от него информации, давать более точный прогноз в отношении его поведения в той или иной ситуации. Более того, проявление сопереживания или сочувствия по отношению к партнеру по взаимодействию приводит к установлению психологического контакта между сотрудником и осужденным. Наличие определенной степени доверия у осужденного к сотруднику приводит к искренности в беседе, а также обеспечивает возможность действенных воспитательных и коррекционных воздействий со стороны сотрудника.

Но, в то же время необходимо учитывать, что работа в УИС — это вид государственной службы, которая имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, деятельность сотрудников УИС регламентирована рядом документов, обязывающих сохранять служебную тайну и, следовательно, проявлять сдержанность в профессиональном общении. Во-вторых, учреждения УИС относятся к закрытому типу учреждений, в связи с чем у сотрудников ограничен круг общения. Их деятельность является напряженной и стрессогенной, так как необходимо проявлять постоянную готовность к действиям в экстремальных ситуациях, взаимодействовать с осужденными, с одной стороны вникать в их проблемы, оказывать помощь в их разрешении, а с другой подавлять проявления у них негативных личностных качеств, требовать подчинение режиму.

Названные особенности служебной деятельности в УИС во многом обуславливают снижение эмпатийности, так как требуют от сотрудников проявления эмоциональной сдержанности, устойчивости к стрессу, самоконтроля, во многих ситуациях дистанцированного общения с осужденными и коллегами [5].

Сотрудники УИС должны не только понимать эмоциональное состояние осужденных, но и уметь прогнозировать их поведения, то есть обладать проницательностью.

Факторам, способствующим снижению и повышению способности к быстрому и адекватному восприятию других людей в деятельности УИС, посвящена работа А. В. Рогова. Повышения уровня проницательности сотрудников УИС, с точки зрения ученого, предполагает знание субкультуры осужденных: жаргона, значения татуировок, существующей иерархии взаимоотношений, влияние срока нахождения в исправительном учреждении, вида совершенного преступления, криминального статуса на личность и т.д. Но при этом среди причин неадекватности восприятия сотрудниками осужденных ученый выделяет, установку, т.е. заранее сформировавшееся предвзятое отношение к спецконтингенту, которая может носить как личностный, так и общественный характер [3].

Установка воспринимать других людей с определенной точки зрения может стать для человека очень устойчивой, типичной. И в ней тогда с большим постоянством начинают проявляться доминирующие в структуре его лич-

ности потребности и ценностные ориентации. А. В. Рогов определяет «стереотипизацию» как восприятие и оценку осужденных по отдельным поведенческим характеристикам или частным внешним признакам, достраивание целостного образа на основе сформированных ранее стереотипов, относя ее к факторам, негативно влияющим на проницательность.

А. В. Рогов также делает акцент на влияние на проницательность такого механизма психологической защиты, как проецирование, рассматривая проекцию как следствие познавательной пассивности, т.е. нежелания узнавать людей [9].

На эффективность служебной деятельности сотрудников УИС влияет не только умение понимать других людей, но и себя, то есть рефлексия. Традиционно рефлексия определяется как процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний, способность человеческого интеллекта объективировать психические процессы, воспринимать и анализировать свою деятельность. Ряд исследователей (З. Фрейд, К. Юнг, Д. Нейджер, Д. Холмс, Т. Ньюком, Г. М. Андреева, А. В. Карпов, С. Л. Рубинштейн, Д. Узнадзе) подтверждают значение рефлексии в переработке и усвоении информации, определяют ее роль как обеспечивающего механизма самоконтроля и ответственного поведения личности. Таким образом, функционирование рефлексии обеспечивает формирование профессионально зрелой позиции личности, основанной на самопознании и постоянной работе над собой, необходимых для ее профессионального развития.

В профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений имеют место все виды и функции рефлексии, поскольку для осуществления собственной профессиональной деятельности сотрудник становится участником различных интеракций. Так, например, социальные взаимодействия на различных уровнях (подчиненные, коллектив, коллега, руководитель) обеспечивает коммуникативная рефлексия, интерперсональные отношения сотрудника с социальным окружением (информационное взаимодействие, кооперация, самооценка и т.п.) — кооперативная, личностная, интеллектуальная рефлексии, а предметную область деятельности (решение профессиональных задач, поставленных руководством, оценка выполнения собственной деятельности, анализ ситуации на рабочем месте и в учреждении и т.п.) «обслуживают» интеллектуальная, личностная, ситуационная, ретроспективная, перспективная и другие виды рефлексивности личности. В процессе профессионализации сотрудник исправительного учреждения должен научиться принимать и выполнять поставленные задачи, в ходе решения которых в его сознании формируются представления о требованиях, предъявляемых к нему как к специалисту. Однако, проводимые исследования свидетельствуют о том, что у сотрудников с большим трудовым стажем уровень рефлексии ниже, чем у молодых сотрудников [5].

С точки зрения Ю.В. Синягина, определение эмоционального интеллекта позволяет рассматривать данный феномен как эмоционально-волевую особенность личности. Эмоциональная составляющая выражается в аффективном компоненте: в чуткости к людям, развитой эмпатии и умении сопереживать, в чувстве собственного достоинства. Волевая составляющая данного элемента отвечает за способность противостоять внешнему давлению [8].

А. В. Пищелко подчеркивал, что сотрудникам УИС приходится систематически выдерживать и преодолевать высокие физические и эмоциональные нагрузки, действовать в условиях межличностного противоборства, применяя волевые усилия, устранять эмоциональные проявления, негативно воздействующие на эффективность деятельности. Значимость высокого уровня эмоционального интеллекта у сотрудников обусловлено тем, что в условиях продолжительной экстремальной ситуации обостряется состояние тревожного напряжения, потребность в безопасности и поддержке, удовлетворить эту потребность помогает обладание навыками и методами саморегуляции.

Автор выделил следующие компоненты эмоционального интеллекта необходимые для действий сотрудников в экстремальных ситуациях:

1. умение подбирать слова, строить высказывания, придавать им нужную интонацию,
2. способность владеть своим лицом, выражением глаз, позой, движениями при общении.
3. умение взаимодействовать с людьми, эмоционально заряженными, агрессивными, угрожающими местью, совершением суицида, имеющими психические расстройства [4].

Таким образом, анализ литературы позволяет выделить следующие особенности эмоционального интеллекта сотрудников УИС:

- данный феномен предполагает наличие компетенций в различных областях психологии (пенитенциарной, трудовой, экстремальной, общей психологии);
- высокая значимость данного феномена для эффективной служебной деятельности;
- специфические условия службы в УИС могут способствовать снижению ряда показателей эмоционального интеллекта.

Литература:

1. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта/Д. Гоулман. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 301 с.
2. Димитров, А. В. Основы пенитенциарной психологии/Димитров А. В., Сафронов В. П. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. — 176 с.
3. Кабардов, М. К. Коммуникативно-речевые и когнитивно-лингвистические способности // Способности и склонности: комплексные исследования/под ред.
4. Э. А. Голубевой; НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР — М.: Педагогика, 1989. — с. 103–127.
5. Пищелко, А. В. Психолого-педагогические проблемы укрепления законности в деятельности органов, исполняющих наказания/А. В. Пищелко, В. И. Белослудное. — М.: Домодедово, 1996. — 186 с.
6. Профессионально важные качества личности сотрудника уголовно-исполнительной системы: Монография/Под общ. ред. О. Н. Ракитской. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. — 110 с.
7. Психогимнастика в тренинге/Н. Ю. Хрящева. — СПб.: Речь, 2004. — 256 с.
8. Психология общения: курс лекций/под ред. М. И. Станкина.-М.: Институт практической психологии, 2006.— 296 с
9. Психолого-диагностическое обеспечение профессиональной переподготовки кадров государственной службы: Учебно-методическое пособие. // сост. Синягин Ю. В., Яблокова Е. А., Мельничук А. С. — М.: РАГС, 2000. — 38 с.
10. Социально-психологическая компетентность основных категорий сотрудников в уголовно-исполнительной системе и опыт ее повышения посредством проведения социально-психологических тренингов/ред. А. В. Рогов. — Владимир: УФСИН России по Владимирской области, 2006. — 178 с.
11. Эльмурзаева, Р. А. Реализация эмоционального интеллекта в трудовой деятельности/Р. А. Эльмурзаева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — №3—2011 — с. 95–102.

Теоретический анализ взаимосвязи эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы

Погадаева Елена Викторовна, магистрант
Новосибирский государственный педагогический университет

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (далее УИС), существенного расширения ее деятельности значительно возросла потребность в профессионально подготовленных кадрах и обеспечении задач по исполнению уголовных наказаний. За последние годы отмечается высокая текучесть кадров, снижение уровня профессиональной подготовки среди сотрудников и атмосфера напряженности в коллективах УИС. В связи с постоянным обновлением состава сотрудников УИС, стало необходимо опытным сотрудникам приспосабливаться к новым требованиям, большое значение приобретают адаптационные способности личности.

Адаптация является многогранным процессом, поэтому различают ее основные виды: биологическая, психологическая, профессиональная и социально-психологическая.

Мы в своей статье остановимся на одном виде адаптации — социально-психологической, под которой, вслед за А.А. Налчаджяву, будем понимать такое состояние взаимоотношения личности и группы, когда личность без долгих внутренних и внешних конфликтов способна эффективно выполнять свою основную деятельность, при этом удовлетворяя как свои ведущие социогенные потребности, так и ролевые ожидания эталонной группы [4].

Один из подходов в исследовании социально-психологической адаптации связан с концепциями когнитивной психологии личности. Сторонники данного направления рассматривают процесс адаптации через призму трехчленной формулы: конфликт — угроза — реакции приспособления. Если личность сталкивается с информацией, противоречащей имеющимся у нее установкам, возникает рассогласование между содержательным компонентом установки и образом реальной ситуации. Это расхождение (когнитивный диссонанс) переживается как состояние дискомфорта (угроза). Подобное переживание побуждает индивида к активности, направленной на устранение или уменьшение когнитивного диссонанса [6].

В данном процессе участвуют различные компоненты интеллекта, в том числе и эмоциональный. Одним из условий эффективной служебной деятельности сотрудников УИС является способность взаимодействовать человека с другими людьми, понимать свои эмоции, осознавать причины их возникновения, а также эмоции партнеров по общению, то есть сотрудник должен об-

ладать эмоциональным интеллектом. Эмоциональный интеллект — это понятие, которое характеризует способность человека осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают и, соответственно управлять ими таким образом, чтобы способствовать своему эмоциональному и интеллектуальному росту [1].

В настоящее время наиболее популярны исследования посвященные влиянию эмоционального интеллекта на эффективное лидерство (Гоулман 2005; Cherniss, 2000; Кетс Де Врис, 2004; Журавлев, 1987; Белоконов, 2009), на выбор демократического стиля руководства (Егоров, 2007; Петровская, 2007; Панкова, 2010), на эмоциональное выгорание (Панкова, 2010).

Но при этом наблюдается дефицит исследований, посвященных поиску взаимосвязи уровня развития эмоционального интеллекта с субъективными и с объективными показателями успешности социально-психологической адаптации к профессиональной деятельности.

Е.В. Ерохина, проводившая исследования в данном направлении, установила, что существует специфическая взаимосвязь эмоционального интеллекта с таким показателем социально-психологической адаптации как субъективная оценка себя как успешного профессионала [2].

Т.А. Панкова в своем диссертационном исследовании, что наиболее адаптированными с точки зрения внешних критериев социально-психологической адаптации (оценки со стороны руководителей, включенность в общение и взаимодействие в коллективе) оказываются молодые специалисты со средним уровнем межличностного эмоционального интеллекта и молодые специалисты с низким или высоким внутриличностным эмоциональным интеллектом. Для социально-психологической адаптации, как по внутренним, так и по внешним показателям, молодому специалисту необходимо обладать средним уровнем межличностного эмоционального интеллекта и высоким уровнем внутри личностного эмоционального интеллекта. Таким образом, можно говорить о существовании адаптивного оптимума развития способностей к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями [7].

Далее нами анализировались работы посвященные специфики деятельности сотрудников УИС в свете изучаемой проблемы.

И.Н. Сафронова в своем диссертационном исследо-

вании уточнила понятие адаптации сотрудников пенитенциарных учреждений в экстремальных условиях.

Она рассматривала данный феномен как постепенный процесс раскрытия индивидуального (духовного) потенциала сотрудника, связанного с его самореализацией, т. е. развитием умений: управлять своей психической жизнью; устанавливать позитивные отношения с осужденными и коллегами по работе; осуществлять самовоспитание и самосовершенствование всех сфер своего внутреннего мира; справляться с проблемами своего физического самочувствия [8].

В связи с тем, что психическая жизнь — это вся совокупность психического отражения человеком действительности, окружающего мира, в том числе и эмоций, то указанная в работе И.Н. Сафроновой способность управлять своей психической жизнью в процессе адаптации включает в себя также и способность управлять своими эмоциями, т. е. эмоциональный интеллект.

Е.П. Кретова, рассматривавшая значение эмоционального интеллекта для процесса профессиональной адаптации молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы, выявила, что такие составляющие эмоционального интеллекта как эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями и распознавание эмоций других людей у молодых сотрудников имеет низкий уровень развития, самомотивация и эмпатия — средний уровень. Интергративный уровень эмоционального интеллекта у данной группы испытуемых низкий. Автором была выявлена прямая зависимость между доброжелательным отношением и эмоциональным интеллектом, самомотивацией. С точки зрения ученого, развитие эмоционального интеллекта у сотрудников уголовно-исполнительной системы позволяет активно обмениваться информацией, выделять значимую информацию и, как следствие, приводит к эффективной трудовой деятельности, а также к улучшению взаимоотношений на работе [3].

Сравнительный анализ компонентов эмоционального интеллекта у различных категорий молодых сотрудников УИС, проведенный сотрудниками межрегиональной психологической лаборатории ГУФСИН России по Новосибирской области, показал, что сотрудники отдела воспитательной работы более приспособлены к субъект — субъектным отношениям, чем сотрудники отдела безопасности. Им более свойственен эмоциональный самоконтроль, они более тщательно анализируют внешние и внутренние факторы.

Для женщин-сотрудников в большей степени, чем для мужчин, характерна эмпатия. Но при этом

их эмоциональные проявления чаще оказывают негативное влияние на установление межличностных контактов.

Сотрудникам следственных изоляторов и исправительных колоний негативные эмоциональные проявления чаще мешают установлению контактов с людьми, чем сотрудникам воспитательных колоний.

В ходе исследования также было установлено, что наиболее успешные в профессиональном плане молодые сотрудники отличаются выраженной эмоциональной устойчивостью, они склонны к сильному контролю своих эмоций. Для них характерны пронизательность, способность понимать мотивы действия других.

Для молодых сотрудников недостаточно эффективных в деятельности пенитенциарной системы, более характерно доминирование негативных эмоций, что приводит к восприятию действительности как отрицательной, сложной, что, в свою очередь, способствует эмоциональному выгоранию, а впоследствии может привести и к профессиональной деформации. Причиной возникновения проблем в установлении эмоциональных контактов у данной категории сотрудников является, во-первых, неумение управлять, а, во-вторых, дозировать эмоции. Одной из причин низкой эффективности деятельности сотрудников является неспособность понимать другого человека посредством эмоционального чувствования в его переживаниях.

Таким образом, проведенный теоретический анализ свидетельствует о том, что эмоциональный интеллект является важным фактором социально-психологической адаптации молодых сотрудников к профессиональной службе в УИС. Эмоциональный интеллект обеспечивает социально-психологической адаптации не только по внутренним, субъективным критериям, но и по внешним критериям. Не смотря на значимость рассматриваемой проблемы, она до сих пор не достаточно изучена, отсутствуют исследования влияния специфики деятельности в УИС на данную взаимосвязь, возможности влияние на социально-психологическую адаптацию путем повышения уровня эмоционального интеллекта. Следовательно, изучение роли эмоционального интеллекта в системе профессиональной адаптации сотрудника УИС является, на наш взгляд, перспективным направлением исследований, требующим дальнейшего теоретико-методологического и эмпирического обоснования, что, в свою очередь, дополнит арсенал практических средств в процессе психологического сопровождения профессиональной адаптации личности.

Литература:

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект/Д. Гоулман. — М.: АСТ, 2008. — 478 с.
2. Ерохина, Е.В. Взаимосвязь компонентов эмоционального интеллекта и профессиональной дезадаптации личности/Е.В. Ерохина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. — 2001. — № 1. — С. 51–61

3. Кретова, Е. П. Эмоциональный интеллект как фактор эффективной деятельности/Е. П. Кретова // Стратегии социализации молодежи в глобальном мире/Под ред. проф. В. Н. Белова. — Саратов: Издат. центр «Наука», 2011. — с. 127–128.
4. Налчаджян, А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии)/А. А. Налчаджян. — Ереван: АН АрмССР, 1988. — 69 с.
5. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Социально-психологическая компетентность сотрудников УИС»/под редакцией Е. Е. Калистратовой. — Новосибирск: ГУФСИН России по Новосибирской области, 2006. — 160 с.
6. Ошурикова, Н. А. Динамика социально-психологической адаптации: Дисс. ... канд. психол. наук/Н. А. Ошурикова. — М. 1995. — 167 с.
7. Панкова, Т. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности социально-психологической адаптации молодых специалистов/Т. А. Панкова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс]. — Москва: ООО «Издательство Солитон», 2011. — № 4 (18). — Шифр Информрегистра: 0421100116/0039. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/522-pankova18.html>
8. Сафронова, И. Н. Адаптация сотрудников пенитенциарной системы к профессиональной деятельности в экстремальных условиях. Дисс.... к. псих. наук/И. Н. Сафронов. — Томск, 2002. — 164 с.

Психологические факторы повышения результативности в стендовой стрельбе на круглом стенде (с учетом визуализации)

Амбарцумов Николай Александрович, аспирант;

Блеер Александр Николаевич, доктор педагогических наук, заслуженный тренер России
Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва)

Покотило Михаил Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, заслуженный тренер России
Московская государственная академия физической культуры

Показано, что для повышения результативности в стендовой стрельбе в тренировочный процесс спортсмена необходимо включать визуализацию или зрительно-мысленную репетицию выстрела. Описаны принципы и техника визуализации, а также критерии эффективности идеомоторной тренировки.

Ключевые слова: *стендовая стрельба, стрельба на круглом стенде, мишень, визуализация, идеомоторная тренировка, зрительно-мысленная репетиция выстрела, работа без патрона (холостая тренировка), спусковой крючок, одиночная мишень, дулет.*

Введение

Успех в современном профессиональном спорте определяется двумя составляющими подготовки спортсмена: физической и психологической. Причем, психологическая часть тренировочного процесса на некоторых этапах подготовки в последнее время начинает доминировать над физической.

Психологическая составляющая включает:

- мотивацию;
- психорегуляцию;
- визуализацию.

Технику визуализации в тренировочном процессе и на соревнованиях используют многие элитные атлеты. Однако массового применения при подготовке спортсменов, в том числе юниоров, она пока не получила. Между тем, экспериментальные исследования в области визуализации доказывают ее эффективность

в повышении «мышечной выносливости» (И. Келси, 1961 г.), спортивной работоспособности (Г. Тивальд, 1973 г.), овладении новыми незнакомыми упражнениями без их предварительного выполнения (А. А. Белкин, 1965 г. и Д. Джонс, 1963 г.), сохранении техники сложных упражнений после перерыва в тренировках (В. Я. Дымерский, 1965 г., А. А. Белкин, 1969 г.) и при психорегуляции эмоциональных состояний спортсменов перед соревнованиями (А. В. Алексеев, 1968 г.).

Первые экспериментальные работы по идеомоторной практике в учебно-тренировочном процессе спортсменов были выполнены в СССР. А. Ц. Пуни, начиная с 1940 г. на протяжении многих лет проводил исследования на спортсменах различной специализации. По его исследованиям в результате тренировки путем представления движений у испытуемых повышались:

- скорость движения на 34 %;
- точность в пределах 6.4–16.8 %;

— мышечная сила кисти на 34%.

А.Ц. Пуни выдвинул положение о полифункциональном характере представления движения.

Имеется также сообщение доктора Чарльза Гарфилда, бывшего исследователя из NASA о проведенном в Советском Союзе изучении влияния различных соотношений физической тренировки и визуализации на спортивные результаты. В одном эксперименте большое число атлетов было поделено на четыре группы. Первая группа все 100% отведенного времени использовала на классические тренировки; вторая — 75% на тренировки и 25% на визуализацию точных движений и рекордов; третья — 50% на тренировки и 50% на визуализацию; четвертая — 25% на тренировки и 75% на визуализацию. Выступление этих спортсменов на зимних олимпийских играх 1980 года в Лэйк-Плэсиде (США) выявило следующую закономерность: наилучшие результаты показала четвертая группа и далее по убывающей третья, вторая и первая группы; что наглядно демонстрирует эффективность применения визуализации в тренировочном процессе.

1 Метод визуализации

Визуализация (в широком понимании) — это процесс представления данных в виде изображения с целью максимального удобства их понимания; придание зримой формы любому мыслимому объекту, субъекту, процессу и т.д.; механическое вызывание образа; создание четких, устойчивых и ярких образов любой сложности и специфики (как реально существующих, так и созданных в сознании автора) при помощи технических устройств или мыслеобразов (мыслеформ) непосредственно в своем уме (мысленная визуализация).

Визуализация в спорте — это методика обучения, которая является частью науки психологии спорта.

Метод визуализации — это комплекс психологических приемов, направленных на воссоздание и управление зрительными образами во внутреннем пространстве. Технику визуализации также называют управляемым воображением, мысленной репетицией или идеомоторной тренировкой. Спортсмен наглядно представляет в своем воображении последовательность своих движений, стараясь достичь «идеального образа» в выполнении данного элемента тренировки.

Визуализация является психологической методикой подготовки, использующей все чувства, включая зрение, слух, мысли, эмоции и другие ощущения. Она определяется также как опыт, похожий на чувственный, но осуществляемый в отсутствие соответствующих стимулов и восприятия.

Многие спортсмены используют метод визуализации как часть подготовки. Совершенствуя свое умение «оживлять» зрительные образы, используя творческие ресурсы, спортсмен может научиться искусству выбора оптимального варианта выполнения упражнения, а вызывая образы снова и снова — повышению мастерства путем повторения. Построение психических образов помогает оптимизировать и усовершенствовать двигательные навыки, сконцентрировать внимание, организовать рациональную последовательность действий.

Таким образом, метод визуализации призван выполнять следующие основные функции:

- программирующую (программирует идеальную картину (образ) реальных действий);
- тренирующую (помогает процессу освоения движений);
- регуляторную (контролирует и исправляет движения по ходу их выполнения).

Все три функции характеризуются синхронностью.

В спорте психологи используют упражнение, которое позволяет выявить уровень связи между мозгом и мышцами спортсмена.

Нитку длиной около 1 метра одним концом привязывают к грузу, а другим наматывают на последнюю фалангу указательного пальца ведущей руки (у праворукого человека — правая, у левши — левая) так, чтобы расстояние между пальцем и грузом было 70–80 см. Спортсмен, стоя, вытягивает руку с грузом вперед на уровне плеча и уравнивает груз. Далее спортсмен должен представить любое движение маятника, сконцентрировавшись на этом представлении, и как бы спокойно не была рука, маятник начнет совершать ожидаемое движение (влево-вправо, вперед-назад). При этом держать конец нитки нужно совершенно спокойно, не помогая пальцами этому направлению. Когда груз начнет раскачиваться, следует представить, что амплитуда раскачиваний начала увеличиваться. Именно по размаху раскачиваний можно судить о связи мозга с мышцами. Оценить эту связь предлагается по пятибалльной системе (таблица 1).

Таблица 1. Оценка уровня идеомоторной связи у спортсмена

Амплитуда, см	Оценка, в баллах	Интерпретация
5	1	связь отсутствует
10–25	2	связь низкая
30–40	3	связь достаточно развита для успеха в идеомоторной тренировке
50–70	4	
80–100	5	связь максимально развита

Чем выше идеомоторная связь у спортсмена, тем легче ему будет даваться идеомоторная тренировка, тем быстрее он добьется качественного выполнения двигательного действия. Идеомоторную связь можно натренировать каждый день выполняя вышеприведенное упражнение.

2 Психофизиологический механизм управления движениями

Человеческое сознание способно через центральную нервную систему оказывать влияние на подсознательную регуляцию процессов жизнедеятельности организма, в том числе и на мышечную деятельность.

Физиологической основой визуализации является создание нейронных структур в головном мозге и укрепление нервных связей. Этот же механизм проявляется и при фактическом выполнении какого-либо движения или упражнения. Визуализация позволяет установить эти нервные связи без непосредственного выполнения движений и в конечном итоге позволяет спортсмену приобрести необходимые навыки (Портер).

Спортивные психологи пытались понять точные механизмы, которые оказывает визуализация на выполнение работы. Существуют многочисленные версии, но в спортивной психологии отсутствует единая теория, которая полностью объясняет эффективность использования построения психических образов.

Ранняя теория была предложена в 1894 году английским психологом Карпентером. Его теория называется психо-нейро-мышечная теория (*psychoneuromuscular theory*). Согласно ей, создание психических образов вызывает нейромускульные ответы в мышцы, подобные тем же, что и при выполнении реальных движений. То есть механизм воздействия идеомоторной тренировки выражается в том, что за счет использования мышечного потенциала происходит неосознанная и невидимая иннервация мышц, импульсная структура которой соответствует ощущаемым, представляемым или воображаемым движениям.

Другая известная теория — теория символического обучения. Она гласит о том, что эффективность обучения зависит от качества и яркости созданных в центральной нервной системе психических образов. Таким образом, обучение происходит как система кодирования, что позволяет спортсмену укрепить нейронные связи и впоследствии довести до автоматизма движения и действия.

Биоинформационная теория была разработана Питером Лангом. Согласно ей визуализация включает в себя активацию закодированной системы стимулов и реакций, которые сохраняются в долгосрочной памяти. В более поздних исследованиях (Тэйлор, 1995) основное внимание уделялось эффективности создания психических образов в качестве важного саморегулирования навыков (например, умение ставить цели, планировать

и решать проблемы, регулировать возбуждение и конкурентоспособной тревоги, эффективно управлять эмоциями). Для достижения успеха необходимо как можно ярче, подробно и реалистично представить движения. При яркости и реалистичности образов, центральная нервная система спортсмена готова к конкуренции и становится запрограммированной на успех.

Наиболее точное теоретическое объяснение физиологических механизмов идеомоторных реакций было дано И.П. Павловым. Он писал: «Давно было замечено и научно доказано, что раз вы думаете об определенном движении (т.е. имеете кинестетические представления), вы его невольно, этого не замечая, производите».

Кинестетические клетки больших полушарий, возбуждаемые движением с периферии, могут раздражаться центрально и посылать через соответствующую клетку импульс к периферическому органу. При раздражении слабым электрическим током определенных пунктов поверхности двигательной области коры больших полушарий возникают строго определенные скелетные движения. Следовательно, кинестетическая клетка, раздражаемая определенными пассивными движениями, производит то же движение, когда раздражается не с периферии, а центрально.

И.П. Павлов отмечал, что кинестетические клетки могут связываться с любыми другими клетками (слуховыми, вкусовыми и т.п.) и процесс между ними может «двигаться туда и обратно». В силу такой связанности кинестетических клеток двигательного анализатора с клетками многих других анализаторов зрительное восприятие предметов и восприятие речи вызывают оживления следов целой системы временных связей в области двигательного анализатора, соответствующей системе ранее выполнявшихся движений. В результате по механизму центрального возбуждения кинестетических клеток коры возникает и представление об этих движениях.

Возникшее возбуждение кинестетических клеток распространяется на клетки двигательного, речедвигательного и других анализаторов. Отсюда импульсы передаются к «рабочим органам» — мышцам, внутренним органам и вызывают соответствующие внешние реакции.

Таким образом, основу идеомоторного акта составляют двигательные представления. При этом в минимальные движения переходят не только бессознательно возникшие, но и сознательно вызванные представления. Это повторное сознательное возбуждение определенных кинестетических клеток, как при выполнении реальной работы, так и при мысленном ее воспроизведении подкрепляет и усиливает межцентральные взаимосвязи, что способствует более быстрому образованию двигательного стереотипа.

В свете учения И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах обнаруживаются механизмы и особенности следовых явлений в двигательном анализаторе, выступающие, в частности, в форме идеомоторного акта.

Опираясь на учение А.А. Ухтомского о доминанте, возбуждение кинестетических клеток в коре, связанное с двигательными представлениями, можно охарактеризовать как доминантный очаг, который усиливается и подкрепляется добавочными импульсами мышц в результате тех минимальных мышечных сокращений, которые возникают при идеомоторном акте. Условнорефлекторная природа идеомоторных реакций подтверждается результатами ряда электроэнцефалографических (ЭЭГ) исследований. При этом идеомоторный акт можно представить как замыкающийся в кольцо цепь изоритмических реакций. Центральное возбуждение моторной области коры больших полушарий головного мозга вызывает микросокращения мышц, возникающее же при этом возбуждение проприорецепторов становится источником периферических импульсов в кору головного мозга. Таким образом, можно выделить четыре основных элемента механизма идеомоторного акта:

- 1) предварительное восприятие движения и связанное с ним возбуждение кинестетических клеток;
- 2) возникновение образа двигательного представления и связанного с ним возбуждения, аналогичного тому, которое имело место при восприятии;
- 3) возбуждение в моторных клетках, возникающее на основе временных связей их с кинестетическими клетками;
- 4) передача возбуждения к мышце и ответная рабочая реакция.

С точки зрения нейрофизиологии тренирующий эффект представления является следствием закрепления определенных связей в функциональной динамической системе при многократном мысленном выполнении конкретных действий точно так же, как это происходит при их многократном практическом повторении. Следовательно, тренирующий эффект представлений связан с подкреплением двигательной доминанты в нервных центрах и с дополнительным воздействием обратной афферентации, возникающей при реальном исполнении движения.

Все это показывает, как сильно влияют двигательные представления на изменение функционального состояния многих систем организма и на телесные проявления человека. При этом результаты, полученные после представлений, схожи с результатами, полученными после реальных восприятия предметов, вещей, явлений, чувств, движений и действий. Все это указывает на огромные возможности использования идеомоторики в различных областях человеческой деятельности.

3 Психологические аспекты подготовки стрелков — стендовиков

Наиболее опытные стрелки понимают, что судьба стрельбы решается в их голове. Чтобы получить хороший результат, спортсмен, занимающийся стендовой стрельбой, должен непрерывно сопровождать траекторию

полета мишени глазами, а руками, совместно с корпусом, постоянно, с ускорением управлять направлением стволов ружья для поражения мишени. Большинство ведущих стрелков прекрасно осознает важность удержания цели в фокусе, но мало кто понимает, что для успешной стрельбы необходимо тренировать глазные мышцы. Любой умственный, психический или физический фактор, который может помешать выполнению всех элементов упражнения, приведет к промаху по мишени, движущейся со скоростью 28 м/с под разными углами и на разном расстоянии от стрелка.

Психология стрельбы на круглом стенде — это наука взаимодействия мысли, психики и движения. Осознанный подход к стрельбе гарантирует меньше случайностей. Концентрация внимания предполагает удержание фокуса на мишени. Опытный спортсмен — стендовик не испытывает затруднений в концентрации, он осознает, на чем ему необходимо сосредоточиться. Для начинающего стрелка концентрация представляет существенную проблему, так как он не знает, чему отдать предпочтение, и приходит в замешательство. Концентрация — это не только свойство ума, но и результат знания, опыта и тренировок. Международный стрелковый союз изменил правила стрельбы на круглом стенде. Все результаты в квалификации обнуляются, и шесть лучших спортсменов в квалификации борются за право стать золотым, серебряным и бронзовым призером. Это совершенно новый подход к борьбе за призовые места, так как стрелок, показавший худший из числа шести первых результатов в квалификации, борется на равных с остальными и может выиграть призовое место в финале. Статистика стрельб по новым правилам в полуфинале и финале подтверждает вышесказанное предположение. Изменения правил соревнований меняет тактику поведения стрелка, а значит, психологию подготовки к соревнованиям и участия в них.

Особую роль в психологической подготовке спортсмена может сыграть визуализация стрельбы.

4 Техника визуализации в стендовой стрельбе

Приемы визуализации могут быть использованы в любом виде спорта, в том числе в стендовой стрельбе. Визуализация при стрельбе по движущимся целям-мишеням — тарелочкам — это зрительно-мысленный план атаки мишени с учетом скорости и характера ее полета, расстояния до мишени, угла стрельбы и погодных условий. Это мысленный план действий без движений и физических усилий. Это подход изнутри к самому себе для достижения максимальной концентрации, чтобы успешно завершать действия на каждом номере и серии выстрелов в соответствии с заданной программой тренера или условиями проведения соревнований. Другими словами визуализация — это зрительно-мышечная подготовка к стрельбе, чтобы стать лидером в серии из 25 мишеней и в стрельбе по заданной программе.

Визуализация применяется в учебно-тренировочном процессе и на соревнованиях. Многие стрелки, не осознавая, что визуализируют перед выстрелом, делают следующие «холостые» упражнения: проводят мишень руками, поворачивают корпус, меняют громкость и частоту команды, незаметно нарушая правила стрельбы, уходят от стрелкового места за пределы площадки, становятся спиной к полетам, готовясь к следующему выстрелу.

Визуализация необходима как начинающим спортсменам, так и стрелкам высшей квалификации, так как она помогает не только повысить результативность, но и закрепить, и сохранить достигнутое мастерство.

Структура тренировки с учетом визуализации состоит из следующих этапов:

1. Внутренняя актуализация

1.1. Экспозиционная фаза (программирование аутогенной тренировки);

1.2. Обсервативная фаза (визуальное наблюдение за выполнением двигательного цикла с особым акцентированием на основных моментах упражнения);

1.3. Идеомоторная фаза (3–5-кратное повторение «внутреннего» представления в соответствии с письменным заданием).

2. Внешняя реализация

2.1 Имитационная фаза (выполнение элементов идеомоторного управления в четкой временной последовательности в общих чертах);

2.2 Фаза практической тренировки (упражнение, тренированное идеомоторным методом, выполняется практически).

Многие стрелки различной квалификации не могут достичь максимального результата в стрельбе, потому что изначально их неправильно обучали. Переучивать гораздо сложнее, чем научить стрелка правильной технике изначально. Как правило, высококвалифицированный тренер, бывший спортсмен, мастер спорта с профильным образованием при обучении стрельбе показывает технику произведения выстрела как на круглом, так и на траншейном стендах. Необходимо увидеть со стороны, как вы должны выполнять действие, тогда оно будет выполнено успешно. Обучаемый стрелок визуализирует, повторяет движение и выстрел. Закрепляет успешно выполненное упражнение, повторяя мысленно проделанное движение несколько раз на стрелковой площадке и запоминает всю схему произведения выстрела. Она состоит из подхода на стрелковое место, подготовки к выстрелу, включая визуализацию, подачу команды и произведение выстрела.

О том, что идеомоторные связи присутствуют в нужном качестве, говорят микродвижения, которые появляются в мышцах. Они хорошо заметны, когда спортсмен пропускает представление движения «через себя». В такие моменты в его мышцах невольно возникают сокращения и расслабления, которые видны довольно отчетливо. Если никаких микродвижений в мышцах не наблюдается, а спортсмену кажется, что он пропускает мыслеобразы

«через себя», это значит, что его тренировка носит исключительно «зрительный» характер.

Когда движение представляется так, как нужно, необходимо добиться того, чтобы время его «представления» совпадало с реальным временем его физического выполнения.

Теперь необходимо начать переводить мысленные импульсы в мышцы. Поначалу это делается медленно и аккуратно, а после того как начнут появляться микродвижения, подтверждающие связь мозга и мышц, процедуру можно несколько ускорить. Постепенно прибавляя в скорости необходимо добиться того, чтобы время мысленного выполнения реально совпадало со временем, которое требуется для физического выполнения действия. Это самый сложный этап в идеомоторной тренировке.

Достижению максимальных результатов способствуют следующие основные принципы визуализации:

1. Наибольшая точность мысленного образа движения: яркость образа, управляемость, детальность и ритмичность;

2. Согласованность между программирующим органом (головным мозгом) и исполняющим аппаратом (мышцами и суставами) при проведении визуализации. Необходимо четко уяснить, что чисто «зрительные» представления, не связанные с «командами» мышцам и суставам, обладают очень малым тренировочным действием. Поэтому в идеомоторной тренировке следует задействовать максимальное число сенсорных элементов: органы чувств, эмоции и другие психофизические анализаторы. Иными словами визуализация должна быть чувственной;

3. Точные словесные формулировки, сопровождающие мысленные упражнения. Следует не только четко представлять то или иное движение, но одновременно проговаривать его суть. В одних случаях слова нужно произносить параллельно с представлением движения, а в других — непосредственно перед ним. Как лучше — определяется на практике;

4. Принцип замедленной киносъемки при разучивании новых элементов техники, для оптимизации и усовершенствования двигательных навыков. Детализация и хронометраж упражнения — важный прием метода визуализации;

5. Во время занятий идеомоторикой принятие позы тела, наиболее близкой к его реальному положению в момент практического выполнения тренируемого элемента. В этом случае возникает гораздо больше импульсов, передаваемых в головной мозг, которые соответствуют реальному рисунку движения. Для закрепления мышечной памяти целесообразно использовать тренажеры, позволяющие имитировать невесомость, и отрабатывать элементы техники движения после отрыва от точек опоры;

6. Полное «погружение» в мысленный образ движения вплоть до начала реального движения вслед за идеомоторными представлениями, что свидетельствует о прочности связи между программирующей и исполняющей системами;

7. Многократное повторение мысленной репетиции упражнения для создания устойчивых нервных связей между головным мозгом и мышцами, что обеспечит автоматизм выполнения оптимального варианта движения.

При визуализации в стендовой стрельбе, во-первых, необходимо определить пространственное место мишени в момент выстрела, которое может варьироваться в зависимости от скорости ветра, видимости и других погодных условий.

Спортсмен, применяющий визуализацию, представляет летящую мишень очень четко, включая ее цвет, траекторию, расстояние до нее. Стрелки, не использующие идеомоторную тренировку, теряются в пространстве, не ощущают траекторию движения мишени, производят нажатие на спуск без уверенности попадания в мишень.

Очень ценной и недорогой является холостая тренировка без патрона с визуализацией каждого выстрела. Такая репетиция может проводиться дома, на работе, в транспорте и любых других условиях. Холостая тренировка помогает совершенствованию изготовления, закрепляет положение ног, рук, корпуса, создает систему внутренней готовности к появлению мишени. Такая работа значительно улучшает результаты, так как способствует выработке динамического стереотипа и, до некоторой степени, автоматизма на начальном этапе поводки за мишенью.

Визуализация в стендовой стрельбе является одним из методов тренировки глазных мускулов. Визуально сопровождая глазами воображаемую мишень, в нужный момент стрелок получает сигнал в мозг о необходимости произведения выстрела. Ответный сигнал от мозга передается мышцами тела, и срабатывает механизм нажатия на спусковой крючок.

Процедура выстрела с учетом визуализации должна быть следующей: спортсмен шагает на стрелковое место, принимает положение изготовления, внутренним зрением проверяет положение ног, рук, корпуса, головы, переводит «взгляд» в зону поражения мишени и готовится к команде для пуска мишени. Перед командой следует произвести усилие по мысленной концентрации, необходимо выждать некоторое время (1,5–2 секунды). Вы уверены, что Вами сделано всё правильно, значит, Вы готовы — подается команда к выстрелу. Команда подана, мишень появилась, визуализируйте её направление, скорость, размер, цвет. Вы идёте по траектории её полёта 0,15–0,25 секунд, мысленная картинка зафиксирована, вы чувствуете, что все необходимое сделано. Ваше зрение даёт команду, можно нажимать на спуск — мишень поражена. Проанализируйте то, что Вы сделали при стрельбе по одиночной мишени. Готовясь к принятию дуплетной стрельбы, повторите первый выстрел, как будто Вы стреляете по одиночной мишени. Результат второго выстрела зависит только от Вашего мысленно-зрительного восприятия двух мишеней. После первого выстрела сделайте плавный переход на вторую ми-

шень, проконтролируйте через прицельную линию ее траекторию полёта, догоните её, сделайте упреждение и нажмите на спусковой крючок. Когда ружьё находится впереди мишени, стрельба происходит не в мишень, а с упреждением, в этом случае мишень обязательно будет поражена.

При этом следует избегать распространенной ошибки. Неправильно думать о конечном результате непосредственно перед выполнением упражнения. Когда в сознании доминирующее положение занимает забота о результате, она вытесняет самое главное — представление о том, как достичь этого результата, если стрелок думает, что ему необходимо поразить мишень, то не сосредотачивается на точных представлениях о тех технических элементах, без выполнения которых разбить мишень просто невозможно. Поэтому он и не попадает в цель. Иными словами, для достижения желаемого результата надо думать не о нем, а опираться на мысленные образы тех действий, которые ведут к этому результату.

Заниматься визуализацией необходимо каждый день вхолостую, вне стенда, а по возможности и на стенде, в том числе при стрельбе других спортсменов. Критерием эффективности таких упражнений должно стать появление у стрелка панорамного зрения, когда мишень будет казаться большой и летящей медленно. Это первый признак, что спортсмен овладел методом визуализации и готов к результативной стрельбе.

Чем больше стрелок будет заниматься визуализацией мишени, тем легче станет ее видеть. Чем больше будет практиковаться в пространственной ориентации, тем быстрее достигнет успехов в стрельбе.

Когда спортсмен научится визуализировать, он должен выполнить несколько выстрелов по мишени непрерывно без использования визуализации — это необходимо, чтобы закрепить стереотип выполнения стрельбы с учетом обучения, о котором сказано выше.

Визуализация на круглом и траншейном стендах отличается друг от друга. В упражнении «СКИТ», когда полет мишени практически постоянный, идеомоторная тренировка более доступна, чем в упражнении «ТРАП». При использовании визуализации на стрелковых площадках «СКИТ» очень полезно проводить одновременно 2–3 серии с целью закрепления техники успешно произведенных выстрелов или исправления ее в случае промаха.

Таким образом, визуализация в стендовой стрельбе позволяет научить спортсмена, правильному движению глаз, стойке, включающей положение ног, рук, головы, корпуса и оружия. Эта тренировка отучит «прыгать за мишенью», делать сверхбыстрые движения, рывки, научит анализировать ошибки.

Выводы

Успех в стендовой стрельбе — результат сочетания психофизических методов тренировочного процесса. Работа над техникой выстрела, в том числе «холостая»

тренировка, укрепление скелетно-мышечной системы, включая физические упражнения и массаж, а также идеомоторная репетиция стрельбы в сочетании с тренировкой психики и стрессоустойчивости позволяет достичь мак-

симального результата на спортивных соревнованиях. Визуализация в стрелковом спорте — необходимая составляющая, способная повысить результативность, по общим оценкам на 6—18%.

Литература:

1. Белкин, А. А. «Идеомоторная тренировка в спорте». — М. ФиС, 1983 г.
2. Дымерский, В. Я. «О применении воображаемых действий в процессе восстановления и сохранения навыков». — Вопросы психологии, 1955 г.
3. Алексеев, А. В. «Преодолей себя. Психологическая подготовка в спорте». — Изд. 5-е, переработанное и дополненное — Ростов на Дону: Феникс, 2006 г. — 352 с.
4. Дымерский, В. Я. «Некоторые проблемы формирования личности профессионала». — М.: Наука, 1980 г. — 123 с.
5. Пуни, А. Ц. «Очерки психологии спорта». М., 1959 г.
6. Пуни, А. Ц. «Роль представлений в формировании двигательных навыков». Л., 1957 г.
7. Захарьянц, Ю. З. и др. «Роль «слова» и «показа» в запоминании гимнастических упражнений»//Теория и практика физической культуры. 1952 г., № 7.
8. Кандыба, В. М. «Психическая саморегуляция». Спб.: Лань, 2001 г. — 448 с.

Система профилактики профессиональных деструкций у будущих бакалавров в образовательном процессе вуза

Храмов Роман Владимирович, аспирант

Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В статье обоснована необходимость разработки педагогической системы профилактики профессиональных деструкций у молодых специалистов на ранних этапах профессионализации в ВУЗе. Рассматриваемая в статье педагогическая система, позволяет организовывать диагностическую, профилактическую и коррекционную работу с молодыми специалистами в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: профессиональные деструкции, профилактика, педагогическая система.

В настоящее время наибольшее внимание в научной литературе уделяется проблемам профессионализации личности. Как и любой другой процесс, профессионализация имеет свои этапы развития, периоды, кризисные проявления и конфликты, что особенно ярко выражено на ранних этапах профессионализации, начальных курсах высшего профессионально обучения.

Говоря о профессиональных деструкциях, мы подразумеваем такие феномены как несовпадение ожиданий и реального характера профессиональной деятельности, трудности в получении необходимой квалификации, внутриличностные конфликты, противоречия в мотивационной сфере, рассогласованность мотивов и ценностных ориентаций молодого специалиста, ряд социальных факторов, в первую очередь начало самостоятельной независимой взрослой жизни, безусловно, является серьезной стрессовой ситуацией. Одним из ведущих факторов проявлений деструкций является несовпадение представлений о своих действительных профессиональных возможностях и реальных профессиональных качествах. [1]

На ранних этапах профессионализации, в частности на первых курсах обучения высшем учебном заведении происходит переоценка ценностей, например к получаемым навыкам и всей будущей профессиональной ценности в целом, так же происходят изменения и в мотивации. Если учеба в старших профильных классах школы отражает лишь некоторые нюансы будущей профессиональной деятельности, то обучение в ВУЗе имеет четкую профессиональную направленность. На этапе обучения в ВУЗе мы можем отметить существование стыка учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности. В этот момент происходит соприкосновение реального настоящего и ожидаемого будущего, вызывая первое серьезное проявление профессиональной деструкции — кризис учебно-профессиональной ориентации. Вчерашний школьник переживает сильный стресс, погружаясь в профессиональную среду, в виду того, что раньше его обучение носило не ориентированную, а скорее общую направленность.

Переживание данного кризиса влечет за собой ряд последствий, таких как изменение профессиональных

намерений, изменение своего отношения к будущей профессии. Многие студенты испытывают разочарование в будущей профессии, неудовлетворенность в получаемых знаниях, изучаемых учебных курсах и программах, у них падает интерес к обучению в высшем учебном заведении. В этом случае можно говорить о кризисе профессионального выбора. Но стоит отметить, что его возникновение возможно, как на первых, так и на самых последних курсах обучения студента. Обучение год за годом либо развеивает, либо наоборот может усиливать социально-профессиональную неуверенность в профессии. Необходимо также отметить, что формой проявления внутриличностных конфликтов неудовлетворенности профессиональной деятельностью может являться асоциальное и девиантное поведение студента.

На основе теоретического анализа мы можем выделить факторы, предшествующие возникновению профессиональных деструкций и кризисам им предшествующим на ранних этапах профессионализации молодых специалистов [2]. Это возрастные и физиологические изменения, такие как ускорение нервных импульсов, гармоничное развитие всех органов организма, изменения психики, социально-профессиональной ситуации, погружение в учебную и профессиональную среду, социальные условия жизни студента, важные события, происходящие в личной жизни молодого специалиста. Кризисы могут различаться по степени их выраженности, динамичности, а так же по последствиям, которые они могут вызывать за собой.

Рассмотрев природу и причины возникновения профессиональных деструкций на ранних этапах профессионализации, то есть на ранних курсах высшего учебного заведения, можно судить об их видах, таких как:

- мотив выбора (мотив направленный в неправильное русло, или же имеющий негативную направленность);
- деструкции ожидания (особенно на ранних этапах в виду несоответствия ожидаемой реальности действительно);
- деструкции психологических защит (отрицание, проекция, идентификация, отчуждение);
- эмоциональные деструкции (возникающие в виду психологического напряжения, вызванного неудовлетворенностью сложившейся ситуацией);
- деструкции стагнации («застоя», в виду снижения темпа профессионального развития);
- интеллектуальные деструкции (снижения уровня интеллекта, в виду отсутствия востребованности определенных навыков индивида в профессиональной деятельности);
- индивидуальный «предел» развития индивида (который во многом зависит от изначального уровня образования, от психологической насыщенности труда; причинами образования предела может быть неудовлетворенность профессией);
- акцентуации характера (ярко выраженные определенные черты);

— появление стойких деформаций личности (например, эмоционального истощения и выгорания)

Исходя из всего вышесказанного следует отметить необходимость профилактической деятельности на ранних стадиях профессионализации в образовательном процессе ВУЗа. Информирование молодых специалистов, студентов и бакалавров о существующих рисках, обучения их методам и методикам, а так же технологиям преодоления и профилактики профессиональных деструкций [2]. Умение прогнозировать и предупреждать возникновение профессиональных деструкций, а так же их последствия, является обязательной чертой специалиста работающего над собственным профессиональным успехом и становлением, а так же является определяющим фактором профессиональной компетентности.

Появление определенных профессиональных деструкций неизбежно влечет за собой снижение продуктивности труда, снижает профессиональную мотивацию, изменяется взаимоотношение студента с сокурсниками, ухудшается психоэмоциональное состояние в целом. Постоянное нахождение в состоянии стресса может повлечь за собой развития тех или иных акцентуаций характера, повышенный уровень тревожности снижает стрессоустойчивость, на первый план выходит неудовлетворенность собой и своими профессиональными качествами. [2]

Следует отметить, что профессиональным деструкциям наиболее подвержены профессии социомического типа «человек-человек», в первую очередь психологи, чему способствует высокая психологическая и умственная напряженность, колоссальная предрасположенность к риску, а так же крайне высокая профессиональная ответственность [3]. Профессионально важными качествами психологов являются хорошо развитые коммуникативные способности, высокая стрессоустойчивость, эмпатийность, организационные навыки, дисциплинированность, настойчивость, требовательность к себе и окружающим. Наиболее доминирующими качествами будут являться активность личности, обаяние, честность, гуманизм, такт, эрудиция, дисциплинированность, а так же, желание работать со школьниками и студентами. Стоит выделить и группу качеств препятствующих продуктивному профессиональному становлению на ранних этапах профессионализации, это такие качества как неорганизованность, невнимательность, упрямство, низкая коммуникабельность, предвзятость, ограниченность, безразличие, безответственность, безыдейность.

Основная стрессовая нагрузка педагогов, как настоящих, так и будущих, ложится на их эмоциональную сферу, мыслительные и психические процессы, такие как мышление, память, восприятие, внимание. Исходя из этого, стоит отметить, что от сформированности профессиональных качеств молодого специалиста будет зависеть продуктивность учебной и педагогической деятельности, ее эффективность и успешность усваиваемой информации.

Анализ существующих на данный момент исследований профессиональных деструкций позволяет отметить, что самоконтроль, профилактические методики, развитие в себе качеств устойчивых к появлению деструкций является ключевым моментом профессиональной состоятельности молодого специалиста. Данные процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены: проявления профессиональных деструкций негативно сказываются, деформируют образовательный и трудовой процесс специалиста, но чем больше его опыт в данном вопросе, а так же самоконтроль и саморефлексия, тем выше вероятность коррекции и работы с профессиональными деструкциями. [4,2,5]

В настоящий момент в педагогической и психологической науках отсутствует целостная концепция или педагогическая система профилактики и преодоления профессиональных деструкций, а так же какие-либо конкретные рекомендации с учетом специфики различных профессий. Анализ современного состояния проблемы профессиональных деструкций показал парадоксальную ситуацию в виде колоссальной потребности в профилактической и коррекционной работе с профессиональными деструкциями на всех этапах профессионализации личности, а в частности на ранних этапах профессионализации, и недостаточной разработанности методов, методик, педагогических систем профилактики профессиональных деструкций. Исходя из этого, мы можем судить об актуальности разработки педагогической системы профилактики профессиональных деструкций в образовательном процессе вуза.

Отличительной чертой возникновения профессиональных деструкций на ранних этапах профессионализации будет являться уровень получаемых знаний и получаемая информация. Чем сильнее открывается профессия для студента, чем сильнее он погружается в будущую профессиональную среду, тем естественно сильнее уровень стресса по отношению к новой, ведущей и доминирующей теперь, деятельности. Как уже отмечено выше, характер и степень профессиональных деструкций будет зависеть, от характера профессиональной деятельности, на ранних этапах профессионализации это процесс обучения и вхождения в специальность. Детерминантами будут выступать возрастные психофизиологические изменения, происходящие на сложный период становления личности молодого специалиста 17–19 лет, а так же полная занятость учебным процессом, появление профессиональной усталости. [3].

Подразумеваемая под педагогической системой — взаимодействие различных взаимосвязанных структурных ком-

понентов, которые объединены одной образовательной целью развития индивидуальности и личности, мы видим основной целью профилактику профессиональных деструкций, реализуемую в высшем учебном заведении. Работа с молодыми людьми, в данном направлении позволит им адаптироваться к новым формам профессиональной деятельности, высокому уровню информационной загруженности, содействовать их психическому и личностному развитию.

Педагогическая система профилактики профессиональных деструкций включает следующие взаимосвязанные компоненты:

1. Информационный (информирование студентов о профессиональных деструкциях, их разновидностях, причинах их возникновения, их детерминантах, их последствиях для личности и профессиональной деятельности, формирование профессиональной компетенции);

2. Диагностический (выявление профессиональных деструкций на различных этапах обучения в вузе, их особенностей, их динамики и т. д.);

3. Обучающий (обучение рефлексии, распознаванию, аутодиагностике и способам профилактики и коррекции профессиональных деструкций);

4. Консультирование (Проведение бесед, семинаров и деловых игр со студентами)

5. Профилактический (профилактическая работа со студентами, направленная на предотвращение профессиональных деструкций). Данный этап включает в себя

6. Коррекционный (коррекция профессиональных деструкций на различных этапах обучения в вузе).

Данная система — это последовательность этапов деятельности преподавателя и студентов по реализации и поставленной цели, средств достижения поставленной цели, совокупности применяемых организационных форм обучения. Это система приемов и методик психолого-педагогического изучения, обучения, влияния и воздействия на студентов, объединенных одной целью профилактики профессиональных деструкций в образовательном процессе вуза

Таким образом, педагогическая система профилактики профессиональных деструкций включает в себя консультативные, профилактические и коррекционные мероприятия. Грамотная работа в данном направлении позволит повысить качество подготовки студентов на начальных курсах обучения в высшем учебном заведении, обучить студентов навыкам работы с возникающими профессиональными деструкциями, а так же подготовить их к условиям быстро меняющейся внутренней и внешней профессиональной среды.

Литература:

1. Зеер, Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности/Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Психол. журнал. — 1997. — №6.1. — С. 35–44.
2. Зеер, Э.Ф. Психология профессиональных деструкций: Учебное пособие для вузов/Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. — с. 240.

3. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений/Е. А. Климов. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.
4. Борисов, П. П. Компетентностно-деятельностный подход и модернизация содержания общего образования/П. П. Борисов // Стандарты и мониторинг. — 2003. — № 1. — с. 58–61.
5. Сериков, В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе/В. В. Сериков, В. А. Болотов // Педагогика. — 2003. — № 10. — с. 32–40.
6. Неруш, Т. Г. Профессиональное выгорание как специфическая форма профессиональных деформаций./Т. Г. Неруш // Известия Саратовского университета. — 2012. Т. № 3 с. 83–87.
7. Неруш, Т. Г. Профессиональная рефлексия как механизм профилактики выгорания психологов./Т. Г. Неруш// Психология и экономика. — 2008. Т. 1. № 1–2. с. 70–75.

О старости как последнем этапе онтогенеза

Шагидаева Аза Батрудиновна, аспирант, старший преподаватель
Московский городской психолого-педагогический университет

В статье представлен сравнительный анализ взглядов зарубежных и отечественных психологов на старость как последний этап онтогенетического развития, подробно рассмотрена теория стадий возрастного развития Э. Эриксона, проанализированы психологические характеристики ведущей деятельности в старости с точки зрения отечественного деятельностного подхода.

Ключевые слова: психическое развитие, социальная ситуация развития, ведущая деятельность, зрелый возраст, пожилой возраст, старческий возраст.

В начале нашего исследования рассмотрим такие базовые понятия возрастной психологии и психологии развития, акмеологии как: «развитие», «социальная ситуация развития», «возрастные психические новообразования», «развитие личности».

Развитие (в психологии) — это процесс необратимых, направленных и закономерных изменений, приводящий к возникновению количественных, качественных и структурных преобразований психики и поведения человека (по Артуру Александровичу Реану). Учёные различают две базовые **формы развития**:

1. Эволюционная форма развития — медленные, количественные изменения (по Чарльзу Дарвину);
2. Скачкообразная (революционная) форма развития — фундаментальные преобразования в относительно короткие периоды времени, т.е. развитие через кризисы (периоды критического развития психики, когда происходят качественные скачки психического развития), перемежающиеся литическими периодами (периодами «скрытого» развития, когда происходит количественное накопление психических изменений), — по Льву Семёновичу Выготскому. [5, 7, 11, 12, 13, 15]

Социальная ситуация развития личности — это специфическая для каждого возрастного периода система отношений субъекта в социальной действительности (в обществе), отраженная в его переживаниях и реализуемая им в совместной деятельности с другими людьми (по Льву Семёновичу Выготскому). [5, 7, 11, 12, 13, 15]

Возрастные психические новообразования — это понятие, обозначающее собою нечто принципиально

новое (ранее не имеющееся) в психическом развитии личности, появляющееся на определенном этапе онтогенеза. Согласно Л. С. Выготскому, выделяются психические («в узком смысле»), социальные (психосоциальные), деятельностные (социально-психологические) новообразования. [5, 7, 11, 12, 13, 15]

Психическое развитие — это происходящее в онтогенезе закономерное и последовательное формирование и изменение психических процессов во времени, выраженное в их количественных, качественных и структурных преобразованиях. Развитие психики человека в ходе онтогенеза обусловлено такими факторами как наследственность, окружающая среда и активность данного индивида. [5, 7, 11, 12, 13, 15]

В психологии развития и акмеологии имеется целый **ряд общепсихологических теорий психического развития**, основанных на разнообразных теоретико-эмпирических подходах: биогенетический подход (теория рекапитуляции Эрнеста Геккеля и Стенли Холла, психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда и других учёных); социогенетический научный подход (концепция Эрика Эриксона и других учёных); когнитивный научный подход (концепция Жана Пиаже и других учёных); культурно-исторический научный подход (концепции Л. С. Выготского, В. С. Мухиной, Л. Ф. Обуховой, И. В. Дубровиной и др. учёных); деятельностный научный подход (теории и концепции С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина, А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович, П. Я. Гальперина, А. И. Подольского, А. А. Реана, И. Ю. Кулагиной и др. учёных); психосоциальный (социально-психологический) научный

подход (концепции Владимира Николаевича Мясищева, Артура Владимировича Петровского, Галины Михайловны Андреевой, Александра Ивановича Донцова, Михаила Юрьевича Кондратьева, Анатолия Леонидовича Свенцицкого, Леонида Васильевича Куликова и других учёных). [5, 7, 11, 12, 13, 15]

Отметим, что ряд теорий, начиная с теории Зигмунда Фрейда, в принципе не рассматривает возраст старости. Подчеркнём, что из тех не очень многочисленных теорий, которые предметно анализируют жизненный период старости, наиболее широкое распространение на Западе и мировое признание получила теория стадий возрастного развития Эрика Эриксона. Он развил теорию З. Фрейда, выделил и обосновал психосоциальный аспект развития людей, — как основной культурно-личностный критерий периодизации возрастного развития. В основание возрастной периодизации Э. Эриксоном были положены процессы психофизического созревания человека, процессы становления индивидуальной сознательности («развитие сознательного Я») и процессы социализации личности в обществе. Э. Эриксон особое внимание уделял социально-психологическим параметрам развития личности на всех возрастных этапах жизнедеятельности и формирования личности. Э. Эриксон, подвергая анализу психовозрастное развитие личности, во всех возрастах, в том числе и в возрасте старости, выделял амбивалентные дуальные пути психосоциального развития личности. Анализируя взрослые возраста, Э. Эриксон особое значение придавал содержательной взаимосвязи этапов среднего, зрелого, пожилого и старческого возрастов в контексте сущностно общего для всех них макроэтапа развития личности во взрослой

жизни. [5, 7, 11, 12, 13, 15] Именно так, комплексно, Э. Эриксон понимал возрасты взрослости, зрелости, старости и возраст преклонных лет, что мы отображаем в таблице № 1.

Отметим, что со времён Э. Эриксона, общепринятыми в зарубежной и отечественной психологии развития в целом и в геронтологии в частности, границами изучаемых возрастных периодов являются: 53–55–63–65, — пожилой возраст (поздняя зрелость, предстарость); 63–65–73–75, — старческий возраст (старость); 73–75–83–85, — преклонный возраст (глубокая старость); 83–85 — до конца жизни, — возраст долгожителей (долгожительство) [5, 7, 11, 12, 13, 15].

Также в отечественной психологии зачастую старость определяется как возрастной период после 60 лет: с 62 лет в периодизации В.И. Слободчикова, после 65 лет — у Г.С. Абрамовой (в периодизации которой выделяется также пожилой возраст — 51–65 лет), после 60–70 лет — у И.Ю. Кулагиной, В.Н. Колюцкого (в периодизации которых отсутствует выделение пожилого, старческого, преклонного возрастов и долгожительства, выделяется только единый период поздней зрелости и старости и др.) [7].

Теперь, с позиций отечественного деятельностного научного подхода (А.Н. Леонтьев и др.), мы проанализируем *психологические характеристики ведущей деятельности*, — в контексте рассматриваемой нами обширной возрастной эпохи психического развития людей.

Зрелый возраст (зрелость): 30–32–50–55, — ведущей является профессионально-трудовая деятельность. Происходит самореализация в профессии, актуализация

Таблица 1. **Возрасты взрослости, зрелости, старости и возраст преклонных лет**

<p>29/30–40/42: взрослость (взрослый, средний возраст), 40/42–53/55: зрелость (средний, зрелый возраст) [1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 14, 16]</p>	<p>творчество/застой, — качественное развитие или угасание креативности; личностно-социальная экстернативная продуктивность/репродуктивность; активное профессиональное социальное развитие, полномасштабное определение своего места в обществе, культурно-религиозное становление и развитие личности в общественных отношениях</p>
<p>53/55–63/65: пожилой возраст (т. н. возраст акме или поздняя зрелость, или т. н. предстарость), 63/65–73/75: старческий возраст (старость, т. н. возраст творческого опыта), 73/75–83/85: преклонный (т. н. дряхлый) возраст (т. н. второй период акме в течение зрелой жизни человека или глубокая старость) [1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 14, 16]</p>	<p>интеграция/разочарование, — приобретение нового социального статуса или потеря своего социального Я; значимость для личности собственных профессиональных достижений и их переоценка «с высоты возраста», качественно новый поиск смысла жизни и деятельности; в позитивном варианте развития — продолжение социально и профессионально активной жизни; наряду с активацией общественной позиции личности — стагнация культурного развития личности; стремление к Богу; становление в ролях бабушек и дедушек в семье; для женщин вероятен уход в семью, творчество и рукоделие, для мужчин более вероятны политическая жизнь, наука, развлечения</p>

личностного потенциала, качественное расширение способностей, формирование полного самосознания собственной жизнедеятельности. [13] Этот аспект понимается в акмеологии как в положительном смысле, в контексте позитивного развития личности в плане зрелого осознания ею своих способностей и возможностей в социуме и в профессии, так и в отрицательном смысле. Как бы то ни было, в этом возрасте имеется качественно новая профессионально-общественная социализация и самоинтеграция.

Существует ориентация на общественные ценности, социальная мотивация к позитивному изменению общественной жизни, к самосовершенствованию в контексте общественных связей. В этом разрезе, производственные отношения становятся главным компонентом в общении и в совместной деятельности людей. Профессиональные ценности вновь, как и в молодости, качественно интериорируются (присваиваются на новом этапе развития личности), происходит их экстерииоризация (личностное продуцирование вовне), они являются ориентирами для дальнейшего саморазвития и самораскрытия личности. Период зрелости характеризуется самоконтролем как интегральным свойством возраста. При этом все периоды зрелой жизни отмечены самообразованием (в самом широком смысле) и процессом существенного увеличения его доли в профессионально-личностном саморазвитии человека.

С аналитической позиции деятельностного подхода, главным психовозрастным свойством всего возрастного периода зрелой жизни является осознание и принятие человеком своего акме как принципиально возможных для данной конкретной личности социально-профессиональных вершин собственных достижений. В психологии развития, акмеологии предполагается, что во всех случаях у людей в этом возрасте наблюдается пик творческой профессиональной самореализации [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16].

Пожилой возраст (поздняя зрелость): **53–55–63–65**, — ведущей деятельностью вновь является личностно-семейное ролевое самоопределение. Данный процесс осуществляется на иной качественной основе, чем это было ранее, так как у людей уже появляются внуки. В сознании людей пожилого возраста происходит пересмотр семейных ролей, эмоционально наступает вторая молодость. У людей в возрасте поздней зрелости во внутриличностном плане производится ориентация на воспитание внуков, что психологически происходит у дедушек и бабушек на иной качественно-сознательной основе, нежели чем это было у них с их собственными детьми. Бабушки и дедушки осознают то, что главное в жизни человека — это воспитание подрастающих поколений, начиная со своих внуков, и психосоциально проявляют это в своей жизнедеятельности. Между пожилыми супругами углубляется интимно-личностное эмоциональное единение в общении и совместной деятельности по воспитанию внуков и в процессе помощи

молодой семье, — то есть — детям и внукам молодых бабушек и дедушек. В ряде случаев совершается также профессиональное дальнейшее развитие и самоактуализация в наиболее сложных областях профессии (при условии продолжающейся профессионализации). Наряду со всем этим, в данном возрасте в подавляющем большинстве случаев у людей происходит осознание пройденного жизненного пути и переосмысление личностного опыта в социальном ключе, в контексте общественной значимости своих жизненных свершений [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16].

В старческом возрасте (старости): **63–65–73–75**, — происходит осмысление людьми уже сделанного, свершённого в жизни и деятельности и качественная переоценка всего уже достигнутого ими в жизни. Осуществляется формирование мудрости жизнедеятельности, человек активно передаёт свой богатый опыт последующим поколениям. В семьях людьми данного возраста производится так называемое оформление личностных вкладов, — бабушки и дедушки субъектно активизируют себя в роли воспитателей внуков и в роли материальных обеспечителей жизнедеятельности своих детей и внуков [6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16].

В старости у людей активизируется общение со сверстниками, с ровесниками — оно обладает очень важным психотерапевтическим эффектом и большим психологическим потенциалом для мотивационно-деятельностной активности личности [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16].

У подавляющего большинства людей период поздней зрелости или пожилого возраста, предстарости, — **53–55–63–65**, и, конечно, период старческого возраста, старости, — **63–65–73–75**, органически связан, прежде всего, с прекращением репродуктивного периода телесной жизни — с периодом климакса [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Психологически жизненный период старости (**63–65–73–75**) глобально характеризуется осознанием итогов жизни и их положительным принятием, при оптимальном развитии личности, или т.н. отчаянием старости, что, при негармоничном развитии личности характерно, размывается, и для преклонного (дряхлого) возраста, — **73–75–83–85** [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16].

Главным психосоциальным достижением эпохи пожилого возраста (**53–55–63–65**), эпохи старости (**63–65–73–75**), и генеральным внутриличностным психическим основанием, обеспечивающим сохранность личностного здоровья людей этих возрастов, является принятие собственной экзистенции (от лат. *existentia* — существование), полное самопринятие человеком своей индивидуальной бытийной сущности [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Несомненным социально-психологическим позитивным результатом жизнедеятельности людей старческого возраста (**63–65–73–75**), является так называемый феномен мудрости жизни, имеющий большую общественную значимость и огромное культурное значение [6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16].

Преклонный (т.н. дряхлый) **возраст:** 73/75–83/85, — ведущей деятельностью является самоосмысление, а также осмысление проблем бытия, вечности и Бога. Людями преклонного возраста психологически производится детальное подведение жизненных итогов, содержательно осознаётся завершение жизненного цикла, переосмысливается своё место в мире и во вселенной. На первый план в познавательной и социальной деятельности выходят религиозные, мировоззренческие, политические и нравственные проблемы. Если условия жизни в преклонном возрасте негативны, наблюдается размывание и нивелирование ведущей деятельности данного возраста (что обусловлено ещё и фактором интеллектуального развития личности — в его культурных характеристиках) [7, 10, 12, 13, 14, 16].

В преклонном возрасте происходит ресоциализация в семье, имеет место занятие новых семейных ролей (прабабка, прадед, т.н. патриарх), производится воспитание взрослых внуков. В отсутствие семейной ресоциализации, имеет место быть, как правило, достаточно активная ресоциализация в таких областях деятельности и знания как культура, религия, общественная мораль. Наряду с этим, у людей дряхлого возраста явно имеет место психосоциальный процесс отхода от активных форм выполнения профессиональной деятельности (даже, при условии их наличия в старческом возрасте). Итак, даже в случаях поддержания профессиональных контактов и продолжения профессиональной деятель-

ности, практически всегда в преклонном возрасте явно выражено психологическое ослабление включённости человека в процесс осуществления общественно полезного труда, и существенно преобладают пассивные формы реализации в профессии [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16].

В заключение мы укажем на то, что в отечественной психологической науке наиболее согласующейся с теорией Э. Эриксона в общенаучном психосоциальном смысле и в большей степени значимой именно для анализа старости, нам представляется концепция развития личности посредством общения А.В. Петровского. Он утверждал, что основным **активатором развития личности является не деятельность** (как в теории Д.Б. Эльконина и А.Н. Леонтьева), а разного рода общение (коммуникация, интеракция, социальная перцепция), которое можно понимать и в качестве особой деятельности (как взаимодействие людей в процессе общения и познания). Это утверждение концептуально предстаёт в качестве научного постулата, определяющего особую ценность общения во всех возрастах и, в том числе, в старческом возрасте [6, 7, 8, 12, 13, 14, 16].

Таким образом, имеется решающая значимость общения для поддержания социально-профессиональных контактов человека в пожилом и в старческом возрасте, а также выявляется наиважнейшее значение тех компонентов и сторон общения, на базе которых строится социальное взаимодействие в старости и в преклонном возрасте [6, 7, 8, 12, 14, 16].

Литература:

1. Александрова, Н. Х. Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза // Развитие личности. — 2002. — № № 3–4.
2. Ананьев, Б. Г. К проблеме возраста в современной психологии // Психология старости и старения: Хрестоматия/Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — 416 с.
3. Анцыферова, Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психология старости и старения: Хрестоматия/Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — 416 с.
4. Бороздина, Л. В., Молчанова О. Н. Особенности самооценки в позднем возрасте // Психология старости и старения: Хрестоматия/Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — 416 с.
5. Крайг, Г. Психология развития. 7-е межд. издание. — СПб.: Питер, 2000. — 992 с.
6. Краснова, О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения. — М.: Академия, 2002. — 288 с.
7. Кулагина, И. Ю., Колоцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: ТЦ «Сфера», 2001. — 464 с.
8. Лидерс, А. Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология старости и старения: Хрестоматия/Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — 416 с.
9. Москвитина, О. А. Психологическое здоровье людей позднего возраста // Сборник материалов круглого стола с международным участием «Психология здоровья: новое научное направление» 14–15 декабря 2009 г. Санкт-Петербург, ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» — СПб., 2009.
10. Обухова, Л. Ф., Обухова О. Б., Шаповаленко И. В. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения // Психологическая наука и образование. — 2003. — № 3.
11. Психология старости. Хрестоматия. Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — 752 с.
12. Психология старости и старения: Хрестоматия/Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — 416 с.
13. Реан, А. А. Психология человека от рождения до смерти. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. — 683 с.

14. Сенкевич, Л.В., Шагидаева А.Б. Особенности мотивационной сферы у одиноких пожилых людей, проживающих в условиях геронтологического центра // Учёные записки Российского государственного социального университета. — 2011. — №7, с. 225–230.
15. Стюарт-Гамильтон, Я. Психология старения: Пер. с англ.. — 3-е междунар. изд. — СПб.: Питер, 2002. — 256 с.
16. Шагидаева, А.Б. Специфика нравственной сферы у одиноких пожилых людей // Психология нравственности и религия: XXI век: Материалы международной конференции (16–17 ноября 2011 года): [Сборник]/ГОУ ВПО МГПУ, ГКА им. Маймонида, — МО, Щёлково: Издатель Марохтин П.Ю., 2011. — с. 465–469.

ИСТОРИЯ

Изготовление хлопковой ткани в традиционной культуре народа акха в северном Таиланде. Этнографический очерк

Адаменко Александр Александрович, старший преподаватель
Научный руководитель Григорьева Людмила Ильинична, доктор философских наук
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Традиционная материальная культура народа акха в северном Таиланде на сегодняшний день почти не освещена в российской гуманитарной науке. Остаются не исследованными традиционная культура, история и языковые процессы этого народа. Между тем усиливающиеся социокультурные связи между Россией и Таиландом обуславливают необходимость взаимного изучения материальной и духовной культуры обеих стран. Актуальность изучения традиционной материальной культуры акха подтверждается быстрой и зачастую насильственной интеграцией этого народа в процесс модернизации тайского общества и государства. Возможность изучения акха как этнического целого может остаться актуальной в течение только ближайших десятилетий. В статье предпринимается попытка исследовать материальную культуру народа акха в северных провинциях Таиланда (Чианг-Рай, Чианг-Май), охарактеризовать основные тенденции социокультурного развития этого народа.

Ключевые слова: акха, Таиланд, этническая группа, традиционная культура, материальная культура

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich

Lecturer in the Department of Religious Studies at Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
Scientific adviser: Doctor of Philosophy Grigoryeva Lyudmila Ilyinichna

At present, the traditional material culture of the akha people in Northern Thailand are hardly covered in the Russian humanities. The traditional culture, history and linguistic processes of this nation remain unexplored. In the meanwhile, the growing sociocultural relations between Russia and Thailand are calling forth the necessity of reciprocal research into the traditional culture of both countries. The urgency of investigating the traditional material culture of the akha is confirmed by the rapid and, not infrequently, coercive integration of these people into the process of modernization of the Thai society and state. The opportunity to study the akha as an ethnic whole may only remain imperative within the oncoming few decades. In the paper an attempt is undertaken to explore the traditional material culture of the akha people in the northern provinces of Thailand (Chiang-Rai, Chiang-Mai), to characterize the main tendencies of their sociocultural development.

Key words: Akha, Thailand, ethnic group, traditional culture, material culture.

Одной из наиболее актуальных проблем, стоящих сегодня перед национальными меньшинствами во всем мире, является проблема сохранения национально-культурной идентичности, исторически сложившихся форм традиционной культуры.

Особый интерес для изучения данной проблемы представляет сегодня регион северных провинций королевства Таиланд, поскольку именно здесь локализовано множество национальных меньшинств, эмигрировавших с территории Бирмы, Китая и Лаоса.

Этнографическая карта региона включает в себя целый ряд уникальных в культурном отношении малых народов. В их числе народы тибето-бирманской языковой группы: лаху, лису, акха, а также ряд этносов, относящихся к китайской языковой семье мяо, хмонги и т.д.

Особую этнографическую ценность представляет, на наш взгляд, традиционная культура наиболее высокогорного и изолированного народа акха, в большей степени, чем другие этносы региона, сохранившего традиционный образ жизни. Сегодня, впрочем, акха ин-

тенсивно вовлекаются в характерные для Таиланда процессы интенсивной экономической модернизации, что неизбежно разрушительно сказывается на сложившихся культурных формах. В этом смысле возможность непосредственного изучения традиционной материальной и духовной культуры этого народа будет оставаться актуальной только в течение ближайших десятилетий.

Стоит отметить, что наиболее значимый вклад в изучение материальной и духовной культуры акха внесли такие ученые, как А. Бернатзек, П. Льюис, Э. Льюис, К. Брэгг, Р. Рикерт, Г. Янг, Э. Уокер М. Смит, Э. Хинтон, И. Хаями, И. Хэнсон, Х. Вуэнжон, Ю. Жао, Ц. Инамура. Отдельного внимания заслуживают работы тайландских ученых А. Виттайи, Ч. Шриавонга и других исследователей.

В числе российских ученых, затрагивающих в своих работах проблемы традиционной культуры народа акха, необходимо упомянуть Э.О. Берзина, В.И. Гохмана, Е.В. Иванову, В.И. Корневу, Л.Н. Мореву, Ю.М. Осипова, Ю.Я. Плам, Е.Н. Афанасьеву, В.Н. Шинкарева.

В статье приведено описание традиционных способов культивации хлопка, ручных станков, используемых для его обработки, обычаев и запретов, связанных с текстильным производством. Также представлены характеристика основных этапов изготовления хлопковой материи и механизмы неразрывной связи между данным разделом материальной культуры и исторически сложившимся образом жизни акха, уникальной религиозной традицией.

В процессе изучения текстильных технологий акха мы опирались на данные исследований вышеуказанных англоязычных авторов, а также на сведения, полученные в рамках ряда научно-исследовательских экспедиций в период с 2011 по 2013 гг. (Провинция Чианг Рай).

Прежде всего необходимо отметить, что традиционно в поселениях акха северного Таиланда в процесс изготовления одежды вовлечены все жители деревни, однако основная нагрузка ложится на плечи женщин, в то время, как на участие мужчин в определенных видах работ налагается ряд запретов (Bernatzik, Hugo Adolf 2012:102).

Сегодня, как и в древности, основным материалом изготовления одежды является хлопок, который обычно высевают вместе с более важными пищевыми культурами. В современном Таиланде только самые крупные поселения акха, владеющие достаточным количеством посевных площадей и рабочих рук, могут позволить себе выращивать хлопок, однако этот народ по-прежнему остается самым крупным среди горных этносов «экспортером» хлопковой ткани, используемой в интенсивно развивающейся туристической индустрии.

Процесс выращивания хлопка начинается в апреле, в шестой лунный месяц, который акха называют «*boe zo ba la*». В это время старейшины семей отбирают участки, пригодные для посадки хлопка, которые затем очищают

от растительного мусора и удобряют. В условиях подсево-огневого способа обработки земли акха избегают высаживать хлопок на только что удобренные пеплом поля, поскольку богатая питательными веществами земля приведет к слишком быстрому вызреванию урожая. Часто хлопок высаживают вместе с кукурузой или сахарным тростником, или высевают его на поле, где ранее росла кукуруза или бобовые. Подготовленная таким образом почва создает оптимальные условия для роста и созревания данной культуры.

Обычно хлопковый урожай собирают с полей не более трех лет подряд, что связано как с практическими соображениями, так и с ритуальным запретом. После трех лет хлопковых урожаев на поле обычно высеивается рис, однако на обратный процесс (т.е. посадку хлопка на рисовом поле) налагается табу (Bernatzik, Hugo Adolf 2012:125). Акха также никогда не смешивают посевы риса и хлопка, считая, что богатый урожай одной культуры сведет на нет урожай другой.

Сегодня, как и в древности, акха практикуют два способа культивации хлопка:

1. Монокультурный способ — когда вместе с растущим урожаем хлопка высеивается лишь небольшое количество овощей, цветов или лекарственных трав.
2. Поликультурный способ — при котором хлопок высаживают совместно, с какой-либо пищевой культурой, чаще всего соевыми бобами.

Как и другие горные народы северного Таиланда, акха культивируют два вида хлопка:

1. Белый хлопок
2. Бежевый (желто-коричневый) хлопок

И тот и другой вид имеет свои особенности, и каждая семья акха самостоятельно решает, какой из них предпочесть. Белый хлопок считается более престижным, однако бежевый значительно лучше впитывает и удерживает цвет при окрашивании (Young, Oliver Gordon 2010:18).

В процессе сбора урожая хлопка обычно принимают участие все члены семьи. Акха работают в поле, используя два вида традиционных корзин: *ka jo* — среднего размера открытую корзину с налобной лентой и *ka joe* — плоскую небольшую корзину, уравновешенную на талии. Собранный хлопок помещают сразу в корзины, поскольку упавшие на землю коробочки довольно трудно очистить от грязи (Young, Oliver Gordon 2010:24).

В прошлом почти каждая семья, культивирующая хлопок, пристраивала рядом с домом хлопковый амбар, плотные стены которого надежно защищали собранный урожай от пыли, грязи и паутины, губительных для хлопковой пряжи. В современных условиях, в связи с сокращением посевов хлопка и заменой его на пищевые или более прибыльные товарные культуры, необходимость в таких амбарах отпала, и в большинстве поселений акха хлопковое сырье хранится в плотно запечатанных пластиковых пакетах, подвешенных к потолочным

балкам или сложенным под кроватями на женской половине дома.

Первичная обработка полученного сырья и изготовление хлопкового волокна производятся либо сразу после уборки урожая, либо позже в сухую и жаркую погоду, когда просушенный хлопок легко отделяется. В процессе первичной обработки проявляют особую осторожность, поскольку качество будущей ткани напрямую зависит от чистоты отделяемых волокон.

Устройство для отделения хлопковых волокон называется у акха «saji» (Приложение №1), (Lewis, Paul 2004: 145).

В прошлом, почти каждая семья акха владела станками такого типа, однако сегодня даже самые высокогорные деревни акха в Таиланде имеют только один или два «saji» на целую деревню, поскольку, ввиду сокращения объемов культивации хлопка, необходимость в большом количестве таких станков отпала. По сути, только люди старшего поколения знают сегодня тонкости создания и использования этого устройства.

Saji акха имеет ряд незначительных отличий от аналогичных устройств, используемых другими горными народами. В устройстве акха основной функциональной частью станка являются две вращающиеся круглые оси, приводимые в движение с помощью рук и ножного механического привода (Bragg, Katherine 2011: 74).

Рукоять Saji, расположенная справа от работника, приводит в движение нижнюю ось, в то время, как расположенный слева рычаг поворачивает верхнюю ось, увеличивая тем самым натяжение на нижней.

Традиционно ремонт и изготовление этого устройства является мужской обязанностью. Работают на Saji также в основном пожилые люди, поскольку в жаркие месяцы очистки хлопка большинство акха заняты на более тяжелой работе в полях.

В процессе работы на Saji используется полностью сухое и очищенное волокно. Оно помещается в корзину в форме улья — «ka lo», укрепленную на двух верхних стойках устройства. Тот, кто работает на Saji, стоит или сидит перед станком, держась за рукоятку справа. Лево́й ногой работник плавно нажимает на педаль (*naw da*), сделанную из двух кусков бамбука. Если отделяющий стоит, вес обычно переносится на правую ногу, а лево́й нажимают на педаль. Если сидит, вес переносится на ягодицы, а правая нога лежит на табурете (*aku naw hae.*) Последний способ работы на Saji менее изнурителен (Bragg, Katherine 2011: 87).

В процессе очистки волокна рукоятку Saji приводят в движение правой рукой, чтобы повернуть нижнюю ось, а ногой поворачивают верхнюю с помощью педали. Проветренный хлопок ссыпается из верхней корзины и проходит через вращающиеся оси пядь за пядью. Для того, чтобы избежать излишнего давления и натяжения, детали станка смазывают промасленным куриным перышком. Весь обработанный хлопок собирается в нижней корзине *ha tong*, дно которой выстлано сухими банано-

выми листьями. После завершения работы нижнюю корзину плотно закрывают сплетенной из бамбука крышкой, для того, чтобы защитить хлопок от грызунов и насекомых. Все закрытые и заполненные таким образом корзины вешаются снаружи, под крышей, на внешние стропила жилых помещений. Отделенные семена хлопка также сохраняют до последующего посева. Saji разбирают и прячут в подсобные строения.

Полученный таким образом хлопок является очень плотным, и поэтому следующей стадией его обработки является прочесывание (*sa la beu-eu*). Инструмент, с помощью которого хлопок прочесывают, называется *sa beu* и представляет собой перекрещенные дуги. Ручка *sa beu* делается из бамбука, а натянутые струны — из ротанга или тонких стеблей бамбука.

Прочесывание хлопка — традиционно женское занятие, однако, как, как и в работе с Saji, зачастую эту работу выполняют пожилые люди обоих полов.

Обычно чесание хлопка производится во время дождя или сразу после него. Если дождя нет, вокруг корзины выливается несколько ведер воды, чтобы избежать попадания в хлопок пыли.

В процессе работы высокую корзину (*ha tawng*) на одну треть заполняют хлопком и располагают вблизи чесальщика. Работник удерживает правой рукой чесальный лук глубоко в корзине, а лево́й вытягивает нить. Когда хлопок достаточно прочесан, его скатывают в 5–6 сантиметровые валики. Если это не сделать сразу, хлопок разделится и снова станет плотным (Lewis, Paul 2004: 115).

Следующей стадией изготовления хлопковой ткани является намотка хлопка, для которой используют следующие инструменты:

1. Веретено
2. Опорная доска

В процессе намотки прочесанный хлопок помещают на доске 3–9 на 5–6 сантиметров, продевая сквозь отверстия и накручивая на веретено. Полученная нить остается на катушке и в таком виде сохраняется для будущего использования. Намотку хлопка обычно совершают сразу после чесания, завершая таким образом процесс предварительной обработки (Bragg, Katherine 2011: 98).

Наиболее значимым для качества хлопковой ткани является, пожалуй, процесс прядения, который в традиции акха является исключительно женским занятием. Женщины, вовлеченные в процесс изготовления хлопковой ткани, занимаются прядением постоянно, уделяя этому занятию каждую свободную минуту (Bernatzik, Hugo Adolf 2012:78).

Хлопковая пряжа производится из намотанного хлопка, который перебирают рукой, наматывая нить на небольшое веретено (*ya aung*). Каждое заполненное нитью веретено заменяется новым, и обычно умелая хозяйка изготавливает 6–7 готовых мотков за один раз. Готовую намотанную пряжу пересыпают пеплом и хранят в герме-

тичных корзинах или пластиковых пакетах (Young, Oliver Gordon 2010: 34).

Искусство прядения хлопковых нитей является предметом особенной гордости женщин акха и приобретает годами усердной практики. А особенную значимость именно этого этапа создания ткани подтверждает множество условий и запретов, соблюдаемых в процессе прядения. Так женщины акха никогда не оставят на ночь наполовину заполненное веретено, считая это верным способом вызвать на следующий день дождь или туман. Мужчинам акха запрещено принимать участие в процессе прядения, поскольку это может вызвать скорую смерть на охоте. Наконец, хлопок никогда не прядут в те дни, когда мужчины в лесу устанавливают или заряжают ловушки на животных, поскольку это считается верным способом лишиться добычи.

Перед началом процесса крахмаления пряжи акха изготавливают из хлопковой пряжи мотки оптимального размера и формы. Так для изготовления мотков используется инструмент в форме буквы Н, называемый *pu sae* (*погонялка*) (Lewis, Paul 2004: 156).

Оценка пряжи и изготовление мотков обычно производятся на открытом пространстве, так как *pu sae* — приспособление довольно значительное по размерам. Обычно женщины акха используют расщепленную на конце бамбуковую палку для разделения нитей и удаления пепла с пряжи. Клубок ниток кладут рядом с *pu sae* на кусок ткани или в корзину, чтобы не испачкать. Затем нить пропускают через расщепленную палку и наматывают на две перекладки, расположенные на верхней и нижней части вертикальной основы. Женщины, работающие с этим устройством, обычно удерживают *pu sae* перед собой чуть согнутой в локте левой рукой, а правой работают расщепленной палкой, наматывая отделенную и очищенную нить (Lewis, Paul 2004: 158).

Следующим этапом работы с очищенной и смотанной пряжей является крахмаление, широко распространенное среди горных народов, использующих возвратный ткацкий станок. Накрахмаленные волокна схватываются и с ними легче работать. Акха используют для этого клейкий рис, настоянный в воде обычно в течение одной ночи. Вода откачивается, и рисовые зерна перемалываются в порошок. Затем порошок просеивают еще раз, заливая небольшое количество воды через ткань фильтра, чтобы удалить большие частицы. Позже, когда полученное сырье вскипит в большом горшке или кастрюле, мотки пряжи помещают в кипящую смесь. В процессе кипячения тщательно следят, чтобы кипящий порошок не загустел и не превратился в пасту. Температуру на открытом огне стараются поддерживать на одном уровне, а кипящую пряжу постоянно помешивают. Если процесс кипячения оставить без внимания, то рис будет выделять неприятный запах, который останется, когда ткань будет готова. После крахмаления пряжу вешают на открытом воздухе для просушки.

Процесс просушивания хлопковой пряжи обычно требует участия двух человек. Перед началом сушки женщины акха устанавливают две бамбуковые палки на расстоянии около 3–4 метров. Расстояние между палками должно соответствовать длине нитей. Вся накрахмаленная пряжа постепенно натягивается между этими двумя палками. Важно использовать именно бамбук, так как другая древесина не позволит пряже высохнуть должным образом и может обесцветить ее. Хлопковая пряжа обычно сушится в ясный солнечный день, так что очень важно завершить процесс высыхания до наступления ночи. В противном случае у оставленных на ночь нитей может появиться неприятный запах плесени. После сушки пряжа собирается и хранится в сухом и темном месте, вплоть до установки ткацкого станка и начала изготовления ткани.

Следующим этапом, непосредственно предшествующим процессу создания хлопковой ткани, является навивка пряжи. Данный этап необходим для получения качественной нити, пригодной для того, чтобы поместить ее на навои и пропустить через уточный челнок. Пряжу отделяют, помещая ее на мотовило с четырьмя длинными наборами спиц, размещенными под перпендикулярными углами на центральной оси. Далее в земле закрепляют вертикально установленную бамбуковую палку. Другая бамбуковая ветвь прикрепляется к ней сверху, примерно в полуметре над землей. В верхней части вертикальной опоры есть 4 отверстия, в которые продеты 2 поперечных жерди, образуя таким образом 4 спицы, каждая длиной около метра. Конец спицы раздваивается в форме вилки, чтобы удерживать пряжу на концах. Прежде, чем пряжа будет помещена на спицы, она тщательно перебирается руками, чтобы отделить нити, которые могут быть склеены от крахмала (Rickert, Robert W. 2001: 85).

Каждая семья акха стремится к тому, чтобы навить весь объем пряжи в течение одного светового дня, поэтому в процесс навивки обычно вовлечены все члены семьи. Накрученные мотки помещаются в корзину и регулярно опрыскиваются водой и посыпаются пеплом. Вода при этом препятствует склеиванию из-за избытка крахмала, а пепел препятствует появлению гнили и запаха плесени (Rickert, Robert W. 2001: 89).

Протягивание через гребенки является очень важным этапом создания ткани и требует особой тщательности. Гребенка является по сути основной частью уникального ткацкого станка акха. Каждая гребенка сделана из не — больших деревянных частей (длиной примерно 6–7 см), используемых в качестве «зубов» («*уае*»). Они крепятся между двумя горизонтальными кусками круглой твердой древесины. Гребенка сохраняет нити равномерно отделенными, когда челнок проходит через них. Зубы гребенки обычно изготавливают из твердых пород дерева, устойчивых к нагрузкам. Создание ткацких гребенок — ответственное и трудное дело, которое обычно выполняется пожилыми людьми.

Верхние, нижние и поддерживающие основания конструкции называют «sae thang» и также изготавливают из твердых пород дерева. Два внутренних веревочных галева делаются обычно из сильно накрахмаленной липкой пряжи, собранной в массу и сильно натянутой между двумя бамбуковыми палочками размером с карандаш. Они обычно немного длиннее, чем гребенка. Галево также используется на станке для разделения нитей на равные секции так, чтобы челнок мог легко проходить между педалями ткацкого станка.

Женщины акха обычно натягивают галево попарно, сидя напротив друг друга и действуя как «подающая» и «принимающая» сторона. «Поддающая» разделяет галево на 2 части и передает нити «принимающей», которая чередует их и передает назад. Это повторяется, пока все галево не будет натянуто. Во время работы обе женщины используют ноги, чтобы создать напряжение, необходимое для свободного отделения нитей. По окончании работы концы нитей свободно связывают, чтобы препятствовать им разделиться прежде, чем их поместят в ткацкий станок.

По словам наших респондентов, сегодня в Таиланде крайне трудно найти специалистов, способных изготовить ткацкие гребенки и саму конструкцию станка. В приграничных деревнях существует даже практика покупки необходимых элементов ткацких станков у акха, проживающих в Бирме на территории штата Шан.

Сооружение ткацкого станка осуществляется совместными усилиями мужчин и женщин. Так, начало возведения конструкции традиционно считается мужской обязанностью, к которой женщины не допускаются. Мужчины заготавливают необходимые материалы, приносят их к месту строительства и роют отверстия для бамбуковых оснований. Закончить возведение самой конструкции женщины должны самостоятельно. В случае, если помощь мужчин все же необходима, старейшины организуют специальную церемонию, на которой духам предлагается запеченная курица и бутылка алкогольного напитка, с тем, чтобы те разрешили мужское вмешательство (Lewis, Paul 2004: 184).

Ткацкие станки как правило устанавливаются под крышами домов или по навесом возле деревьев. Обычно во время сезона обработки хлопка (февраль-май) ткацкие станки стоят перед каждым домом. По вечерам все инструменты собирают в корзину, с тем, чтобы продолжить работу на следующее утро.

Процесс работы на ткацком станке с ножным приводом внешне выглядит достаточно просто. Женщина акха поочередно ступает на каждую педаль, чтобы отделить волокна, пропуская их сквозь челнок (Приложение №2). Полученная и натянутая ткань оббивается палкой. Конструкция ткацкого станка акха оценивается горными народами, как более прогрессивная по отношению к ткацкому станку, у которого натяжение галева осуществляется за счет закрепленных на спине нитей. (Такой вид ткацкого станка распространен, например, в поселениях каренов).

Как и все наиболее значимые занятия акха, работа на ткацком станке является неотъемлемой частью религиозной традиции и сопряжена с целым рядом ритуальных запретов и условий.

Так, например, акха никогда не готовят и не прочесывают пряжу в один день. Согласно мифу акха, родители первых родившихся в их среде близнецов должны были очиститься от скверны, выбросив свою одежду в лесу и вернуться в деревню, закрывшись листьями папоротника. Женщина акха, стремясь, по возвращении, скорее одеть себя и мужа, изготовила и прочесала пряжу в один и тот же день. Акха верят, что подобная практика может навлечь на семью похожую судьбу (Lewis, Paul 2004: 187).

Также, если нить вытканной основы рвется из созданной ткани, никогда не изготавливают одежду для беременной женщины. Акха верят, что это может вызвать трудные роды. Чаще всего такой материал идет на изготовление одежды для детей, мужчин и пожилых людей.

Не используется в изготовлении одежды для беременных и тот материал, что был соткан в момент рождения близнецов. Вся созданная в деревне ткань также уходит на то, чтобы одевать всех членов семьи, кроме роженец.

Женщины акха также редко работают на станке в дни рождения своих мужей и сыновей. Принято считать, что такая работа может навредить мужчинам. Однако, если в семье много мужчин, родившихся в разные дни недели, такое ограничение снимается.

Завершающим этапом изготовления материи является окрашивание ткани (Sa pa pa-eu). Наиболее популярными цветами в традиционной одежде акха являются черный и индиго. В прошлом, как и другие горные народы, акха использовали только натуральные растительные красители, однако сегодня в большинстве деревень используют химические краски, купленные на рынках. Как и на других этапах традиционного способа изготовления ткани, в тонкости процедуры окрашивания посвящены сегодня лишь небольшое количество людей старшего поколения.

В процессе окрашивания ткани стебли растительного красителя собирают в широкое деревянное корыто, а затем помещают в глиняную флягу, накрытую сверху двумя палками, расположенными параллельно (Srisavasdi, Boon Chuey 2000: 57). Сверху обычно устанавливают меньшую по размерам флягу, дно которой заменяется на бамбуковое или деревянное сито. Листья растения красителя помещают в меньшую флягу, предварительно смешав их с пеплом. Далее вода, налитая в верхнюю флягу, стекает через листья и пепел в нижний сосуд, заполняя его. Акха добавляют в воду рисовой водки и оставляют бродить в течение трех суток. За это время вода становится цвета темного индиго и приобретает свойства красителя.

Из полученного раствора удаляют листья и стебли, примешивают известь и размешивают. Ткань помещают

в емкость с полученным красителем и оставляют пропитываться на ночь. Утром ее отжимают и чистят, удаляя остатки растения и пепел из емкости. Вся процедура может повторяться до 10 раз, пока ткань не окрасится в желаемый цвет.

Изготовленная традиционным способом хлопковая ткань среди акха северного Таиланда используется сегодня не только для создания повседневной и праздничной одежды, но и для продажи в деревни других горных народов (лаху, лису, мяо, каренов и т.д.), (Department of the Army, Ethnographic Study Series 1999: 48). Значительная часть хлопковой материи традиционно используется для производства этнических сувениров, имеющих стабильный туристический спрос, как в доступных для посещения деревнях акха, так и на рынках северных городов (Чианг Май, Чианг рай, Маэхонгсон и т.д.) (Suwuthiwong, Duangta 1999: 26).

Учитывая интенсивно протекающие в Таиланде процессы экономической модернизации, а также государ-

ственные программы интеграции горных этносов в систему рыночных отношений, сохранение и развитие традиционной культуры акха представляется нам вопросом сохранения национально-культурной идентичности этого народа. Мы надеемся, что вышеописанные технологии изготовления ткани, равно как и остальные аспекты материальной культуры акха сохранят свою значимость не только как элемент туристического рынка, но и как неотъемлемая часть традиционной культуры этого народа. Отметим, что модель сохранения и развития традиционной культуры горных народов северного Таиланда невозможна, на наш взгляд, без планомерных усилий тайского правительства, общественных организаций и национальных объединений самих акха. Только в процессе открытого диалога возможно создание такой парадигмы развития, при которой традиционные ценности и значимые элементы духовной и материальной культуры сохранят свою актуальность как для самих акха, так и для государства и гражданского общества Таиланда.

Литература:

1. Bernatzik, Hugo Adolf, Akha and Miao: Problems of Applied Ethnography in Father India, Innsbruck, 2012
2. Bragg, Katherine, «The Akha: Folk Botany and Forest Traditions,» in Northern Miscellany, Geoffrey Walton ed., Jareuk Publications, Chiang Mai, 2011
3. Department of the Army, Ethnographic Study Series: Minority Groups in Thailand, Washington, 1998 p. 46–59
4. Goodman, Jim. Meet the Akha/Jim Goodman // White Lotus, Bangkok, 1996.
5. Guseau, Leo Alting von, «Dialectics of Akhazang,» in McKinnon-Bruksasri, Highlanders of Thailand 2007 p. 38–47
6. IMPECT Inter-mountain People's Educational and Cultural Center in Thailand. Programs: South East Asian Mountain People Culture and Development: Research, Documentation, Information Programmes, Chiang Mai, Thailand 2011218p.
7. Lewis, Paul, Akha Village and Political Systems, University of Oregon, 2004
8. Rickert, Robert W., «Akha Village Structure,» in Tribal Research Centre, Tribesmen and Peasants in North Thailand, 2001
9. Srisavasdi, Boon Chuey, The Hill Tribes of Siam, Khun Aroon, Bangkok, 2000
10. Suwuthiwong, Duangta, «Weddings, Wealth, Pigs and Coca-Cola: farang Tourists in an Akha Village,» in McKinnon-Vienne, Hill Tribes Today 1999
11. Young, Oliver Gordon, The Hill Tribes of Northern Thailand, Bangkok, 2010

Из истории древнего орошения Таджикистана

Алимов Давлатали Халилович, кандидат исторических наук, старший преподаватель;
Джалилов Махмадулло Шамсуллоевич, аспирант;
Наботов Файзиддин Сайфиддинович, аспирант;
Раджабалиев Файзиддин Зиёвуддинович, аспирант
Курган-Тюбинский государственный университет имени Носира Хусрава (Республика Таджикистан)

В статье на основе архивных материалов раскрывается и обосновывается история древнего орошения Таджикистана как научная основа формирования и подъема уровня жизни. Для повышения эффективности исследуемого процесса предлагается глубокое изучение этого периода истории Таджикистана.

Ключевые слова: мелиорация, ирригация, магистральные каналы, искусство древнего орошения, река Окс.

From history of the ancient irrigation of Tajikistan

Alimov D. H., Dzhaliylov M. S., Nabotov F. S., Radzhabaliyev F. Z.,
Kurgan-Tyubinsky state university of a name Nosira Husrava (Republic of Tajikistan)

The history of an ancient irrigation of Tajikistan reveals and locates in article on the basis of archival materials as a scientific basis of formation and lifting of a standard of living. For increase of efficiency of studied process it is offered deep studying of this period of history of Tajikistan.

Keywords: melioration, irrigation, main channels, art of an ancient irrigation, Construction Department river.

Одной из величайших ценностей для человека во все времена была вода. В прошлые века ее называли кровью земли, матерью урожая. Древние пословицы гласят: «Идет вода — идет счастье», «Не спрашивай, сколько у меня богатства, а спрашивай, сколько у меня воды».

Возрастающий интерес к мелиорации вызван многосторонним использованием ее результатов. Орошаемые земли позволяют выращивать большие урожаи. Прозрачные водоемы служат для рыбозаводства, отдыха. Драгоценная влага преобразует унылые ландшафты. Удивительные плотины, мощные насосные станции, оригинальная техника, крупные каналы и трубопроводы вызывают чувство глубокого уважения к труду мелиораторов. [7]

Во все времена наряду с заботой о жилье и одежде первостепенной заботой человека оставалась добыча пищи. Основным средством производства продуктов питания всегда являлась земля. Однако на ней немного таких благодатных уголков, где природная среда по своим почвенным, климатическим и другим условиям благоприятствует получению высоких, стабильных урожаев. Улучшить эти условия, сделать их пригодными для земледелия способен лишь человек.

В древние времена за много тысяч лет до нашего летоисчисления, зародилась мелиорация (от лат. melioration — улучшение) — искусство улучшения и облагораживания земель. Мелиорация — это отрасль человеческой деятельности, направленная на коренное улучшение неблагоприятных природных условий земель, главным образом путем регулирования водного режима

и связанных с ним воздушного, питательного и теплового режимов. [7]

Первоначальные приемы мелиорации земель, находящихся в неблагоприятных засушливых условиях, человек постигал у самой природы. Прототипами искусственного орошения для наших далеких предков служили низменные прибрежные полосы земли, расположенные вдоль русел рек, а также места паводковых разливов рек и их притоков. Обильно обеспеченные влагой, такие земли буйно плодоносили, давая жизнь всевозможной растительности, среди которой встречались дикие виды хлебных злаков и другие полезные растения. В реках и водоемах водилась рыба, к ним приходили на водопой стада животных.

Естественные оазисы привлекали к себе и древнего человека, давали ему возможность добывать здесь разнообразную пищу. И если результаты охоты и рыболовства были непостоянными и зависели от многих случайностей, то продукты питания в виде различных растений и злаков оказывались более доступными.

Земледелие, основанное лишь на орошении отдельных участков водами разливающихся рек, было весьма рискованным, поскольку неуправляемые паводки часто приводили к катастрофическим наводнениям.

Из истории древнего Египта известно, что в паводковый период Нил разливался так широко, что казался «рекой без берегов». Во время разливов обширные площади земель оказывались под водой. После того как река входила в свои берега, почвы были не только увлажненными, но и удобренными речными илстыми отложениями. [7]

Геродот писал о земледельцах Мемфиса (древнеегипетский город, в 3-м тысячелетии до нашей эры был столицей Египта, в нем процветали ремесла, искусство, наука): «Они действительно собирают земные плоды с меньшим трудом, нежели прочие народы и остальные египтяне; они не трудятся над тем, чтобы провести борозды плугом, чтобы взрыхлить землю кирками или исполнить какую-нибудь другую работу над пахотным полем, обязательную для всякого другого народа. Сама собою река наводняет и орошает поля, а оросивши, вступает в свои берега, тогда каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю, затем он ждет жатвенной поры, вымолачивает зерна свиньями и получает, таким образом, хлеб». [7]

Многочисленные открытия археологов помогают восстановить историю древнего искусства орошения. В долинах рек Тигр и Евфрат имеются остатки двух крупнейших оросительных систем. Интересные ирригационные сооружения найдены на территориях Китая, Египта, Индии, Ирака, Италии, Мексики и республиках Центральной Азии.

На протяжении длительного периода, вплоть до начала XX века, прародиной орошаемого земледелия считался Египет. Но в результате археологических исследований, проведенных в Средней Азии, получен обширный и убедительный материал, который помог внести существенные коррективы в представления об историческом процессе развития орошения. Установлено, что на территории нынешней Туркмении и Таджикистана орошаемое земледелие существовало за 10 тыс. лет до нашей эры. [5]

Есть немало исторических свидетельств, что искусство мелиорации было знакомо и другим античным цивилизациям. Известный исследователь Н.Д. Гулати в 1957 году отмечает, что развитие орошения в Китае началось с освоения земель в дельте Желтой реки, обширные оросительные системы возводили в Китае за 300 лет до нашей эры. Императорский канал, строительство которого было завершено в 700 году н. э., до сих пор является грандиознейшим сооружением (его протяженность 1100 км), используемым как для орошений, так и для судоходства.

О древних ирригационных сооружениях в Индии упоминает Вишнуга Каутлай (300 лет до н. э.). Его сведения проливают свет на экономическое значение орошения в ту пору: «Обычно годовой бюджет состоит на одну треть из дохода, получаемого от использования воды из рек, озер и плотин». Мегаозенес, греческий посол при дворе Сандрокозоса (Чандра Гупта) писал об Индии (300 лет до н. э.): «Вся страна была орошена и процветала, потому что с помощью орошения выращивали две культуры в год». [4]

В Иране система водозаборных галерей для сбора воды с гор и орошения построенная 2500 лет назад, успешно работает и в наши дни. [3]

Крупным изобретением древних земледельцев стали магистральные каналы. С прокладки каналов на-

чалось активное влияние человека на окружающую его среду. С тех пор и по сей день текут по воле человека среди искусственных берегов рукотворные реки, оживляя некогда бесплодные уголки нашей земли.

Прототипом древних каналов служили естественные протоки рек. В процессе их эксплуатации человек заимствовал у природы способ переброски воды, явившийся, в свою очередь, предшественником самотечного орошения.

Первые каналы имели довольно широкие русла, но незначительную глубину. Те не менее создание их потребовало громадного, тяжелейшего труда множества людей, так как ирригационные сооружения строились с помощью примитивных землеройных орудий. Мотыги, деревянные лопаты и корзины для выноса грунта — вот, пожалуй, и весь «технический арсенал», которым располагали древние строители.

По мере совершенствования орудий труда каналы становились все более внушительными. Самый крупный древней канал — уже упоминавшийся Императорский. В древней Месопотамии был построен огромный канал Нахраван, который начинался у выхода реки Тигр в обширную долину и имел протяженность около 250 км. Глубина канала составляла более 10 м, ширина 130 м. Насколько можно судить, этот канал служил для отвода паводковых вод. [3]

Появление и широкое распространение в 3-м тысячелетии до н. э. металлических орудий труда позволило значительно улучшить оросительные системы. В Месопотамии, например, в этот период они уже включали в себя дамбы и плотины, магистральные и оросительные каналы, запруды и искусственные водоемы. Интересные сведения на этот счет доносить до нас клинописный «Календарь земледельца», который относится к началу 2-го тысячелетия до н. э.

Первые магистральные каналы имели небольшую глубину, и процессы заиливания в них происходили довольно быстро. Археологические раскопки показывают, что за один поливной период в каналах откладывались наносы толщиной до 1 м. На очистку каналов сгоняли десятки тысяч рабов. Первым картину разделения водных потоков средствами гидротехники изобразил Леонардо да Винчи. [6]

Многие исследователи древнего искусства орошения отмечали одну важную особенность гидротехники: ее развитие шло от приспособления к водным режимам рек до подчинения их воле человека. Свообразными вехами на этом историческом пути стало изобретение таких сложных гидротехнических сооружений, как плотины и первые водоподъемные механизмы. [2]

Первым типом плотины была так называемая шпора — искусственная насыпь, воздвигнутая непосредственно в русле реки, но не перегораживавшая ее. Шпора обеспечивала частичный подъем уровня воды в реке, когда в том возникала потребность. По сути дела это была водонапорная дамба.

На территории Ирана, например, обнаружены плотины и каналы, построенные в 1–2 м. тысячелетиях до н. э. С их помощью орошались обширные площади, на которых произрастали прекрасные сады. Считают, что именно эти сады, сады Эдема, описаны в библейской легенде о «земном рае». Примерно в тот же период были возведены дамбы и плотины на Ниле. [3]

Несомненный интерес представляют многочисленные древние гидротехнические сооружения, сохранившиеся в Средней Азии. Здесь строительство простейших плотин было начато еще до нашей эры. В середине XI в. стали появляться гидротехнические сооружения инженерного типа, для строительства которых применяли обожженные кирпичи, камни и специальный водостойкий скрепляющий раствор.

В те времена гидротехника основывалась уже не только на определенных навыках строителей, но и на достижениях математики и геометрии. Так, выдающийся математик и астроном средневековья Мухаммед ибн Муса Аль-Хорезми в «Книге восполнения и противопоставления» писал, что математика нужна при различных вычислениях, «...а также при измерении земель, проведении каналов ... и прочих разновидностях подобных дел». [1]

Внимание исследователей до сих пор привлекают остатки древнего водохранилища вблизи кишлака Джам Каттакурганского района Самаркандской области. Местные жители называют его Гиштбанд. Возведенная здесь плотина была построена из тесаного камня, скрепленного специальным раствором. Высота плотины достигает 9 м, длина кладки по верхнему горизонту — 25,5 м.

У Ирана значительные запасы подземной воды. Поэтому здесь широкое распространение получила система орошения, основанная на устройстве и эффективной эксплуатации кяризов. Некоторые из них достигают в длину до 20 км, и, по мнению местных жителей, их общая протяженность превышает окружность земного шара. На территории страны немало вододерживающих и водоподъемных плотин. В 1967 году общая площадь орошаемых земель в Иране превышала 3 млн. га. Но на обширных участках отмечается распространение засоления полевых земель. Для борьбы с этим явлением иранские мелиораторы используют в основном дренажированные солончаки.

Земля и воздух, огонь и вода — четыре главных слабых феномена природы и человека — составляли основу всего исторического прогресса от начальной стадии древнейших человеческих общин до нашей современной цивилизации XX — XXI веков. Этот главный феномен мироздания был уже понят и открыт как главный, наиболее важный ресурс всеобъемлюще формирующихся основ человеческого прогресса и цивилизации.

Эти четыре элемента мироздания были объявлены священными, не подлежащими осквернению и порче уже в одной из первых древнейших мировых религий — зороастризме и с тех пор идет всечеловеческая традиция поклонения им и их обожествления.

В Центральной Азии обожествлялись вода, водоемы, родники и целые реки. Например, археологами открыт при раскопках у реки Окса — Вахша на городище Тахти Сангин в Кубодиёвском районе целый храм священной реки Окса. При раскопках городища древнего Пенджикента — глиняные скульптурные рельефы водной стихии Зарафшана с фигурами разных мифологических водных существ. В родниках Чилучорчашма Бешкента и райского урочища Лангари Мохиён с. Чорку Исфаринской долины постоянно содержится тысячи тонн священных рыб, запрещенных народной молвой к пищевому употреблению. [8]

В великом своде канонов древнеиранских народов «Авесте» приведены ритуалы жертвоприношений и освящений главных рек Дайтии и Ранхи (т. е. Амударья и Сырдарья) и моря Ворукаша (Каспий и Арал). [5]

Археологами в XX веке открыты около 100 ранних городских поселений и раннеземледельческих оазисов с огромным количеством остатков жилых, общественных и хозяйственных построек и вещественных артефактов, оставленных нам многими десятками развитых, высококультурных древнейших и древних человеческих общин с уже сложившимися жизненными комплексами материальных и духовных ценностей истории и культуры Центральной Азии. [8]

Все эти открытия — в значительной степени, научно исследованные памятники оседлой земледельческой жизни на базе полного комплекса и разнообразия ирригационных сооружений земледельческого раннегородского водоснабжения практически всех последних 7–8 тыс. лет нашей истории, археологических периодов неолита, энеолита, бронзы и железа, т. е. первых и последующих цивилизационных общин нашего региона. [8]

История развития орошения позволяет увидеть его роль как мощного фактора интенсификации сельскохозяйственного производства, а также раскрыть причины случаев негативных последствий орошения, которые имеют место и волнуют широкую общественность.

История ирригации включает многочисленные изобретения, которые в течение тысячелетий обеспечивали поступательное ее развитие от примитивных навыков орошения до современных мелиоративных систем. Авторами первых изобретений были народные ирригаторы, последних — современные специалисты. Но и те, и другие преследовали одну цель — повышение эффективности орошаемого земледелия и предотвращение негативных последствий применения орошения. В древности орошение способствовало развитию земледелия, процветанию цивилизаций, появлению наук и первых государств, а на современном этапе — это важнейшее условие стабильности высокопродуктивного сельскохозяйственного производства.

Таким образом, исторически первыми аборигенами — освоителями земельно — водных ресурсов и создателями первых и нескольких последующих этапов городских и земледельческо-иригационных микро и макро цивили-

заций, названных водных бассейнов Центральной Азии, были арийские общины, племена и народы, давшие жизнь и общественное бытие последующим индоариям, индо-

иранцам и всему современному индоевропейскому сообществу народов, языков и стран Евразии, мигрировавших ныне по всем пяти континентам современного мира.

Литература:

1. Андрианов, Б. В. Земледелие наших предков. — М., 1978.
2. Букинич, Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства // Хлопковое дело, 1924. — № 3.
3. Гулати, Н. Д. Орошение в разных странах мира. — М., 1957.
4. Гулямов, Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, 1957. — 314 С.
5. Мухаммеджанов, А. Р. История орошения Бухарского оазиса. — Ташкент, 1978.
6. Пермяков, Н. А. Водно — земельные мелиорации. — М.; Л., 1932.
7. Снеговой, В. С., Гаврилица А. О. Орошение от древнего искусства до современной науки. — Кишинев, 1989. — 135 С.
8. Холджураев, Х. Ирригационная цивилизация Таджикистана XX века. — Худжанд: ООО «Умед», 2003. — 514 С.

Risala as a collection of statutes and rules concerning handicraft

Давлатова Саодат Тиловбердиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент)

PhD S. T. Davlatova

Senior researcher of the Institute of History of Uzbekistan Academy of Sciences

About Risala

One of the peculiar features of the traditional craft of Central Asian peoples is an existence of social associations of craftsmen. These organizations have specific natures of unions, based on traditions of local communities of the region. These craft associations emerged with the advent of technology of craft production, and also with the necessity to protect interests of producers of certain type of the craft. These guilds — craft shops had their leaders — aksakals (elders) and their activities were carried out according to special document — *risala*. Ethical, legal and social norms about certain kind of crafts set out in *risala* based on Islamic (Shariat) law. In particular, in *risala*, in detail described technical processes, types and qualities of goods, tools, as well as customs and rituals of certain kind of the craft.

Risala is an Arabic word, means the meaning «letter», «message», «agitation», «an essay devoted to the craft» [1, c. 9]. *Risala*, speaking in the language of craftsmen is a book of the craft and the propaganda of several crafts, a craftsman in the literal sense means also to become an artist. Researchers such as N. O. Petrovski and V. M. Nalivkin considered *risala* as a writing sermons; and P. A. Komarov wrote that *risala* is — a «moral, good advice», «message or letter of one of the twelve legendary mentors of Jesus» [2, c. 2]. According to P. A. Middendorf, «*risala* is a collection of obedience and worship for the God, and something between them and ethical norms of certain kind of the craft, and it's cat-

echism, composed in the 16th century». Also, N. N. Lykoshin maintained that — «*risala* is historical sketch of every known local craftsman, and in them detailed questions, including from the agriculture till the fortune-telling using ship wools, also a petition of favors from Allah by craftsman for himself and his craft. We can say based on Arabic values of *risala* — that this type of composition has such meanings as a «letter», «message», «treatise» (scientific work devoted to some problem), «brochure», «work», «opinion», «job» and etc. The researcher D. Atadjanova indicated in her works that *risala* is a treatise on the various branches of handicraft, and it along with the instructions of craftsmen also covered certain types of craft and their positions in cities. She described in details types of *risala* as a «*risala* about chaikhana keeper», «*risala* about military people», «*risala* about caring for animals» and etc [3, c. 80].

Also, in our opinion, *risala* according to its content and meaning is regulation, a set of rules of certain kind of craft and it's main treatise. Also *risala* contains information about the history of every kind of craft, including the requirements from apprentice who wants to acquire a certain kind of craft, and about the relationship between master-usta and apprentice-shogird. Furthermore, *risala* occupies an important place in the formation of professional ethics, the relationship between master-usta and apprentice-shogird, and such positive qualities in pupils as a respect for elders and the master, also as devotion to the profession, honesty and loyalty.

Types of Risala

Each type of craft had its rulebook — risala, and through them you can get information about the history, spiritual mentors (Murshid piri), famous masters of certain kind of craft. According to the rules of risala each master was responsible for the education and ethics of his apprentice; he might bring up several years and teach secrets of the profession to apprentice. The master demanded from his apprentice to comply with orders of risala, to be far from prohibited things in risala, also to be polite with customers, and to carry out each job honestly. Even risala contains information about that the non-compliance with rules of risala, and ignoring risala by apprentices or masters lead to the fact that the day of judgment the one who broke the rules and did not observe them will answer, Allah will punish him, his wife should leave him and he should be punished by eight strokes of lash. This every master had his own business on the base of instructions of risala. It was argued that the craftsmen, who do not have risala be damned by spiritual mentors, prophets and angels. According to the risala the spiritual mentor of weavers was Eve and of blacksmiths was the Prophet David, the masters of boats was the Prophet Noah (Nuh), the builders was the Prophet Muhammad, the sewers was the Prophet Idris, shepherds of bovine and horned cattle are Zangi-Ata and Chupon-Ata [4, c. 2]. Jewelers also had their risala. Risala had value not only in terms of fundamentals crafts, it was also a source of knowledge for the development of handicraft workshops, tools and technologies [3, c. 22].

In addition to abovementioned things legends and commitments in risala used for the upbringing of apprentices and the regulation of relationship between craftsmen, and the traditions of relationships between masters and apprentices.

Russian orientalist V.R. Rohsen once set himself the task of finding manuscripts devoted to the craft unions and argued that they have an interesting scientific and practical importance [5, c. 326]. He knew that the desire for enrichment contributed for creation of craft unions. So from this we see that in the East since earliest times there were craft unions and associations which had own written statutes reflected religious, economic and legal norms with different regional peculiarities. These ruling affairs on the one hand show that the extant risalas are written monuments contain important information about the primary craft shops, and on the other hand they are associations of craft shops in a corporate system.

In general, we can conclude that handicraft production in the region unionized the most of local craftsmen and artisans. According to written rules of risalas the extant category of handicraft production were divided into the following 32 kinds: 1) weavers, 2) smiths 3) plasterers 4) soap-makers and candle-makers 5) halva-makers 6) shoemakers, 7) butchers, 8) potters, 9) silkworm breeders and silk weavers 10) velvet weavers 11) hairdressers, 12) grocers 13) bullock cart masters, 14) electricians 15) saddlers 16) felt mat and felt masters 17) coppersmiths 18) mill masters 19) silk

dyers 20) tanners, 21) peasants 22) candy-makers, confectioners 23) millers 24) masters of copper vessels 25) makers of paints and glues, 26) cooks 27) oil millers 28) masters of silver 29) chaikhana keepers 30) bakers 31) brick pavers 32) mullahs 33) doctors 34) shepherds 35) merchants 36) saddle masters 37) breeders 38) arrow makers 39) painters 40) musicians and other art professions 41) cast iron masters. In addition, the written sources also contain information on associations, which had not own production [6, c. 512].

The above mentioned categories are the 32 types of the craft peculiar to Asia and Europe, and their descriptions are also details of the legendary character. In part N. Lykoshin wrote in the preface of his article «Risala about arrow», that there were 32 kinds of the craft in Turkestan according to the risala. As stated in the article of N.F. Petrovsky «silk-worm breeding and silk weaving in Central Asia» (pp. 140–160) that in villages of urban type recorded 32 kinds of the craft, and while this number reflects not craft activities only the people, as well as 32 human body parts. This legendary number 32 is also fixed in Mongolian parables [7, c. 113]. Also, the figure 32 is reflected in the list of workshops and craft associations in London in the 14th century. The researcher Gavrilo wrote that many Eastern scripts have 32 letters and Turkic poets wrote poems to 32 lines. In addition to abovementioned associations grocers, merchants, arrow masters, shepherds, healers, mullahs, chaikhana keepers and dyers were carriers of independent professions. The significance of Risala consists in the fact that it was the path of Allah, and the craftsman followed the rules of risala as «a God-fearing person» in the organization and management of affairs which lost its relevance today.

M. Gavrilo argues that the most of risala of artisans was translated from Persian [8, c. 110]. The risala of weavers, translated by him is transferable option of rules (charters) of workshops, and was included in the «Collection of risala's», published by G.H. Arijjanova in Tashkent in 1915. The reason of the translation of this risala was that firstly risala never been translated into Russian before, and secondly as stated in the European literature about the shops «Adam» interpreted as a patron and spiritual mentor of weavers. Nalivkin wrote that in 1886 risala could be found in all craftsmen. But while at that time there were no separate risala devoted special guild associations, and a small amount of the found types was not fit for the use. For example, risala about the activities of artists found by P.A. Komarev kept in St. Petersburg in unfit condition for use. In part Mahmudkhodja Bekhbudi (in 1903) in his speech to Muslims also highlighted the importance of the collection and restoration of craft charters — risalas and correction of their content [9, c. 2]. In this speech M. Bekhbudi criticized the fraud of mullahs and is-hans (religious leaders) and the rudeness of Sharia fundamentalists who interpreted statutes of risala with incorrectness. Especially angered Bekhbudi such mentions in risala that a person who reads «Takbir» (glorification of Allah) takes the ranks of rulers and saints (like Adam, Noah, Abraham and Muhammad). Bekhbudi invited all craftsmen to show

their own risalas for amendments to such educated individuals like muftis and mudarris [10, c. 627]. Since such distorted spaces in risalas can create difficulties for themselves of artisans, this is necessary to put an end on it. Also, he emphasized that the immediately should be developed measures to ensure not spread of such kinds of risala and spiritual mentors as ishans, craftsmen and others do not claim to prophecy. These distortions are forced illiterate artisans through using a scare tactic by means of various religious motives to do what is written in them. According to them if some artisan or craftsman will not follow the rules which are written in Risala, the spiritual mentors resurrected and forced to eat pork those who broke the rules and renounce them. In particular, according to the statutes of butchers if they do not follow the rules: the violator will be cursed and disgraced in the day of judgment; and blacksmiths will be punished much harsher they are left without food and water, they will lose their master status and become sinners, and beat them in 40 slash, spiritual leaders renounce these masters and they will curse them». It is known these norms as «creations of God» showed their remoteness from real life today.

S. E. Malov in his work (he studied a shamanism among the Turkies of Eastern Turkestan) also mentioned risala about shamans. Describing the unique charters of shamans (risala) in particular he stressed that «every Shaman-man and Shaman-woman should have own handwritten charter, i. e. catechism of shamanism». According to his opinion «In Eastern Turkestan shamanism exists to nowadays, according to the statute, each shamanic belief and summery creativity conducted by these rules». But it should be carefully examined the attempts to legitimize shamanism in Islam and it's surviving long period in Eastern Turkestan [11, c. 5–16].

Shamanic statutes (risala) in its content almost looked like a simple craft statutes (risala) of weavers, gold embroiderers, shoemakers, blacksmiths, butchers and others. The above data confirm the preservation of shamanic believes in Turkestan under the rules of «folk («public») Islam». But not found information that shamanism should their own charters. Since Eastern Turkistan people are more followers of Islam.

Furthermore, also the people who were engaged in washing the dead (murdashuy, yuvguchi) had own statutes, similar to risalas of artisans. They have been described in detail the rules of cleansing the dead, praying with cleansing, also used vessels and other details of the process [12, c. 14–15]. The above information suggests that every profession had its risala and this charter was a document which confirmed a presence of certain kind of the craft. According to the craftsmen, the presence and persistence of risala ensure the legality of the profession and led artisans to abundance [3, c. 109].

Masters and apprentices are the principal figures in the shops and guilds. In risalas mainly provided information about them and ordering rules of relations between them. In particular, the risala of weavers states that the master can take apprentices from 7 to 12 age, and in the beginning they are taught religious knowledge and traditions, and then they

learn the craft. Also, according to risala the main ritual in the craft process is considered the acceptance of apprentices in the ranks of the masters [13, p. 145].

If the master does not follow the statutes of risala it is prohibited him to lead over the apprentices, it will not develop his craft and soul of ancestors will curse him.

Risala was a regular book of artisans, and the size of one sheet was 1/16 or 1/8 part [1, c. 1]. In 1885 was published in Tashkent «risala (charter) of peasants» in 50 copies [14, 6. 86]. In addition there were published several risalas about saddlers, blacksmiths, tea sellers, tinkers, shoemakers, grocers, bakers, sewers, butter-makers and other crafts

Risala of artisans in Central Asia, in most cases had similarities, and passed from generation to generation in handwritten form. To date, most of the collections of some risalas stored in the libraries of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies after name of Abu Rayhan Biruni of Uzbek Academy of Sciences, fund-museums of the National University of Uzbekistan. Some texts of Risalas were published in the pages of «Туркестанская туземная газета» («Turkestan native newspapers»).

Regional differences of Risala in Central Asia

In particular, the written sources which were charters of artisans of Bukhara Khanate called «risolai bofondagon» — charters of weavers, «Risalai baqqali» — charter of grocers, «Risola-i-Dehkon» — charter of peasants», and «Risolai miltik andozi» — charter of gunsmiths, «Risola-i chitgari» — charter printers, «Risola and ohangari» — charter of blacksmiths, «Risala-i zhomashuyi» — of charter laundry washers, «Risola-i misgari» — charter of coppersmiths and etc [3, c. 16].

Unlike Bukhara statutes risalas of Khiva in most cases called by the Turkic words and the word «Risals» was replaced with options «Rasmi» and «Dastur» [15, c. 129]. If some risalas started with the term «tarikai» which meant the meanings of the method, a form of movement, Sufi path, while others began with terms «Rasmi — Rusumi», «Dasturi» or «Bismillahir — Rakhmanir rakhiym» and then came the name of a certain type of the craft. It can be emphasized that «Tarikai Rasmi misgari» — was the charter of coppersmiths, «Temirchilarning Dastur» — charter of smiths «Kabudgar (buekchilar) larning Dasturi» — charter of dyers, «kassoblarning Rasmi — Dastur» — charter of butchers), «Telfakduzlarning Rasmi — Rusumi» — charter of hatters, «Tarozidorlarning Rasmi koidasi» — charter of weighers, «tarikai Rasmi — Rusumi muzaduz» — charter of shoemakers, «Bakkollarning Rasmi» — charter of grocers, and they all started with ethnic names and further expounded the text of the statute artisans [16, c. 65]. Also from risala, aimed at streamlining movements from different classes of the population it can be emphasized risalas «devanachilik» — vagrancy statutes, and «Risolai quzzot» — charter that specifies the responsibilities and debts of kadis (people's courts) [17, c. 2].

Some kinds of crafts and occupations also had their own risalas. One of them is «Risala and miltikandoz» [18, с. 3], which was charter of gunsmiths as a small book, rewritten in ink nastalik writing style in Russian paper in the first half of the 19th century [15, б. 133]. In early risalas kept in military form and its small volume was convenient to keep it in pocket. Also, a big handwriting and composure in the intertwining also indicate military value of the risala. Like all other statutes risala of gunsmiths begins with praise to the name of God and the legend of Imam Jafar Siddiq.

Risala of butchers contained the 12 ethic norms, and the seventh of them read about keeping the friendship between the people of the world, and the eighth paragraph was devoted to such human virtues as honesty [8, с. 29]. From this it is evident that each risala somehow repeated and supplemented the other.

Like other regions of Central Asia in the oases of southern Uzbekistan after names of people who were engaged in trade of some things added the word. «... furush» after the name of the selling thing like chayfurush (tea vendors) kigizfurush (felt sellers) kandalatfurush (pastry traders) supurgifurush (traders of broom) ruyanfurushi (dye traders) yogochfurush (tree sellers) choponfurush (robe sellers) tandirfurush (the sellers of national furnaces — tandoor) sovunfurush (soap sellers) mahsifurush (sellers of national boots — makhsi) etikfurushi (boot sellers) and others who had risalas of their professions.

In Bukhara khanate risala devoted to peasants said that from the time of Adam to the period of Prophet Muhammad lived 7777 peasants [19, б. 7], another risala contains information about that the number of great peasants is seven-hundred [20, б. 4]. In risala is composed written prayers, reading by peasants in harness of oxen, plowing the land, at sowing wheat, barley, flax, rice, sesame, millet, mung bean, beans, melon, watermelon, pumpkin, carrots, radishes, onions, etc., as well as when watering the land, during harvest, threshing, winnowing, packing and keeping of the grain at. At the end of risalas is written violators did not follow these guidelines will be poor, their profession does not give them the benefit, and if on the contrary if they fulfill all the requirements assigned to risala, the holder of the profession will be blessed by Allah, and will have the benefit of the profession, as well as after death go to heaven.

If risalas of local artisans in Central Asia are corresponded to religious norms based on Sharia law, and in Western Europe, such documents were developed handicraft masters and were confirmed in general meetings.

In general, still poorly researched problem of the origin of craft unions in the Muslim East, particularly in Central

Asia. But it is known that the processes of the organization of craft, even the relationship between master and apprentice evolved since the days of Ancient Babylon, first such information found in legislations of Hammurabi in 1789–1787, during the ruling period of Cyrus, Cambyses and others in the VI–V centuries BC in Ancient Iran. Furthermore, Antic craft associations were well known in Ancient Greece, Rome and other countries [21, с. 79–80].

If we consider the craft of weaving statutes on the production technology of matter, finishing patterns of matter, methods of production are written in risala of shops (Dukan risala). In part, little known risala of printers (Risolai chitgaron), which is written in Persian-Tajik language also provides information mainly about technologies of patterns on the matter, the names of dyers, about simple machines of workshops as well as other tools of printers [22, с. 101].

In particular, at the same time reverence the spirits of ancestors and spiritual mentor of the craft is reflected also in Risala. In risala of blacksmiths, written in 1897 is written about holding of workshop. All craftsmen believed that the soul of the mentor will always be in master's shop. By this, they paid special attention to the order of things, not to use bad words about them, do not go into the master's shop without ablutions, avoid using bad words and show bad mood to each other in workshops, do not use dirty water in cleaning of tools, do not through remains of raw materials in wrong places, and also it was forbidden to sell goods without treatment and others [1, с. 45]. In this charter, we can observe not only the respect for a spiritual mentor, also attempts to attract more clients to their shops.

Conclusion

Till nowadays there are different opinions about the origins of risala. Some researchers attribute an appearance of ancient risala with the territory of Iran, and others believe that this process was linked with the advent of Islam in the region. According to Middendorf risala — as a manuscript source is always interesting from historical and cultural aspects. Moreover our study is not focusing a question of the date of occurrence of risala. It is important to know how to keep it's statutes in handicraft processes played an important role in developing the kinds of the craft. Risala, which performs the role of statutes and rules in the preparation and organization of crafts takes an important place in the study of the history of craft. In conclusion we can say that risalas formed and developed in the territory of Central Asia and played a positive role in the evolution of handicrafts.

References:

1. Гаврилов М. Самарканд и Ташкент. М. изд. «Рисоля». 1922.
2. Лыкошин Н. С. Оригинальное наставление к стрельбе // Туркестанские ведомости. — Ташкент, 1901. №38.
3. Атаджанова Д. Ш. Историграфия ремесленного производства Бухарского ханства XIX в. (на основе изучения литературы и ремесленных уставов «рисола»): Дисс... канд. ист. наук. — Ташкент, 2008.
4. Рисоля о стрельбе // Туркестанские ведомости. 1901. №38.

5. Look at: «Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического общества». Т. 1., с. 326. review of V. R. Rosen.
6. Till today is found near 40 manuscript works in style of risala of Central Asian craft associations. Evliya Celebi. Seyahat-name. — Constantinople, the 1st ed.
7. Schuyler»а «Turkestan»...р. 191. Огородников. Страна солнца.
8. Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. — Ташкент, 1912.
9. Look at the letter written by Makhmudkhodja Behbudi to the newspaper of «Туркистан тузем» in Saamarkand №27, 1903. In addition, in №28 he wrote about the risala on carpentry.
10. Also according to Gavrilov in 1734–1737 in Germany were changed statues of Prussian guild associations. Look at: Э. Зеворт. «Истор. Нов времени». Т. 1.
11. Малов С. Е.. Шаманства у сартов Восточного Туркестана. // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при РАН ко дню 80-летию академика В. В. Радлова (1837–1917). Т. У 1918.
12. Морель М. Мурдашуи // Семь дней. 1928, №28.
13. In the work «Городские цехи» («City guilds») of Egizarov (- 145 p.) the ritual of acceptance for foremen compared with similar procedures in guilds of Caucasian region.
14. Исмоилова Ж. Х. Тошкентда хунармандчиликнинг ривожланиши ва унга ислом маданиятининг таъсири// Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. 2007. №4.
15. Тураева С. Р. ХУ111 асрнинг иккинчи ярми — XIX асрнинг 70-йилларида Хива хонлиги хунармандчилиги тарихи. Тарих фанлари ном. дараж. олиш учун ёзилаган дисс. — Тошкент, 2010.
16. Шомансурова А. Интересные материалы о ремесленных организациях в Хиве XIX века // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент, 1965. №10.
17. Museum foundation of the National University of Republic of Uzbekistan. Inv. №210174.
18. Museum foundation of the National University of Republic of Uzbekistan. Inv. №159486.
19. Хунармандлар рисоласи/Нашрга тайёрловчи, сўз боши ва изоҳлар муаллифи Р. Қиличев — Бухоро, 2007.
20. Деҳқончилик рисоласи // Туркестанская туземная газета. 1902, №22.
21. Look at guild statues of foremen of Egypt: Б. А. Тураев. История древнего Востока. — Спб. 1913.
22. Мукминова Р. Г. Қ характеристики Самаркандских тканей конца XV — XVI века.// Общественные науки в Узбекистане. 1970, №9.

История возникновения и деятельности акционерных обществ в России

Дрыгина Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет

В настоящее время в Российской Федерации акционерные общества — одна из наиболее распространенных форм ведения предпринимательской деятельности.

Эта форма деятельности имеет многовековую историю. Одним из первых акционерных обществ стала созданная лондонскими купцами в 1555 г. «Московская компания торговых предпринимателей». Компания должна была не только заключать выгодные торговые сделки, но и устанавливать дипломатические отношения между Англией и Россией. [1]

Следует отметить, что первые шаги к созданию акционерных обществ в Российской империи были сделаны Петром 1, что было закреплено в Указах от 27 октября 1699 года, 27 октября 1706 года, 2 марта 1711 года, 8 ноября 1723 года. [2]

Первой акционерной компанией можно считать учрежденную 24 февраля 1757 г. «Российскую в Константинополе торгующую компанию» [3] капитал которой состоял из долей, именуемых акциями. Право акционеров

удостоверялись билетом и могли быть свободно отчуждены (при этом на покупателя переходили не только права, но и обязанности по внесению дополнительных взносов для развития предприятия). В 1762 г. был создан Акционерный эмиссионный банк.

Деятельность акционерных обществ нуждалась в создании соответствующих законодательных актов. В действовавших в то время нормативных актах многие вопросы деятельности акционерных обществ не получили своего закрепления. До 1807 года уставы акционерных обществ утверждались царскими указами. Указ императрицы Екатерины II 1782 г. закрепил учреждение акционерных обществ, регулируемых манифестом «О даровании купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». [4] Были узаконены три формы обществ: полное товарищество, товарищество на вере и товарищество по участкам (акционерное общество). Этот манифест впоследствии вошел в Свод законов Российской

ской империи и выделился в Торговом уставе в отдельную главу «О торговом товариществе». [5] В 1798 г. была образована новая акционерная компания «Российско-Американская компания».

Порядок учреждения акционерных обществ в XIX в. в России регулировался Положением о компании на акциях, который был утвержден законом от 06.12.1836 г. Он был одинаковым как для русских, так и для иностранных подданных.

6 декабря 1836 года законом было утверждено «Положение о компаниях на акциях» [6], которое было одинаковым и для русских, и для иностранцев. Общества действовали на основе уставов.

Устав был одним из наиболее существенных разновидностей законодательных актов. Уставы регламентировали деятельность различных ведомств, однако петровские уставы издавались большей частью для вооруженных сил, охватывали организацию и деятельность вооруженных сил. В уставе детально расписывали обязанности, ответственность и права работников, чем они похожи на современные должностные инструкции. Устав делился на книги, части, главы, параграфы и пункты, каждая глава имела свое название. В уставе оговаривался размер уставного капитала, порядок распределения акций, права и обязанности акционеров, отчетность, распределение дивидендов, порядок закрытия и ликвидации. Законодательно закреплялся и состав документов акционерного общества. Уставы утверждались соответствующими министерствами, а также публиковались в «Полном собрании законов Российской империи», в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях».

Отношения общества и работников регулировались договором найма в письменной форме. В договоре оговаривался срок найма и вознаграждение за труд, должны были вестись личные счета и расчетные книги их участников.

Установлен был порядок документирования деятельности органов управления акционерным обществом. Проведение общего собрания регулировалось соответствующей инструкцией. Общее собрание акционеров один раз в год принимало постановление, которое удостоверялось протоколами.

Деятельность правления регламентировалась уставом. За операционный период правление готовило отчет с приложением баланса оборотов, который утверждался общим собранием, публиковался и представлялся в Министерство финансов. [7, с. 8.] А в период с 1858 по 1897 годы было разработано несколько проектов типовых положений об акционерных обществах. [8, с. 13.]

В период с 1893 по 1904 г. Россия подписала ряд конвенций и соглашений о взаимном признании и ограждении прав акционерных обществ с десятью странами мира. Однако, эти соглашения не давали права заниматься предпринимательской деятельностью на территории России без особого разрешения русского правительства.

Дореволюционное российское законодательство довольно детально регулировало и документирование дея-

тельности акционерных обществ. Так, для всей торговли были обязательны три книги:

- товарная — запись купленных и проданных товаров с ценой;
- кассовая — статьи прихода и расхода;
- расчетная — открытие специальных счетов отдельным лицам.

Если велась оптовая торговля, то в акционерных обществах должны были вестись:

- мемориал — ежедневный журнал для записи всех дел;
- книга копий всех исходящих писем;
- фактурная книга — запись фактур на отправляемые товары;
- главная книга (гроссбух) — отдельные счета по всем оборотам торговли. Она служила для составления баланса.

Были установлены правила ведения книг: нумерация страниц, запрещение делать поправки и подчистки и т.д. Купеческие книги составляли коммерческую тайну и имели срок хранения 10 лет.

До 1917 года акционерное законодательство так и не было сформировано, однако это не сказалось дальнейшем развитии акционерных обществ России:

- в 1861 г. действовало 120 акционерных обществ с капиталом в 100 млн. руб.;
- в 1881 г. — 635 акционерных обществ с капиталом в 840 млн. руб.;
- в 1914 г. — 2235 акционерных обществ с капиталом в 4,7 млрд. руб. [9]

После октября 1917 года ВЦИК внес на рассмотрение Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) документ, предусматривающий национализацию всех акционерных предприятий России. ВСНХ откликнулся проектом декрета, который не был принят, но предусмотренные шаги постепенно реализовывались в др. нормативных актах. Произошла национализация акционерных предприятий, акции которых все-таки не аннулировались, собственники акций могли ими распоряжаться с разрешения местных Советов. Передача акций, в том числе и по наследству, сопровождалась регистрацией в тех же советах. Размер дивиденда по акциям ограничивался ставкой по вкладам в Гострудеберкассах и составлял 4%.

В годы НЭПа постановлением ВЦИК от 22 мая 1922 года «Об основных частных имущественных паях» было разрешено создание акционерных обществ всем правоспособным гражданам. Принятый в 1922 году Гражданский кодекс РСФСР содержал 45 статей, посвященных акционерным обществам. В дополнение к Гражданскому кодексу был издан целый ряд подзаконных актов.

17 августа 1927 года было издано «Положение об акционерных обществах», в котором в частности указывалось, что «важнейшей задачей государственных акционерных обществ является хозяйственная деятельность, а не приумножение капитала учредителей». Это обозна-

чало, что идея создания акционерных обществ как механизма для увеличения капитала посредством успешной хозяйственной деятельности утратила свою актуальность.

Государственный капитал все глубже проникает в акционерные предприятия, прибыли обществ распределяются соответствующими ведомствами. К началу 1930-х гг. практически все акционерные компании преобразуются в государственные предприятия, после чего наступает пауза, длившаяся многие десятилетия. [10, с. 13–14.]

Социально-экономические и политические изменения конца 80-х годов в бывшем СССР привели к появлению частного сектора, в том числе и акционерных обществ. Был использован практический опыт, накопленный за период существования акционерных обществ, однако пришлось столкнуться с полным отсутствием нормативных документов, регулирующих вопросы создания и деятельности акционерных обществ.

Постановление Совета Министров СССР от 19.06.1990 г. «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» предусматривало возможность создания акционерных обществ и выпуска ими акций, которые могут распространяться как среди юридических, так и физических лиц. Данное постановление создало предпосылки для развития акционерных обществ и до 1995 г. стало основополагающим нормативным документом, регламентирующим деятельность акционерных обществ в России.

В 1995 году был принят Федеральный закон «Об акционерных обществах» [11] который регламентировал порядок создания и правовое положение акционерных обществ. Глава 2 содержала вопросы создания, реорганизации и ликвидации акционерных обществ. Значительное внимание уделяется и вопросам работы с документами.

Статья 11 определяла обязательные сведения и положения для включения в Устав акционерного общества.

Ряд других статей определял формы работы общего собрания акционеров, совета директоров, исполнительных органов, обязательные требования к составу документов, их оформлению и удостоверению. Статья 89 определяла обязанность акционерных обществ по хранению документов, их состав.

В соответствии с ФЗ «Об акционерных обществах» от 1995 года акционерным обществом является коммерческая организация, уставной капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу.

Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 7 августа 2001 г. №120-ФЗ внес изменения в компетенцию органов управления акционерного общества по вопросу принятия внутренних документов. В прежней редакции Закона об АО утверждение внутренних документов относилось к компетенции совета директоров общества и предмет правового регулирования этими внутренними документами был четко оговорен — порядок деятельности органов управления общества.

Действующий с 1 января 2002 г. Закон «Об акционерных обществах» четко разграничил полномочия органов управления общества по вопросу принятия внутренних документов. В соответствии с законом, к компетенции общего собрания относится утверждение внутренних документов, регулирующих деятельность органов управления и контроля общества (п/п 19 п. 1 ст. 48, п. 2 ст. 85 Закона об АО), к компетенции совета директоров — утверждение внутренних документов общества, за исключением внутренних документов, утверждение которых отнесено Законом об АО к компетенции общего собрания акционеров, а также иных внутренних документов общества, утверждение которых отнесено уставом общества к компетенции исполнительных органов (п/п 13 п. 1 ст. 65 Закона об АО).

Литература:

1. Ануфриева, Ю., Глушецкий А., и др. Федеральный закон «Об акционерных обществах». Практический комментарий к применению // Практикум акционирования. Бюллетень «Правовые нормы о предпринимательстве». М., 1995.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. №1706; Т. 7. №4348.
3. Полное собрание законов Российской империи. 1839. Т. 14. №10694.
4. Свод законов Российской империи. 1857. Т. 11. Ч. 2. Ст. 55–78.
5. Свод законов Российской империи. 1857. Т. 11. Ч. 2. Ст. 55–78.
6. Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. №9763.
7. Быкова, Т.А., Санкина Л.В. Документационное обеспечение управления негосударственных организаций: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2010. — с. 8.
8. Ионцев, М.Г. Акционерные общества: Правовые основы. Имущественные отношения. Управление и контроль. Защита прав акционеров. 2-е изд., перераб. и доп.-М.: «Ось-89», 2003. — с. 13.
9. Большая советская энциклопедия. М., 1970.
10. Ионцев, М.Г. Акционерные общества: Правовые основы. Имущественные отношения. Управление и контроль. Защита прав акционеров. 2-е изд. переработанное и доп. М.: «Ось-89», 2003. — с. 13–14.
11. Федеральный закон «Об акционерных обществах» принят 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ./СЗ РФ. — 1995. — №8. — Ст. 609.

Некоторые рассуждения об этнической истории арабов Узбекистана и связанных с ними этнопонимах

Искандаров Шерзод Абдуганиевич, докторант

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами (Узбекистан)

Одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед этнологической и исторической науками на современном этапе, является изучение этногенеза и этнической истории, материальной и духовной культуры каждого народа. Одной из именно таких задач считается проблема комплексного изучения названий местностей, то есть этнопонимов, связанных с этими народами.

Источники и литература, посвящённые этнопонимам, свидетельствуют о том, что в них отчётливо сохраняются отзвуки исторического прошлого народов, которые вели оседлый или кочевой образ жизни. Именно в этом смысле можно сказать, что этнопонимы являются своеобразным зеркальным отражением народа. Так, по мнению известного учёного — топонимиста В. А. Никонова, этнопонимы возникали не в границах территории сплошного проживания какой-либо нации или народа, а лишь на окраинах региона, то есть там, где в смешанном виде живут два народа сопредельных земель [1, б. 102–103].

Обычно население, образ жизни которого был связан с оседлой земледельческой культурой, называло места своего проживания исходя из природно-географических особенностей данной местности, тогда как кочевые народы присваивали своим поселениям названия племён и родов. В целом, в результате различных исторических событий, в том числе и демографических процессов происходило изменение состава населения, а слияние различных этнических групп привело к тому, что некоторые родоплеменные объединения ассимилировали с населением других регионов. Усиление этноинтеграционных процессов оказывало существенное влияние на этнокультурные и этнохозяйственные отношения народов. Ускорение процесса перехода скотоводческого населения к оседлому образу жизни привело к целому ряду изменений в быте и хозяйственной деятельности людей [2, б. 37].

На территории Узбекистана существует множество этнопонимов, связанных с арабами. Так, в Зарафшанском оазисе насчитывается 78 арабских этнопонимов, в том числе 12 кишлаков с названием Араб, 4 — Араблар, 14 — Арабон, 40 — Арабхана, включая такие, как Кулдашараб, Милкиараб, Чилангуараб [3, с. 12–13].

В Бухарской области существуют населённые пункты, в названиях которых прослеживается арабское происхождение. Так, здесь насчитывается 7 кишлаков с названием Араб, 6 — Арабон, 2 — Араб кишлак, 2 — Араблар, а также кишлаки Арабшо, Кум Арабхана, Арабхана убат, Арабхана сафкарда, Арабхана боло, Арабхана Амирабад, Арабхана уба, Арабхана вурама, Янги Арабхана [4, б. 192]. В Бухарской области насчитано свыше 3000 топонимов,

одну треть из которых составляют этнопонимы. Таким образом, здесь имеется 72 кишлака, связанных с арабским этносом, что нашло отражение в их названиях Араб, Араба, Арабабад, Арабон, Арабкишлак, Араблар, Арабхана, Арабча и. т. д [5, б. 32].

Учёный — топонимист Тура Нафасов выявил 21 арабский кишлак, в число которых вошли такие, как Арабаул, Араббан, Араббан дарваза, Арабсай, Арабтуда, Арабхана [6, б. 14–15]. В северной части Карши есть квартал известный под названием Арабхана, одноимённый квартал имеется и в старой части города. В области существует несколько кишлаков под названием Арабхана, что означает «место, где живут арабы». Их населением являются потомки арабов, пришедших сюда в период арабского вторжения (VII в), обосновавшихся в этих местах и постепенно превратившихся в составную часть местного населения. В XV–XVI вв. сюда переселились группы персоязычного населения, также считающие себя арабами. Место проживания этих обеих групп арабов местное население стало называть «Арабхана». Приставка «хана» в составе этнопонима означает аул, кишлак, квартал [7, б. 22–23].

По утверждению исследователей, происхождение арабских родов Бухарского, Кашкадарьинского и Среднезарафшанского округов недостаточно изучено, тогда как арабы кишлака Джугари (Бухарская обл.) соотносят своё происхождение от группы *санани* или *сандани*, а арабы Джейнау (Кашкадарьинская обл.) считают, что происходят от групп *шайбани* (чаще употребляется как *шаймани*), *хашим* и *курайш* [4, б. 229].

По свидетельству учёных — арабистов С. Л. Волина и Г. В. Церетели, арабы проживающие близ Амударьи были специально переселены сюда в VII–VIII вв. и образовали свои населённые пункты. Целью переселения был захват новых территорий, а поселения использовались в качестве ставок арабских военачальников [8, с. 123].

История прихода и расселения арабов в Бухаре, по утверждению Е. К. Мейендорфа, восходит к периоду халифата. Часть арабского населения, проживая в кишлаках в окрестностях Бухары, занимались земледелием и скотоводством. Среди арабских родов значительную часть составляли курайши, занятые разведением скота и обосновавшиеся в окрестностях Карши и Термеза, входивших во владения эмирата. Впоследствии по указу эмира большая часть арабов была переселена в Самарканд, а также на земли современной Навоийской области. В период эмирата арабы в поисках богатых пастбищ двинулись в разные края. Они занимались разведением верблюдов, лошадей и баранов, кочуя со своими стадами по терри-

тории региона. Так, определённая часть джугаринских арабов обосновалась в местности Кулок-ата бекства Кармана и эти земли по приказу эмира были переданы арабам в виде вакуфных владений [9, б. 2].

Учёный — этнолог Б.Х. Кармышева собрала огромный фактический материал по этнической истории народов Средней Азии, в том числе и арабов [10, с. 29–111]. Одна из ветвей местных арабов, именуемая как «балх араб», является потомками арабов Балха из провинции северного Афганистана, впоследствии переселившихся на территорию Мавераннахра [11, б. 42]. Американским исследователем Т. Барфилдом комплексно изучена история арабов Северного Афганистана и осуществлён научный анализ их этнической истории с проведением параллелей с их сородичами, проживающими в других регионах [12, р. 4]. Часть переселенцев перебралась на территорию Средней Азии через Афганистан. В ходе полевых исследований было выявлено, что представители некоторых родов подтверждают своё происхождение от переселенцев из Афганистана. На юго-западе Узбекистана арабы рассеялись по весьма обширной территории, поэтому не случайно напоминают об этом такие названия, как балх, хисори, анхуй.

В исторических источниках встречаются сведения о том, что арабы Сурхандарьинского оазиса (южной его части), переселились сюда более двухсот лет назад из северного Афганистана, а точнее из самого Балха [13, с. 2–3]. Если в некоторых источниках говорится, что их предки занимались в основном скотоводством и в поисках обильных пастбищ через Сурхандарьинский оазис перебались в Кашкадарью, Самарканд и Зарафшан, то согласно другим сведениям, правитель этих владений султан Джанибек в 1513 г. переселил арабов с берегов Амударьи из Балха и Шибиргана на территорию Кашкадарьи и Зарафшана.

В конце XIX–XX вв. на территории Узбекистана настали голодные времена, в результате чего арабы, покинув обжитые места, обосновались в других местностях. В кишлаке Рабатак Шерабадского района Сурхандарьинской области проживала крупная община арабов. В кишлаке Шамал жили представители таких арабских родов, как *карасони*, *бешкал*, *замбиртуда*, *истара*, *гиламбоз* и *шамшилла*.

Род шовшилла обосновался в этих местах около 350 лет назад. В кишлаках Бай и Сори Рабатака община арабов делилась на группы *галабатыр* и *галадевана*. Арабы кишлака Айвадж состояли из *муллагули*, *карабеги*, *шерджан* и *мохиби* [13, с. 2–3]. Не смешиваясь с местным населением, достаточно обособленно проживали здесь представители рода *хорасан*, перебравшиеся сюда из Герата (Афганистан) [13, с. 2–3].

Арабы, занимавшиеся торговлей в провинции Балх, обосновались в кишлаке Бамдад. Впоследствии из-за потребности в обширных пастбищах для разведения верблюдов, они переселились в степь Рабат (Байсун) и кишлак Қакайди современного Джаркурганского района.

Кроме вышеупомянутых родов здесь можно встретить представителей таких родов как *каршилик*, *мисрлик* [14, с. 5]. На территории современного Кызырькского района в кишлаке Учрашув живут представители арабских родов *шом*, *истари*, *гиламбоз*, *хисори* [15, с. 4].

Изучая историю арабов, проживавших на территории Узбекистана, весьма сложно прийти к определённому выводу, т.к. арабы постоянно кочевали. Так, например, поначалу они обосновались в Кашкадарье, а затем переселились в Сурхандарью, Самарканд, Бухару, Навои, Фергану. В процессе исследования мы столкнулись с таким понятием, как каршинские, бухарские, джейнауские, джугаринские арабы.

В поисках обширных пастбищ для выпаса скота, а также в голодные годы большая часть арабов перебралась в Сурхандарью, Самарканд и Бухару из кишлака Пулати Касанского района Кашкадарьинской области. Так, в Кызырькском, Шерабадском и Денауском районах Сурхандарьинской области обосновались арабы из рода *галтакчи*, а в кишлаках Арабхана, Дуобо, Узбеккент, Чархин Нарпайского района Самаркандской области стала жить определённая часть арабов, прежде проживавшая в Пулати и Пистали [16, с. 5]. В Каракульском районе Бухарской области 300 лет назад жили арабы, переселённые по приказу эмира в Самаркандскую область. Подтверждением того, что в кишлаках Роват, Ахайчи, Узбеккент, Арабхана и Пархуза в наши дни проживают арабы, служат встречающиеся здесь названия родов *каракуль*, *хисар*, *каршилик* [17, с. 2].

На этой территории в настоящее время проживают представители таких арабских родов, как *бешкутан*, *бахшивай*, *мардан*, *пуситима*, *калдарья*, *кал*, *карабуийн*, *худайвай*, *галтакчи* [18, с. 2]. Род мардан в старину славился изготовлением арабских украшений. Род мерганчи был искусен в стрельбе из лука. Среди вышеупомянутых родов особо выделяется род *бахшивай*, в представителях которого наиболее отчётливо выражены этнографические черты. В их диалекте особенно проявляются присущие арабам-бедуинам особенности [19, с. 3].

Пулати был одним из древних кишлаков Касанского района. Один из родов в составе узбекского народа носит это же название. Известно, что в составе племени барлас Таджикистана имеется род пулатбачча. Одна из ветвей рода кандекли в составе каракалпакского этноса известна под названием тукпулат. Вызывает сомнение предположение о том, что название кишлака Пулати произошло от названия рода. Более обоснованным считается мнение, что оно является видоизменённым вариантом слова «балади». В переводе с арабского слова «балад» и «балда» означает «местное оседлое население»; город, страна; предупреждённый, осведомлённый, знакомый. К слову «балад» было принято употреблять персидско — таджикское окончание «и»; «балади — баладлик», что означает «городской». В старину переселенцев из города или другого крупного населённого пункта называли балади (городские). Ос-

нову этнонима составляет «пулат-полат», а аффикс -чи означает единение. Данный аффикс первоначально был в виде «ти» (Пулат-ти). В слове звуки «т» и «ч» соответствуют. Из данного этнонима возникло название кишлака.

В кишлаке Пархуза, расположенном в восточной части Каттакургана живут «каршинские арабы» [7, б. 79]. Возникает вопрос «Почему их принято называть не по названию этноса, а по названию местности? Откуда они прибыли?» Это объясняется тем, что арабы постепенно переходя к оседлому образу жизни стали забывать название своего этноса. В данном контексте следует отметить, что местные арабы, утратив чувство национального самосознания, ассимилировались с узбекским или таджикским населением.

В результате полевых исследований, проведённых нами в кишлаке Джейнау Миришкорского района Кашкадарьинской области, было выявлено, что арабы обосновались здесь в XIV в. В далёком прошлом Джейнау состоял из 9 махаллей, носивших названия Харрук, Каттапо, Гавхар, Чукуркуль, Акрабод, Боввора, Таджик, Беглар, Аввона [5, б. 158]. Сегодня четыре из них называются Янги (Новый) Джейнау, Аввона, Каттапой, Андхуй. Эти названия связаны с ветвями арабских родов. В кишлаке проживают представители таких малых арабских родов, как *авашукурулло*, *банихашим*, *бай*, *дугма*, *кул*, *курайш*, *курухал*, *шайбани* [20, с. 5].

По утверждению местных жителей, аввона означает «хороший человек», «предприимчивый человек», «человек, который ведёт себя важно». Боввора — «человек не имеющий твёрдого мнения», «ловкий человек», «дежельный человек», «человек пускающий пыль в глаза». Слово «харрук» жители объясняют как «мелкий интриган». Как известно, одна из северных провинций Афганистана называлась Андхуй, поэтому вероятно жители одноимённой махалли являются потомками именно тех арабов-переселенцев. Здесь принято считать их «расчётливыми в своих делах людьми, оказывающими друг другу крепкую поддержку».

Довольно крупная община арабов проживает в махалле Арабхана Касанского района Кашкадарьинской области. Когда — то они прибыли в этот оазис в поисках новых пастбищ для разводимых ими лошадей и верблюдов. Ныне в их повседневной жизни сложно заметить какие — либо характерные признаки, присущие арабам, однако продолжают сохраняться названия арабских родов. Именно такими родами являются *айранчи*, *бухара*, *бай*, *сурух*, *карабуьин*, *курайш*, *шамми*, *ирани*, названия которых восходят к периоду существования эмирата. Так, род айранчи в старину славился приготовлением особого айрана; слово «сурух» арабы употребляли в отношении людей крупного телосложения; «шамши» — к людям мелкого, щуплого сложения, а род «карабуьин» занимался скотоводством в степной зоне. Род «бухоро» (бухарцы) по нашему мнению, перебрался в эти края ещё в период эмирата из Бухары [19, с. 5].

Арабы, проживающие в махалле Багдад Денауского района Сурхандарьинской области, отличаются от представителей других родов. Их предки когда-то переселившись из аравийской местности Зангоки, обосновались на территории Термеза, а в голодные годы перебрались в Дену и Афганистан [21, с. 3].

Часть населения кишлака Арабхана Навбахорского района Навоийской области составляют представители рода *шайбани* [22, с. 4]. В Нуратинском районе проживает свыше 150 родов, среди которых жители махалли Арабгузар утверждают, что происходят из рода *искандари* [23, с. 6]. В данном контексте следует упомянуть, что арабы Самарканда считают себя потомками нескольких племен: *искандари*, *султан мирхайдари*, *болуи* (имеется несколько вариантов данного названия — *боуи*, *болиу*, *боли* и даже, в редких случаях, *болибек*), *бахшивай*, *бонсар* и *гурджи* [4, б. 83]. Арабы обосновывают это, в основном, тем, что когда — то Александр (Искандер) превратил эту область в своё колониальное владение.

Жители кишлака Бахтиёрчи Рамитанского района утверждают, что происходят из рода *ших* [24, с. 7]. Представители арабских родов, живущих в кишлаке Палван ата Хатырчинского района Навоийской области, а также арабы Рамитанского района связаны родственными узами, однако в их самосознании существует значительное различие. Так, арабы кишлака Палван ата считают, что происходят из рода *бахшивай*, тогда как рамитанцы утверждают, что они не арабы, а таджики. В кишлаках Бандбаш, Яккалам, Куйдим Каракульского района Бухарской области живут потомки таких арабских родов, как *ирак*, *куччак*, *сайиб* [25, с. 6]. Вплоть до середины XX в. арабы Узбекистана вели полукочевой и полуседлый образ жизни. Переход к оседлой жизни происходил постепенно, поэтому в любой местности Узбекистана можно встретить название кишлака или рода, связанного с арабским этносом. Названия родов наиболее сохранились у арабов, занимающихся разведением скота. Так, веками из поколения в поколение переходят такие названия родов, как *курайш*, *балх*, *хисари*.

Вышеупомянутые этнонимы и названия родов нередко подвергались изменениям вследствие этнокультурных связей арабов с местным узбекским и таджикским населением. Некоторые из них, например, *карахани*, *кутикара*, *турк*, *бешкал*, *карасони*, *галабатыр*, *галатентак* и *галадивана* имеются в списке «92 узбекских племён», другие же встречаются в нем в качестве ответвлений родов [10, б. 47]. В этнонимиках нашли отражение образ жизни, хозяйственная деятельность, обряды и обычаи народа. Изучение арабских этнонимов показывает, что с течением времени арабы постепенно смешиваясь с местным населением, стали ощущать себя узбеками. Вместе с тем следует отметить, что в большей части кишлаков, носящих арабские названия, проживают жители арабского происхождения, хотя и вошедших в этнический состав местного населения.

Подводя итог следует сказать, что с приходом в регион арабов настала новая эпоха. Автором предпринята попытка изучить исторические названия и этнотопонимические особенности больших и малых арабских кишлаков с арабским населением в разных областях Узбекистана. Здесь же проанализирована история появления и рассе-

ления таких арабских родов, как *балх, искандари, ирак, курайш, шайбани, хисари*.

Большинство родов, упомянутых нами выше, постепенно забывают свои родовые названия. Ныне они привыкли называть себя бухарскими, джейнаускими, джугаринскими или каршинскими арабами.

Литература:

1. Қаюмов, А.Р. Этнотопонимлар — ўзбек халқининг этник таркиби хусусиятларини ўрганишда манба сифатида. // Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик. Т.: Фан. 2010.
2. Султонова, Г.Н. Ўрта асрларда Марказий Осиёдаги демографик жараёнларга таъсир этган омиллар тўғрисида айрим маълумотлар. // Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик. Т.: Фан. 2010.
3. Караев, С. Этнонимика. Т.: Ўзбекистон. 1979.
4. Ражабов., Р. Ўзбекистондаги араблар тарихи ва этнографияси. Т.: Шарқ. 2012.
5. Саидов М, Равшонов П. Жейнов тарихи. Т.: Абу Али Ибн Сино номидаги тиббиёт нашриёти. 1996.
6. Нафасов, Т. Ўзбекистон топонимларининг изоҳли лугати. Т.: Ўқитувчи. 1988.
7. Нафасов, Т., Турсунов. Ш. Қарши шаҳри маҳалла ва кўча номлари. Т.: Маънавият. 2008.
8. Волин, С.Л. К истории Среднеазиатских арабов. // ТИВ АН СССР. М. Л., 1941.
9. Полевые записи. Кишлак Джугари Гиждуванского района Бухарской области, 2012 г.
10. Кармышева, Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976.
11. Ражабов, Р. Ўрта Осиё этномаданий жараёнларида араблар. Т.: Янги аср авлоди, 2011.
12. Varfield, T. The Central Asian Arabs of Afghanistan Pastoral Nomadism in Transition University of Texas Press. 1983.
13. Полевые записи. Кишлак Рабатак Шерабадского района Сурхандарьинской обл. 2011 г.
14. Полевые записи. Кишлак Какайди Джаркурганского района Сурхандарьинской обл. 2011 г.
15. Полевые записи. Кишлак Учрашув Кызырыкского района Сурхандарьинской обл. 2011 г.
16. Полевые записи. Кишлак Юрчи Денауского района Сурхандарьинской обл. 2011 г. // Полевые записи. Кишлаки Арабхана, Дуобо, Узбеккент, Чархин Нарпайского района Самаркандской обл. 2012 г.
17. Полевые записи. Кишлак Арабхана Нарпайского района Самаркандской обл. 2012 г.
18. Полевые записи. Кишлак Пулати Касанского района Кашкадарьинской обл. 2011 г.
19. Полевые записи. Махалля Арабхана Касанского района Кашкадарьинской обл. 2011 г.
20. Полевые записи. Кишлак Джейнау Миришкорского района Кашкадарьинской обл. 2011 г.
21. Полевые записи. Махалля Багдад Денауского района Сурхандарьинской обл. 2011 г.
22. Полевые записи. Кишлак Арабхана Навбахорского района Навоийской обл. 2012 г.
23. Полевые записи. Кишлак Палван ата Хатырчинского района Навоийской обл. 2012 г.
24. Полевые записи. Кишлак Курганбахтиёр Рамитанского района Бухарской обл. 2012 г.
25. Полевые записи. Кишлак Джугари Гиждуванского района Бухарской обл. 2012 г.

Проблема гонки морских вооружений между Германией и Великобританией как одна из причин развязывания Первой мировой войны в отечественной историографии

Лашук Екатерина Николаевна, студент

Ишимский государственный педагогический институт имени П. П. Ершова (Тюменская обл.)

1 августа 2014 г. в мире будет отмечаться 100-летие начала Первой мировой войны. Эта была трагедия планетарного масштаба. Известный английский политик У. Черчилль период 1914–1918 гг. назвал «мировым кризисом» [1]. Нет никаких сомнений, что начавшиеся в Европе события последнего месяца лета 1914 г. оказали не-изгладимые последствия на всю историю человечества.

Поэтому неудивительно, что ученые многих стран Европы и США на протяжении многих десятилетий уделяли пристальное внимание изучению факторов, обусловивших сползание человечества в пропасть военной мировой трагедии [2–3]. Немалый вклад в это дело внесли и отечественные историки. На протяжении многих десятилетий они ведут изыскания по различным направлениям. Одним

из них является освещение проблемы гонки морских вооружений между Германией и Великобританией, одной из главных причин начала Первой мировой войны.

Говоря об отечественной историографии советского периода, необходимо учитывать ее идеологическую составляющую, то есть монополию марксистской-ленинской методологии в подходе к изучению проблемы. Однако это несколько не умаляет значимость научных открытий, сделанных в 1920—1991 гг. Несомненно значимым было то, что на начальном этапе развития советской историографии большое внимание уделялось публикации документов по вопросам международных отношений начала XX в., изданию мемуарной литературы [4], переводу работ иностранных авторов [5]. Это конечно же стимулировало историков к проведению исследований.

Большой вклад в освещение проблемы германо-английских морских противоречий внес В. М. Хвостов. Так в предисловии к мемуарам Б. Бюлова историк критикует тезис бывшего рейхсканцлера о том, что, якобы при нем Германия прошла так называемую «опасную зону» во взаимоотношениях с Англией а следовательно и Первая мировая война не являлись неизбежно объективным явлением. Советский ученый аргументировано утверждает, что характер взаимоотношений двух стран в морской сфере в первом десятилетии XX в. свидетельствовал о том, что военный конфликт между ними был неизбежен [6, с. 23]. Этот тезис красной нитью проходит в рассуждениях исследователя, представленных в его крупных трудах, изданных в 1945 и 1963 гг. [7]. В. М. Хвостов рассматривал германо-английский флотский антагонизм в 1906—1914 гг., связывая его с негативной реакцией Великобритании на германский флотский закон 1900 г. и его дополнения 1906, 1908 и 1912 гг.

В одном из исследований по истории международных отношений академика Ф. А. Ротштейна тема морских противоречий между Англией и Германией также занимает значимое место [8]. Автор отмечал, что британцы поздно отреагировали на принятие немцами флотского закона 1900 г. В Лондоне полагали, что Германия «не потянет» в техническом и финансовом отношении такой грандиозный проект. Однако когда там поняли ошибочность такой оценки, то начали действовать очень решительно и беспощадно. В итоге закулился маховик гонки морских вооружений.

Указанные работы советских ученых носили обобщающий характер. Вместе с тем в отечественной историографии, особенно периода 50—80-х гг. XX в. имелись труды и «узко проблемной» направленности. Их появление было связано с тем, что после Великой Отечественной войны у историков расширились возможности работы с новыми архивными материалами не только в СССР, но и странах социалистического содружества и даже в западных государствах, в частности ФРГ. Так в публикациях Н. П. Полетики анализировались тирпицевские планы военно-морского строительства [9]. На основе их рассмотрения автор утверждал, что зна-

чительно все новое германское флотское строительство направлялось против Англии, а само морское соперничество между странами явилось одним из катализаторов Первой мировой войны. В. А. Алафузов в центр своего исследования поставил подробную характеристику военной составляющей немецкой флотской доктрины, которую он, как морской специалист, оценил невысоко [10].

Известный советский историк Б. М. Туполев, опираясь на документы из архивов ФРГ, доказывал в своей работе тезис о том, что реализация разработанных в ведомстве А. Тирпица планов по созданию Германией морских баз в различных частях мира (от островов Тихого океана до Средиземноморья) дополнительно создавали точки напряженности между Лондоном и Берлином [11]. Н. Ф. Сокольская в одной из своих статей проиллюстрировала некоторыми новыми фактами уже утвердившейся в отечественной историографии тезис о том, что германский флотский закон 1900 г. и новеллы 1906, 1908, 1912 гг. были расценены англичанами как вызов их морскому могуществу. В итоге это существенным образом способствовало формированию непримиримых противоречий между странами, приведших к войне [12].

В начале 90-х гг. XX. отечественная историография вступила в новый этап своего развития. Он характеризовался плюрализмом методологических подходов к изучению явлений прошлого, значительным расширением источниковой базы научных исследований за счет возможности использования ранее недоступных архивных материалов. Кроме того, для российских историков стали более доступны труды зарубежных коллег. Из работ этого периода внимание к себе привлекает исследование Д. В. Лихарева [13]. В нем проблема морского соперничества рассматривается с позиции характеристики британской политики в то время, когда во главе Адмиралтейства стоял Дж. Фишер. Ученый высказал не бесспорное утверждение о том, что антигерманская направленность действий английских властей окончательно определяется с приходом Дж. Фишера в 1904 г. на пост первого лорда Адмиралтейства. Одним из ярчайших проявлений этой политики, как показал ученый, стала инспирированная британцами «морская паника» весной 1909 г., благодаря которой была узаконена максимальная судостроительная программа на 1909—1910 г.

В 2000-е гг. тема германо-английского морского противостояния в предвоенные годы не потеряла своей научной актуальности. Об этом наглядно свидетельствуют исследования Е. В. Романовой и С. Н. Синегубова и Сп. Шилова. Авторы, используя ранее неизвестные для российской историографии английские и немецкие архивные документы, а также накопленный исследовательский материал зарубежных и отечественных авторов, сумели дать новую и достаточно исчерпывающую трактовку флотского антагонизма Германии и Великобритании. Интерес к трудам этих историков определяется еще и тем, что они подошли с разных позиций к изучению проблемы — Е. В. Романова анализирует морское соперничество двух

стран прежде всего с английской стороны, а С.Н. Синегубов — немецкой. Это, наверное, объясняет в некоторой степени несовпадения их взглядов на отдельные вопросы истории морского соперничества двух держав. Так, например, Е.В. Романова полагает, что главная причина, по которой вплоть до 1908 г. британцы отказывались от силового пути решения «немецкой проблемы» заключалась в «разновекторности» английской политики. Этот «недостаток», по мнению автора, стал исчезать только после Боснийского кризиса и стратегия Лондона приняла открытый антигерманский характер [14].

В работах С.Н. Синегубова этот тезис оспаривается. В ряде статей ученый проанализировал кризисные моменты в германо-английских отношениях в 1904—1905 и 1911 гг., которые ставили их на грань военного срыва [15;16;17]. Как полагает историк, ситуация была удержана в мирном состоянии лишь только потому что немцы пошли на временные уступки из-за страха потерять еще недостроенный флот. Кроме того, они вынуждены были еще держать «в уме» Россию, переходившей все больше и больше в фарватер британской политики [18]. Что же касается англичан, то, как отмечает историк, несмотря на их публичные грозные заявления, они не были еще готовы к широкомасштабным боевым действиям даже на море, не говоря уже о войне на суше.

Другой значимой проблемой в статьях С.Н. Синегубова, позволяющей в полной мере понять, почему гер-

мано-британское морское соперничество неизбежно должно было завершиться военным кризисом, стал переговорный процесс между Берлином и Лондоном. Автор дал ему пробную периодизацию, выделил этапы, дополнительно вычленив внутри них значимые временные отрезки и определяя главные причины краха всех переговорных инициатив [19—26].

Обобщенный взгляд на развитие германо-английские отношения в 1900—1914 гг. в морской сфере ученый дал в монографии, изданной в 2009 г. [27].

Подводя итог краткому анализу отечественной историографии германо-британского морского соперничества в предвоенные годы, можно отметить, что эта тема уже на протяжении многих десятилетий остается в поле зрения исследователей. По ней накоплен огромный фактологический материал, в научный оборот введено много отечественного и иностранного архивного материала. В 1920—1991 гг. были определены принципиальные вопросы сущности германо-английского морского соперничества, выделены главные периоды его развития. В 1991—2000-х гг. историки обратились к исследованию вопросов, касающихся кризисных моментов во взаимоотношении двух стран, переговорного процесса между ними. Это позволило несколько по-иному взглянуть на всю проблему германо-английского военно-морского соперничества и актуализировать ее для дальнейшего изучения.

Литература:

1. Churchill, W. S. The world crisis 1911—1918. Vol. 1. London, 1923.
2. Виноградов, К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 194—1917 гг. М., 1962.
3. Синегубов, С. Н. Особенности западногерманской историографии военно-морской политики кайзеровской Германии в конце XIX — начале XX вв. // Вестник ИГПИ. История. 2013. №2. с. 124—131.
4. Тирпитц, А. Из воспоминаний. М.; Л., 1925;
5. Фирле, Р. Война на Балтийском море. М., 1925.
6. Бюлов, Б. Воспоминания. М., 1935.
7. Хвостов, В. М. История Дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время (1872—1919). М., 1945; Он же. История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время 1871—1914. М., 1963.
8. Ротштейн, Ф. А. Международные отношения в конце XIX в. М., 1960.
9. Полетика, Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны. К истории внешнеполитических и военных планов германского финансового капитала // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. XLV. 1953. с. 101—121; Полетика Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» // Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. с. 3—29.
10. Алафузов, В. А. Доктрины германского флота. М., 1956.
11. Туполев, Б. М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. №3—4.
12. Сокольская, Н. Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX — начала XX века // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987. с. 74—99.
13. Лихарев, Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993.
14. Романова, Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта 1898—1914. М., 2008.
15. Синегубов, С. Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904—1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/1 (64/1). с. 202—210.
16. Синегубов, С. Н. Синдром «морской паники». К вопросу о позиции германского руководства по проблеме флотского соглашения с Великобританией (апрель-июль 1909 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16. История. Вып. 32. с. 109—116.

17. Синегубов, С. Н. Угроза германо-английской войны в июле-ноябре 1911 г.: Миф или реальность? // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общ. и гум. науки. 2009. № 12 (90). с. 37–45.
18. Синегубов, С. Н., Шилов С. П. Российские флотоводцы в оценках германских морских атташе в 1901–1912 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. с. 87–97.
19. Синегубов, С. Н. Подготовка к принятию флотской новеллы 1906 г. в Германии и германо-английские отношения // Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. с. 262–273.
20. Синегубов, С. Н., Байкенов А. О. Подготовка к принятию флотской новеллы 1908 г. и германо-английские отношения в 1907 — первой половине 1908 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2013. № 1. с. 44–58.
21. Синегубов, С. Н. Усилия рейхсканцлера Бюлова заключить германо-английское морское соглашение во второй половине 1908 г. — в первой половине 1909 г. и их неудача // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общ. и гум. науки. 2008. № 12 (81). с. 110–119.
22. Синегубов, С. Н. Германские ведомства и проблема заключения германо-британского флотского соглашения в период ноября 1908 г. — февраля 1909 г. // Тюменский исторический сборник. Вып. 11. Тюмень, 2008. с. 95–104.
23. Синегубов, С. Н. Проблема германо-английского флотского соглашения на этапе начала февраля-конца марта 1909 г. // Научные ведомости Белгородского университета. 2009. Т. 15 (70), вып. 12. с. 55–65.
24. Синегубов, С. Н. Германское руководство и проблема флотского соглашения с Великобританией в период ноября 1909 г. — конец июля 1910 г.: переговорная пауза // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 12 (2). с. 108–114.
25. Синегубов, С. Н. Обсуждение вопроса усиления флота Германии и германо-английские отношения в августе 1911-феврале 1912 гг. // Научное обозрение. 2008. № 1. с. 133–138.
26. Синегубов, С. Н. Миссия британского военного министра Холдена в Берлин в феврале 1912 г. и неудавшаяся попытка заключения германо-английского морского соглашения // Тюменский исторический сборник. Вып. 10. Тюмень: Вектор-Бук, 2007. с. 118–123.
27. Синегубов, С. Н. Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900–1914 гг. Тюмень, 2009.

Regional changes in socio-economy and administration in Kokand city (The end of XIX and the beginning of XX centuries)

Мамадалиев Хушнудбек Исломжонович, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Hushnudbek Mamadaliyev, teacher of Namangan State University

The territory of the Kokand city, the capital city of Kokand Khanate was 20 square km in the middle of the XIX century. The Katta soy river, the Kichik soy river and the Qorasuv river went through the center of the city and distributed the city with water. The city distinguished with cleanness, wide roads, trees on the sides of the roads and historically originated types of trees. Houses were strong and most of them were built by bricks. In the center of the city there was a castle of the Khan. The city was surrounded by walls and it had 12 gates to enter inside [1]. After Russian conquer on the February 19, 1876 Khan was demolished and the city became the center of the Fergana which was under the rule of the Turkistan General-Gubernator [2]. That year on the 15th of July the Mayor of the city, his senior and junior assistants and secretary and translator was assigned. Not long after, on the 27th of April 1877 the regional capital was moved from

Kokand to New Margilan, therefore the Kokand city became the administrative center of Kokand Uyezd from June 1 [3].

Till 1917 the Kokand city was ruled by the head of the Uyezd. 3 representatives, which were elected for 3 years from the respected members of population of the city (2 of them were from Russian) helped to tackle the social problems to the head of the Uyezd. Consequently, the administrative system was changed year by year as population of the city grew and the territory of the city was broaden. The number of the representatives increased to 6 people (4 of them from Russian population) in 1907 [4].

Kokand city was divided into 4 parts and each part was administered by Oksokals (respected person). These parts were divided into neighborhoods and their heads were Ellikboshis. The Head Oksokol managed other Oksokols in places and they helped the Mirshabs (Military people) in gathering tax

from population. In general, tax gathering, sending the orders of the administration and other responsibilities were done by the head of the Uyezd.

In 1896 instead of the head Oksokol city police was established. The head of the police was from Russian nation and they had a position of the leader of the city. At the same time they controlled the old part of the city, as that part was the place where the locals lived most. 24.1 % of the city benefit was used for keeping the police of the city[5].

Many building were built especially for Russian administrative in Kokand like other cities of the country. For this reason in 1881 they began to build a new city for the Russian administration bodies and soldiers [6] and parks and gardens of the former Kokand Khans castle were destroyed. They also moved old cemetery to another place of the city and that place was chosen for the new part of the city. The former Kokand Khans castle — Orda became the administrative building of Russian administration and military offices. Later those buildings were destroyed and the western part of the building was changed into military hornizone.

In the short period there were built many houses, administrative buildings, military offices, church, an educational institution and school. At the same time 7 more streets appeared in the city [7]. All governmental offices, administration buildings of Uyezd, banks and main trade buildings were situated in those new streets.

For the population of the «New Part» of the city separate schools, shops and markets were opened. Furthermore telegraph and telephone links, post offices began to work, new libraries and cinemas were built. There was also typography and chemistry was opened. For the Russian population 4 year gymnasium for boys, women's gymnasium, and private trade school and railway schools began functioning at the city.

According to the social status the populations of the old part of the city were trade makers and partly owners of the big lands. However, in the new part of the city hosted soldiers, shopkeepers and employees of the city municipality. As the result of the opening new railway Andijan-Samarkand, openings of several factories and bringing the railways to Kokand in 1899, the national and social status of the population changed lately.

Together with Russians Jewish, Tatars, Bashkirds, Byelorussians, Ukrainians and other nations moved to Kokand. According to the results of 1904, 94% Uzbeks, 3,5% Russians, 0,5% Jewish and 2% other nations lived in Kokand[8].

The territory of the city became bigger and in 1876 there were 6814 houses, in 1916 there were 18400 more houses on comparison [9]. If we add the old part and the new part of the city, in 1880 34815 people lived in the city, whereas in 1915 120000 people lived [10] and in 1917 the number reached to 150000 people [11].

Eventhough the new capital of Fergana was New Margilan, Kokand stayed as an important city not only in Fergana but in the whole Turkistan this city remained as an economically important city. In trade Kokand was number one city in Fergana. 41,3 % of trade circle was in Kokand [12].

The city was the center of the trade cotton, silk, dry fruit and tea products. Cotton, silk and leather products were brought from different parts of Fergana to Kokand. In 1880 Kokand's trade relations made more than 30 mln [13]. In a short period Kokand gained the second place in trading in Turkistan [14].

Many customs buildings, karvansarays and reservations were functioning in Kokand for the trade relations with China. The city played main role in trading tea between Russia and China. More than 10 tea trading companies of Russia functioned in there. Besides that 8 branches of big banks, transportation companies, big firms in trading silk, silk societies, oil companies also had their functions in this city.

Kokand was a transit trade center for Russian products to Iran, India and Afghanistan. Kokand market and other private sectors participated in this function.

In XIX century despite of being main center in trading Kokand remained as a city of traditional handcrafting. In 1876 there were 67 leather manufacturing companies, 232 thread producing companies, 276 silk and 1 brick producing places in the city [15]. In 1883 there were 1403 handcrafting places [16]. Handcrafting products not only satisfied local needs, however they were very popular among traders from different countries. Silk products, ceramic products, carpets, jewelry products of the city were appreciated by many exhibitions and they got high prices.

At this time all traditional types of crafts: jewelry making, weaving, blacksmithing and new kinds of handicrafts: clock manufacturing, photography, bindery and sewing developed as well in this city.

Traditional weaving, sericulture and oil producing workshops developed with the introduce of new technologies to this fields. Meanwhile, lots of factories specialized in producing wine, beer, vodka, and also cotton processing, oil and tobacco plants were established by Russian capitalists in this city. With the increase of Russian manufactured goods and new plants some types of crafts went into bankruptcy. For example, 66 tanning businesses run in this city in 1892 decreased to 30 in 1892. After the establishment of new railway between Khoqand and Namangan in 1912, the involvement of Russian capitalists in this city surged. Particularly, the number of cotton processing factories rose and reached to 37 factories in 1914–1915.

In the city there are 360 mosques, 50 madrasahs and 232 schools in this time. At the end of XIX century 36106 children got education in the schools in city. At the beginning of XX century 12 schools of new curriculum and teaching methods were founded by Jaddists and 600 pupils were involved.

In accordance with Russian sources, the medical state of the city was always in a bad condition. At the end of XIX century, the first ambulatory for women and children, later a hospital and 2 chemists were opened in Khoqand. The medical care for local people was limited and it wouldn't meet the high demand of overpopulated city. It also suffered the lack of budget in the city.

Reference:

1. Известия русского географического общества. Т. 12. отд. 2. 1876. с. 61–62
2. Кокандское ханство по новейшим известиям. 1868.
3. История Коканда.-Ташкент., Фан. 1984. с. 7.
4. ЎзР МДА, Ф. И-1, 20 руйхат, 10663 йигма жилд, В. 8–11
5. ЎзР МДА, Ф. И-17, 1 — руйхат, 20308-йигма жилд, В. 22
6. Обзор Ферганской области за 1898 г. — Новый Маргелан., 1900. с. 97.
7. Воейков А. Список населенных мест Ферганской области. — Скоблев., 1909. с. 33.
8. История Коканда. — Ташкент. Фан 1984. с. 12.
9. Суздальцев А. Туркистан и сопредельные страны. — Самара., 1919. с. 47.
10. Материалы к характеристике народное хозяйство Туркестана. с. 299.
11. ЎзР МДА, ф. И-1,16 руйхат. 1791 — йигма жилд. В. 7.
12. ЎзР МДА, ф.И-1,1 — руйхат, 1539 — йигма жилд В. 16.
13. ЎзР МДА, Ф. И-276, 1 — руйхат, 123 йигма жилд, В. 25–26.
14. Обзор Ферганской области за 1892 год. — Новый Маргилан., 1893. С. 19.
15. ЎзР МДА, ф. И. 575, 1 руйхат, 5 — йигма жилд, В. 6
16. Статистический обзор Ферганской области за 1908 год. Новый Маргилан, 1909,

The development of ancient culture of farming of Khorezm

Матчонов Жавлон Юнусжонович, преподаватель
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Matchonov Javlon Yunusjonovich
The teacher of the Urganch State University
Xiva city

According to the results of geological researches lowlands after withdrawing the great Tethys sea was called Central Asian historic and geographic literatures [1]. During the fourth period of Earth Geology, happened tectonic movements caused to be motley of lowland, its features have come till now. Naturally, in fourth period from black sand of Uzungi till the broad area in Aral Sea, as a result of sinking silts in water of Amudarya formed lowland in the term «Khvarizam» Avesto [2]. It is known that from the results of archaeological researches carried out in the basins of Low Amudarya and Sariqamish under the leader of Tolstov, they achieved to take materials meant social and economical attitudes happened during the late Stone Age and Eneolit (new Stone Age) periods [3]. At that time with the reason of rising the Amudarya water level, appeared water basins mountain-mass with landscapes. This process is watched on borders of Uzboy, Sariqamishbuyi and Low Amudarya. In this way temporary cultural-economy areas formed on borders of Southern Uzungi Qoraqum, from north-west till the south of Aral Sea. It is a pity, in families which built huts in water basins, were main economy hunting and lived in termachilik (an activity which people pick up everything). They did not know clay architecture and irrigational farming. That's the reason is natural climate and geographical environment.

The social-economy and cultural development of late Stone Age and Eneolit (new Stone Age) periods originated

from geographical environment in South Turkmenistan. It can be watched that tribes brought clay architecture knowledge to house-building put step to irrigational farming. These conclusions can be connected archaeological materials which found in areas of people of Jaytun, Chaqmoqlitepa (hill with spark) and Geoksyur [4]. It can be concluded from archaeological researches that Geoksyur carried out irrigational farming culture by doing with small width, short and shallow irrigational water-works structures while Jaytuns carried out agriculture based on natural water. This created field system of farming and improved in the next processes.

In social-economy and ethnocultural development of the Bronze Age happened radical changes. Labour tools made from brass by tribes were the base for changes happened in societies. The giving-up a part of people's accommodation to others raised the demand for food products and it gave chance to come into existence and develop new branches of agriculture. Peoples group mixed some specifications among population. The increase of the number of population requires to master new areas and this created to form new and new farming areas. The change of quality of the Bronze Age is watched in South Uzbekistan, Turkmenistan and north-west Tadjikistan. Early irrigational farming centers formed in the basin of the Tadjan river in South Turkmenistan.

Archaeological researches that carried out on a large scale in Altintepa (goldenhill) in South Turkmenistan by archaeologist Masson proved that farming oases under the control of city mayor that have a large extension [5]. But Askarov learned historical roots of consecutive progressed irrigational farming and townbuilding in Sopollitepa and watched its progressing process in Jarkuton [6]. Yu. A. Zadneprovskiy achieved to take materials that elucidated irrigational farming culture of settled population situated in basins and rivers like Koradarya (blackriver), Kosonsoy, Govasoy, Oq bura in Fergana valley [7].

Process that differ completely from irrigational farming areas formed in South Turkmenistan, Uzbekistan and Fergana valley was existed in Khorezm oasis. In early stages of the Bronze Age the activity of cultural-economy tracts with antropogen landscapes abolished on borders of Sarikamish, Uzboy and central, north of Akschadarya. According to the conclusions of researchers ancestors who lived on borders of Sarikamishbuyi, Uzboy moved to the basin of south Akschadarya [8]. In the last Bronze Age period it can be seen that cultural and sociol-economical development of Khorezm region and it shows that the beginning of new period of ethnic interactions. Basis modifications in the development of social life are clearly visible in the places of Yonboshqa'la-7 and Yakkaparsan-2. M. A. Itina carried out archeological investigations in the place of Yakkaparsan-2 where is near Yakkaparsan, the keepsake of early middle ages. In its cultural sphere she found out the remnant of agricultural equipment which was used for grain thresher and hammer. Investigator concluded that the place belonged to IX–VIII ages before Christ [9].

While investigating Yonbosh-7, where is situated in southern Okchadaryo, Y. G'.G'ulomov worked on the remnant of parallel walls in the direction of west to east which is situated with each other 20 m width and its height 77 m. S. P. Tolstov pointed out that the place belonged to VIII–VII ages (B. C.) [10]. The culture of tribes that differ from the activity of heads of households that built second habitation of Yonbosh-7, Yakkaparsan-2 and Kuyisoy abode was learned by B. I. Vaynberg in south-west of Sarikamishbuyi. In investigations of explorers, Kuyisoy people did not have clay architecture and cattle-breeding was leader [11]. In our opinion, Yakkaparsans that have a huge number of cattle moved to the basin of Sarikamishbuyi Kuyisoy was rich in lakes and they were wealthy with food for cattle. In our mind, materials taken from cultural layers of Yonbosh-7, Yakkaparsan-2 con-

firm that the arrival of urbanization process which encompassed Middle Asia to the basin of South Akchadarya. It is a pity, the effect of this process did not take the tribes habited in Low Amudarya to clay architecture and farming culture level of Baktria and Margiyonas'. Undoubtedly, the quick change of Amudarya also did not give an opportunity for this historic progress.

Khorezm people made magistral canals of Amudarya and its streams and began to reclamation of unsued lands in the end of the second half of VI age (B. C.). And framing places came into existence. A. Asqarov explained that process depended on the immigration of Khorezm people in Khilmend valley to Amudarya [12].

So, with the help of historical information which is given above, we can come conclude that the development of neolit, eneolit social life of Khorezm region depended on geographical condition and the dynamic of Amudarya. As a result of raising water level in Amudarya brought into appearing very many water basins, after decreasing water level the function of appeared water basins ended up.

With the changing of flowing water in Amudarya new water basins appeared and this made hunts and the people who pick up things live on walk a lot. As a result villagers near Amudarya carried out irrigating farming with the help of irrigation equipments. It is a pity, to carry out investigations are required to prove the scientification of explorer's conclusion. The lifehood who created Amirobod culture carried out farming on very damp lands which appeared as a result of the flooding of Amudarya. So the method of «qayr» in farming developed. It is a pity this type of primitive farming continued till the end of the second half of the VI B. C. Our ancestors carried out household trends, tolerating fastidiousness of Amudarya during thousands years, dealing with geographical features. With household trends carried out by Khorezm people contributed heavily to the development of ancient world society of Central Asia.

It should be noted particularly that the location of the centres of farming of ancient East and the centre of nomads world in north, to introduce the knowledge on clay architecture and town-building of cultivator population to stock clans performed that the duty of ethnic centre in developing of cultural-economical communications. Though the valley situated inconvenient geographical condition, it is considered one of the hearth ancient civilization in developing of Central Asia's ancient world.

Литература:

1. Герасимов, И. И. К. Н. Марков Четвертичная геология М, 1939, с. 270–330.
2. Вайнберг, Б. И. Экология Приаралья в древности и средневековье. //Этнографическое обозрение. М.»Наука», 1997, №1, с. 24, рис. 1.
3. Толстов, С. П. Древний Хорезм. М. 1948, с. 59–65. Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М-Л, 1948. с. 50–54. Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. «Наука», 1962. с. 27–39.
4. Масон, В. М. Поселение ДЖейтун. М.»Наука».1971. Хлопин И. В. Геоксюрская группа поселений М-Л «Наука», 1964; с. 9. рис-1.

5. Масон, В. М. Новая цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии // Памятники культуры, новая открытия. М.»Наука», 1976. Он же. Протогородская цивилизация юга Средней Азии/СА, №3, 1967 с. 170—171. Он же. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке/Этнография и археология Средней Азии/М.»Наука», 1979. с. 28—33.
6. Асқаров, А. Сапаллитепа. Т.»Фан», 1973. Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронза юга Узбекистана. Т.»Фан», 1977.
7. Заднепровский, Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, М «Наука», 1962.
8. Собиров К, Атамуратова Д. Марказий Осиё қадимги дунёси минтақавий ривожланишида Хоразм воҳасининг тутган ўрни.//ЎЗМУ, №3, 2011, с. 213.
9. Итина, М. А. Поселение Яккапарсон-2 (раскопки 1956—1959 гг) МХЭ, вып-6, 1963, с. 107—129.
10. Толстов, С. П. Древний Хорезм. М.»Наука», 1948, с. 70, рис. 7.
11. Вайнберг, Б. И. Памятники Куюсайской культуры //Кочевники на границах Хорезма. М.»Наука», 1979. Изучение памятники Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70—80-х годах //Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. Л, М.»Наука», 1991.
12. Асқаров, А. Ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи. Тошкент «Университет», 2007, Б. 117.

Тенденции роста культурно-технического уровня рабочего класса в Татарской АССР в 1950-х — в начале 1960-х гг.

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Татарстан)

Тухбатова Чулпан Илдаровна, учитель татарского языка и литературы
МБОУ «Ижевская СОШ» (г. Менделеевск, Татарстан)

Ключевые слова: ТАССР, рабочий класс, культурно-технический уровень, производительных сил страны, школы рабочей и сельской молодежи, среднее образование, квалифицированные рабочие, трудовые резервы, научно-техническая революция, основные потребности промышленности.

В 50-е годы повышение культурно-технического уровня рабочего класса являлось одной из главных проблем развития промышленности и производительных сил страны в целом. Особое значение эта проблема приобретала в связи с реконструкцией производства, с его техническим переоснащением, с массовым внедрением новой, все более сложной техники, новых технологических процессов, прогрессивными изменениями в самой структуре производства. Новые, еще более высокие требования к культурно-техническому уровню рабочего класса были предъявлены в связи с начавшейся, в пя-

тидесятых годах научно-технической революцией [23, с. 307].

В 50-е годы получила широкое развитие система, школ рабочей и сельской молодежи, в Татарии в. 1945/46 учебном году действовало 28 школ рабочей молодежи, в которых обучалось 5,4 тыс. человек. В 1958—1959 годах функционировало уже 69 школ рабочей молодежи, а контингент учащихся в них достиг 16,8 тыс. человек [23, с. 307].

С каждым годом увеличивалось число рабочих, получивших среднее образование. Если в 1947 г. школы

Таблица 1. Сведения Статистического управления Татарской АССР о росте численности рабочих и служащих в отраслях народного хозяйства Татарской АССР за 1940, 1950, 1951, 1955 годы [26]

Отрасли	Годы				1955 г. в % к	
	1940	1950	1951	1955	1940	1950
1. Рабочие и служащие (всего по республике)	347000	478000	503200	648730	187,0	135,7
2. Промышленность	107600	166700	177300	228222	212,1	136,9
3. Нефтяная	-	3655	4579	13470	-	368,5
4. Члены артелей промысловой кооперации	-	17663	19199	20157	-	141,9

Таблица 2. Сведения Статистического управления Татарской АССР о сети школ и училищ Управления трудовых резервов Татарской АССР и численности учащихся в них за 1950–1955 годы [27]

	Годы				
	1950	1951	1953	1954	1955
Всего школ и училищ в них учащихся	29 6868	23 5020	23 5477	44 10870	44 11831
Число школ ФЗО в них учащихся	10 1300	9 1116	9 1463	9 1503	10 1182:
Число ремесленных училищ, железнодорожных и специальных училищ в них учащихся	19 5568	14 3904	14 4014	14 3509	12 2928
Число технических училищ в них учащихся	-	-	-	10 1764	102519

Таблица 3. Сведения о подготовке молодых рабочих в учебных заведениях Татарского республиканского управления трудовых резервов (тыс. человек) [23, с. 109]

Годы	В технических училищах	В ремесленных и железнодорожных училищах	В школах ФЗО	Всего
1946–1950	-	15,1	14,8	29,9
1951–1955	0,8	9,3	7,5	17,6
1956–1958	5,9	4,6	5,1	15,6
Всего за 1946–1958	6,7	29	27,4	63,1

окончили 428, то в 1958 г. — 2723 молодых рабочих [24, с. 136].

В пятидесятых годах в связи с техническим прогрессом стала возрастать потребность промышленности в кадрах квалифицированных рабочих с высокой общеобразовательной подготовкой. К этому времени заметно выросла численность молодежи, оканчивающей среднюю школу. Увеличилась и тяга молодежи к производству. Таким образом, были созданы благоприятные возможности для подготовки из молодежи, имеющей среднее образование, рабочих высокой квалификации и младшего технического персонала. Учитывая эти обстоятельства, было принято решение о создании в системе государственных трудовых резервов технических училищ для подготовки на выпускников средних школ квалифицированных рабочих и младшего технического персонала по профессиям, требующим высокого общеобразовательного уровня [23, с. 309].

Приведенные выше данные свидетельствуют о повышении значения профессионально-технических учебных,

заведений в подъеме культурно-технического уровня рабочего класса республики. Однако они не могли в полной мере удовлетворить возрастающие запросы быстро развивающегося промышленного производства в квалифицированных кадрах. Поэтому главным источником обеспечения производства квалифицированными кадрами и основной формой повышения культурно-технического уровня и профессиональной зрелости рабочего класса оставалась система подготовки и повышения квалификации, рабочих непосредственно на производстве путем бригадного или индивидуального обучения, через систему специальных курсов и школ [23, с. 310].

В итоге проведенной работы основные потребности промышленности, строительства, транспорта и связи Татарии в кадрах рабочего класса были удовлетворены. Вырос общеобразовательный, квалификационный и в целом культурно-технический уровень рабочего класса республики, заметно повысился удельный вес представителей коренной национальности в его составе [23, с. 310].

Литература:

1. Абрамов, П. В. Татарская АССР/П. В. Абрамов. Казань, 1960. — с. 92–100.
2. Миннибаев, Б. И. Историческая роль Хрущевских реформ // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность. — РИО ПГСХА, 2008. — с. 171.
3. Миннибаев, Б. И. Количественные и качественные процессы изменения состава рабочего класса в Татарской АССР в начале 1950 — во второй половине 1960-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — №05 (52). — с. 128–130.

4. Миннибаев, Б. И. Культурно-бытовые условия рабочего класса в середине 1950-х — начале 1960-х гг. на примере Татарской АССР // *Zbiór raportów naukowych. Współczesna nauka. Nowe perspektywy.* (30.01.2014—31.01.2014) — Warszawa: Wydawca: Sp. z o. o. «Diamond trading tour», 2014. — 68—71 str.
5. Миннибаев, Б. И. Материальное обеспечение рабочего класса в ТАССР в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // *Научная перспектива.* — 2013. — с. 86—87.
6. Миннибаев, Б. И. Нефтедобывающая промышленность в Татарской АССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг // *Сборник научных трудов Sworld.* 2013. Т. 34. №2. с. 3—5.
7. Миннибаев, Б. И. Особенности количественного и качественного изменения рабочего класса в ТАССР в начале 1950 — во второй половине 1960-х гг // *Молодой ученый.* 2013. №4. с. 451—453.
8. Миннибаев, Б. И. Особенности социально-экономического потенциала в развитии промышленности Татарской АССР в середине 1950-х — начале 1960 х гг // *Naučno-issledovatel'skij žurnal №12 (19) 2013 Часть 2.* — с. 23.
9. Миннибаев, Б. И. Особенности социально-экономического развития районов Предволжья в ТАССР в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // *Научная перспектива.* — 2013. — №12 — с. 73—75.
10. Миннибаев, Б. И. Особенности развития культурно-технического уровня рабочего класса в Татарской АССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // *Наука в центральной России.* — 2013. — с. 139—141.
11. Минебаева, А. З., Миннибаев Б. И. Особенности развития сельского хозяйства в ТАССР во второй половине 1950-х-начале 1960-х гг.: животноводство // *Вестник магистратуры.* 2013. №6 (21). с. 7—8.
12. Миннибаев, Б. И. Особенности расселения населения в ТАССР в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // *Междисциплинарные исследования в науке и образовании.* — 2013. — №2Н.
13. Миннибаев, Б. И. Рабочий и служащий класс ТАССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг // *Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук.* 2013. №4 (25). с. 39—40.
14. Миннибаев, Б. И. Развитие промышленности в Татарской АССР в 1950—1960 гг. и её отражение в благосостоянии населения края // *В мире научных открытий.* 2010. №4—12. с. 62—63.
15. Миннибаев, Б. И. Социально-экономическое положение рабочего класса в Татарской ТАССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов // *Современные исследования социальных проблем.* 2013. №1 (13). с. 264—266.
16. Миннибаев, Б. И. Социально-экономические преобразования и их отражение на положении рабочего класса в ТАССР в начале 1950 — во второй половине 1960-х гг. // *Молодой ученый.* — 2014. — №2. — с. 642—644.
17. Миннибаев, Б. И. Социально-экономические преобразования Н. С. Хрущева в 1953—1964 гг // *Современные исследования социальных проблем.* — Красноярск, В мире научных открытий. 2009. — с. 121.
18. Миннибаев, Б. И. Социально-экономическое развитие районов в Татарской АССР в середине 1950-х — начале 1960 х гг. Северо-Восточное Закамье // *Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies.* 2013. №4—2 (11). с. 6.
19. Миннибаев, Б. И. Социально-экономическое развитие Татарской АССР в середине 1950-х — начале 1960-х гг. Восточное Предкамье // *Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы.* — 2013. — №1 (2013). — с. 19—21.
20. Миннибаев, Б. И. Существенные изменения в социально-экономическом положении рабочего класса в ТАССР в начале 1950-х — во второй половине 1960-х гг. // *Молодой ученый.* — 2014. — №1. — с. 298—300.
21. Миннибаев, Б. И. Тенденции количественного и качественного роста рабочего класса в середине 1950-х — в начале 1960-х гг. на примере ТАССР/Б. И. Миннибаев, Ч. И. Тухбатова // *Молодой ученый.* — 2014. — №3. — с. 716—718.
22. *Народное хозяйство Татарской АССР/Статистический сборник.* — Казань: Тат. кн. изд-во, 1957. — с. 123—124.
23. *Рабочий класс Татарии (1861—1980)/Редколлегия: З. И. Гильманов и др.* — Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. — с. 307—311.
24. *Татарская АССР за 40 лет/Статистический сборник.* Казань, 1960. — с. 109—136.
25. *50 лет Татарской АССР/Статистический сборник.* — Казань, 1970. — с. 136.
26. ЦГА ТАССР, ф. Р-1296, оп. 27, д. 19, л. 48.
27. ЦГА ТАССР, ф. Р-1296, оп. 27, д. 19, л. 51.
28. Minnibaev, B. I. Socio-economic development of the regions in the Tatar Autonomous Soviet socialist Republic in the mid-1950s — early 1960s Western zakamje // *Zbiór raportow naukowych. «Wplyw badan naukowych.* (28.04.2013—30.04.2013) — Bydgoszcz: Wydawca: Sp. z o. o. «Diamond trading tour», 2013. — 39—41 str.
29. Minnibaev, B. I. Cultural and technical level of the working class TASSR in the mid — 1950s — early 1960s // *Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 2nd International Academic Conference.* Vol. 1. March 8—10, 2013, St. Louis, Missouri, USA. 268—270 p.
30. Minnibaev, B. I. Socio-economic development of the regions of Tatarstan in the mid-1950s — early 1960s. South-eastern Trans-kama // *A person in the modern world.* — B&M Publishing San Francisco, California, USA. — 2013. — 74—78 p.

Баня для паломников Шахи-Зинды (XV век)

Насриддинов Шукрулло Назруллаевич, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

О важной роли бань в общественной жизни античного и средневекового города писали многие исследователи [1, с. 261–268]. Бани выполняли не только санитарно-гигиенические, но и лечебные функции, а также были своеобразными общественными клубами, где общались, отдыхали с трубкой и кофе, иногда проводя в бане целый день.

Считается, что общественные бани появились в Средней Азии не ранее VIII века, хотя для соседнего саанидского Ирана они известны уже в V веке [2, с. 307].

Для IX–X вв. на Афрасиабе открыто 6 бань, в том числе и крупный банно-прачечный комплекс, занимавший целый квартал [3, с. 16].

Средневековые письменные источники сообщают о самаркандских банях, принадлежащих Ходжа Ахрару: «Хамом-и-Ходжа Низамиддин» на базаре Мухаммад — Чап у ворот Аханин, «Хамом-и-кундалак (угловая баня) в квартале Хуне, баня в квартале Такачийан (подковщиков) и в махалле Ходжа Кафши [4, с. 104].

Для тимуридского времени на территории средневекового Самарканда археологически зафиксированы остатки бани на площади Регистан [5, с. 498–499], которую исследователи отождествляют с «баней Мирзы», описанной в Бабур-наме [6, с. 61], и баня, раскопанная Э.Ю. Буряковой на цитадели Тимура [7, с. 168–171]. Таким образом, открыт новый банный комплекс средневекового Самарканда, который представляет большой интерес, т.к. расположен рядом с ансамблем Шахи-Зинда, одним из важнейших мест паломничества и генетически с ним связан.

Баня, небольшая по размеру 11,80x11,80 м., расположена к западу от центральной дорожки, ведущей к входному portalу Шахи-Зинды.

Сохранилась западная часть здания, примерно половина (11,80x 6,30 м.). Восточная его часть разрушена при строительстве антикварных магазинчиков. Судя по фотографиям конца XIX века [8, л. 105], восточная граница здания проходила по линии западного края пилона входного portalа. Главный фасад, где находился вход, был обращен на восток к дорожке, ведущей от входного portalа ансамбля Шахи-Зинда на юг.

Сохранились три внешних стены бани. Они были сложены из жженого квадратного кирпича размером 25–26x 25–26 x 4,4–5,5 см на глиняном растворе толщиной 1,5–2 см, верхние части — на кыровом растворе. Западная стена: длина — 11,80 м; сохранность в высоту — 1,60–1,75 м, в средней ее части там, где находился вход в топочное помещение — до 2,55 м. Толщина стены — 0,55 м (верх) — 0,70 м (низ). Северная стена: сохранность в длину — 6,30 м; высота — 2,27 м (всего 33 ряда кирпичей, из них 17 верхних — на кыровом растворе). Южная стена: длина — 6 м; высота от 0,10 м до 1,66 м.

Верхняя часть стены (8 кирпичей) сложена на кыровом растворе.

Здание имеет два яруса: нижний подпольный, где располагались отопительная система, водоотвод, дымоход и верхний с резервуарами для воды, подсобными помещениями.

Верхний ярус. Обычно на этом уровне в крупных общественных банях располагаются — раздевальня (люнчи-хона), комната для мытья ног (пайшуй-хона), массажная комната, мыльные комнаты и т.д. [7, с. 167]. В данном случае, баня небольшая. По типологии, разработанной Л.Ю. Маньковской, ее можно отнести ко второму виду — бань с неполным составом [9, с. 69]. Установить состав помещений не представляется возможным в виду плохой сохранности здания. В сохранившейся части были открыты только резервуары для воды.

У западной стены располагается первый ряд резервуаров. Три больших резервуара (Р-1, Р-4, Р-5) и один маленький (Р-7).

Резервуар 1 (Р-1) имеет овальную форму. Размер: 4,40x1,70 м. Стенки резервуара сложены из жженого квадратного кирпича размером 25–26x25–26x5–5,5 см и обмазаны кыровым раствором. Использован также крупный прямоугольный кирпич размером 51x27x6,5 см; 35x6,6–7 см; 28x 6,5 см. Ширина стенок 0,30–0,44 м. Обмазка кыровым раствором имеет от 6 до 9 слоев. Ее толщина 0,3–1,4 см. Различен состав слоев обмазки. Первый слой за кирпичом — светло серого цвета и в его состав включен саман, остальные слои темно серого цвета без самана. Раствор, на котором сложены кирпичи, также содержит включения самана. Резервуар переставлялся. Он был уменьшен за счет перегородки, построенной в 0,70 м от южной стенки так, что длина резервуара сократилась до 3,10 м. Под резервуаром расположена камера топки (К-1). Таким образом, в резервуаре постоянно была горячая вода. От резервуара отходит, водоотвод из кубуров (длина кубуров — 0,35 м; диаметр — 9–10 см), который опускается вниз и идет в направлении на восток. Водоотвод прослежен на 4,85 м. При помощи этой системы, очевидно, горячая вода подавалась в восточную часть здания, где могли располагаться прачечная или умывальная комната.

Второй резервуар (Р-4) также ремонтировался из-за образовавшейся в дне трещины. Поврежденный участок перекрыли, построив дополнительную стенку восточнее поврежденного участка, и резервуар стал меньше. Размер резервуара: 3x 1,20 м.

Третий резервуар (Р-5) сильно разрушен. Размер: 2,80x 1 м.

Маленький резервуар (Р-7), размером 0,44x 0,34 м, мог служить для щелока и ароматических настоев [10, с.

243–244]. Глубина резервуара — 0,66 м. Стенки состоят из одного ряда кирпичей, поставленных на ребро и обмазанных с двух сторон кыровым раствором (общая толщина — 0,12 м).

Восточнее первого ряда, расположен второй ряд из двух крупных резервуаров (Р-2, Р-3) и одного маленького (Р-6). Размеры: 2,40х 1,20; 2,30х 0,80; 0,58х 0,51. Особый интерес представляет резервуар №2 (Р-2), в дно которого встроены хумы. Сохранилось 4 хума, всего их было шесть. Размер хумов: диаметр венчика — 0,35 м; диаметр дна — 0,30 м; высота — 0,64 м. Хумы расположены в два ряда вдоль западной стенки резервуара. Такая система подогрева при помощи хумов, открыта впервые и является особенностью данной бани. В стене за хумами открыто отверстие дымохода, заложено кирпичами.

Интересен также резервуар 3 (Р-3) в центре которого находится крупное отверстие диаметром 0,70 м, очевидно, место для котла, т. к. под отверстием расположена вторая камера топки (К-2). Котлы над топочными камерами известны в банях Ахсикента и Ташкента [11, с. 177].

Маленький резервуар (Р-6) сложен в виде ящика размером 0,58х 0,51. Глубина — 0,70 м. Сохранился также небольшой участок пола помещения (0,85х 0,46 м) из жженого квадратного кирпича размером 23х23х4,5 см (всего 7 кирпичей). Примерно посередине северной стены, на расстоянии 2,5 м от ее северо-западного угла открыт выступ стены на юг длиной 0,65 м и шириной — 0,75 м. Между этим выступом и продолжением северной стены и сохранился пол, зафиксированный на отметке — 0,22 м от нулевой. Стены в углу имеют обмазку из нескольких слоев: кыровый раствор толщиной 2 см, затем ряд кирпичей уложенных на ребро (размером 23х23х4,5 см), слой кырового раствора (2 см), слой серого цвета с саманом (0,5 см), желтая штукатурка (0,5 см). Затем идет еще один слой кыра и желтой штукатурки. Сохранность обмазки в высоту 0,34–0,60 м., она опускается ниже уровня пола на 0,33 м, т. е. пол из жженого кирпича является вторичным. Между слоями штукатурки была обнаружена майоликовая плиточка со следами кырового раствора на внутренней стороне.

Нижний ярус. На этом подпольном уровне были расположены очаг-хона, отопительная система, водоотвод, дымоход.

Топка. Топка состоит из двух овальных камер, соединенных каналом. Вход в топочную камеру находился с западной стороны. Перед входом открыто небольшое помещение очаг-хона размером 2,60х 1,90 м. Вход шириной 0,66 м ведет в топочную камеру №1 (К-1). Камера овальной формы, размером 1,57х 1,08 м. Высота — 1,85 м. Потолок камеры сводчатый. Дно — округлое, земляное,

расположено ниже уровня порога камеры на 0,18 м. Камера сложена из жженого кирпича. Стенки сильно обожжены. От камеры 1 идет сводчатый коридор, расширяющийся к камере 2 (К-2). Камера округлой формы, размером 1,13х 1,10 м. Высота — 1,22 м. В верхней части имеет круглое отверстие диаметром 0,60 м, которое расширяется кверху до 0,70 м. Очевидно, оно служило для установки котла. Камера имеет выход к востоку в виде небольшого коридора шириной 0,54 м и длиной 0,84 м.

Общая протяженность этой системы, вытянувшейся по центральной оси здания с запада на восток, четыре метра. Ближайшей аналогией нашей топки является топка бани XIV–XV вв., раскопанная Э.Ю. Буряковой на цитадели Тимура [7, с. 169].

Дальше к востоку расположены подземные помещения, представляющие собой, широко известную еще с античного времени [12, с. 180–181], систему гипокауст — кирпичных столбов, регулирующих движение горячего воздуха внутри помещений. Всего открыто три помещения с гипокаустами: одно в центральной части и два по бокам. Они соединялись друг с другом каналами в средних стенах. Обнаружены также специальные заслонки для регулирования тяги — это крупные прямоугольные кирпичи размером 50–51х25х6,6–7 см. Интересны столбики, перекрытые арочками, открытые у северной стены. Они разного размера и понижаются в восточную сторону. На эти арки опирался пол верхнего помещения.

Выход дымохода был зафиксирован в С-З части между маленьким резервуаром (Р-7) и стенкой крупного резервуара (Р-5). Ширина канала — 0,22 м. Он опускается вниз на 0,48 м идет прямо на юг — 1,32 м, затем под прямым углом поворачивает на восток и выходит под хумами резервуара №2. Сверху дымоход был перекрыт жжеными кирпичами размером 25х25х5 см.

Ввиду плохой сохранности бани не удалось проследить, каким образом и откуда подавалась холодная вода. На разрушенных стенках резервуара №2 были обнаружены остатки небольших кубуров, очевидно, служивших для подачи холодной воды. Система эта проходила внутри стен. Внутренние трубопроводы из мелких кубуров были открыты в Ахсикенте [11, с. 176]. Датировка бани определяется анализом строительного материала и архитектурного декора, так как керамика и единственная монета происходят из переотложенных слоев. Расположение бани, к западу от центральной дорожки, также говорит в пользу датировки, т. к. местоположение ее согласуется с общим планом построения композиции входного портала Шахи-Зиды времени Улугбека. Таким образом, впервые открыта баня, сооруженная специально для паломников.

Литература:

1. Якобсон, А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Средневековые бани Херсонеса. // СА, VIII, 1946.
2. Беленицкий, А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

3. Вяткин, В. Л. Городище Афрасиаб. Самарканд, 1927.
4. Чехович, О. Д. Самаркандские документы XV—XVI вв. // Памятники письменности Востока, XXXI, М., 1974.
5. Ерназарова, Т. С., Бурякова Э. Ю., Брусенко Л. Г. Раскопки в Самарканде // АО 1974 г., М., 1975.
6. Бабур-намэ, Ташкент, 1958.
7. Бурякова, Э. Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ вып. 20, Ташкент, 1986.
8. Gorschenina, S. La route de Samarcande, Geneve, 2000.
9. Маньковская, Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.), Ташкент, 1980.
10. Пугаченкова, Г. А. Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1946.
11. Анарбаев, А. А., Ахраров И. А Баня средневекового Ахсикента // ИМКУ вып. 25, Ташкент, 1997.
12. Немцева, Н. Б., Сапаров Н. Ж. Банный комплекс Рабат-и-Малика // ИМКУ вып. 33, 2002.

Правовые основы столыпинских аграрных преобразований начала XX века

Пяткина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель;

Денисова Кристина Николаевна, студент;

Корчагин Александр Игоревич, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации (Республика Мордовия)

В статье проанализировано законодательство Российской империи, послужившее основой для проведения столыпинской аграрной реформы, а также основные результаты его применения.

Ключевые слова: аграрная реформа, община, переселенческая политика, земельные отношения, крестьянский поземельный банк.

Революционные события в России 1905–1906 гг. обострили земельный вопрос, который не смогла решить реформа 1861 года. Так как сельское хозяйство для Российской империи являлось основной отраслью экономики. Правительство под руководством П. А. Столыпина было вынуждено провести аграрную реформу, вошедшую в историю под именем столыпинской. Целью реформы являлось уничтожение общинного землевладения и создание крепких единоличных самостоятельных крестьянских хозяйств, а также перестройка всего сельского хозяйства на капиталистический уклад. Программа реформ включала в себя: передачу наделных земель в собственность крестьян, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях. Решение проблемы малоземелья крестьян и создание зажиточного слоя собственников на селе, по замыслу авторов реформы, должно было снять «массовое недовольство на селе», а так же ускорить процесс интеграции крестьянства в рыночную экономику страны.

В начале XX в. Россия находилась в глубоком экономическом и политическом кризисе, который особо остро ощущался в промышленности и сельском хозяйстве. Начало столыпинских аграрных преобразований тесно связано с именным указом от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который был издан в порядке 87-й статьи Основных законов Российской империи, позволявшей правительству принимать меры законодательного характера (в перерывах между сессиями Думы с последующим

их внесением на ее утверждение). Указ от 9 ноября 1906 г. провозгласил, что крестьяне могут свободно выходить из общины и требовать от односельчан выделения им наделной земли с последующим оформлением ее в личную собственность. Так же указ позволил отвод укрепленной земли к одному месту с целью образования отрубов или хуторов. Крестьянская община была обязана удовлетворить требование об укреплении земли в личную собственность домохозяина, а в случае уклонения от исполнения или затягивания этого вопроса укрепление производилось губернской администрацией [6, 36].

10 мая 1907 г. П. А. Столыпин выступил в Думе со своей знаменитой речью, содержащей развернутую программу реформ. Своим законодательством П. А. Столыпин открыл возможность для выхода крестьян из общины на основе добровольного выбора, хотя его симпатии были всецело на стороне зажиточного крестьянина — собственника земли [4]. 14 июня 1910 года Правительство издает закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» [3]. Согласно данному закону все общинные земли, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей, признавались перешедшими к участковому или подворному наследственному владению. При этом владельцы укрепленных участков сохраняли право пользования сенокосными, лесными и другими непеределываемыми угодьями (мирской усадебной землей, сельскими сервитутами). «Положение о землеустройстве» от 14 июня 1910 года предусматривало что требования применялись ко всем землям, принадлежащим, независимо

от способа их приобретения, т. е. всем поземельным организациям Российской империи [9].

С началом проведения аграрного законодательства в жизнь на местах проявилось резкое отрицание крестьянской общиной тех, кто хотел ее «покинуть» и укрепить землю в единоличную собственность. Против разрушения системы общинного землевладения выступили крестьяне-бедняки, которые обычно выдвигали предложения и требования на сельских сходах. Для них крестьянская община и система общинного землевладения являлась своеобразным гарантом от полного разорения и обнищания. Принудительные решения разрешавшие крестьянам выход из общины с землей, при поддержке земских начальников, нередко выражались в антиправительственных выступлениях крестьянского общества. Аграрные волнения с весны 1906 г. возобновились с большей силой, к моменту роспуска I Думы количество инцидентов достигло исторического максимума. 1906 г. оказался неурожайным. Правительство интенсивно оказывало дорогостоящую продовольственную помощь, которую сельское население, привыкшее считать ее обязательным подарком («царевым пайком»), принимало без благодарности. Ситуация продолжала оставаться неопределенной. Хотя правительство уже подготовило (или активно готовило) основополагающие документы реформы, последующие события могли развиваться различными путями.

Разрушая общину, правительство рассчитывало создать хуторские и отрубные хозяйства и придавало этому процессу особое значение. Создавать такие хозяйства было решено двумя способами: разверстанием на хутора и отруба земли, перешедшие в распоряжение Крестьянского поземельного банка, проводить землеустроительные работы на надельных землях путем отвода лучшей общинной земли под хуторские и отрубные участки. Таким образом, основой деятельности землеустроительных комиссий являлось насаждение хуторов и отрубов на надельных, банковских и казенных землях. Большими препятствиями в процессе быстрого перехода к хуторским хозяйствам был низкий культурный уровень крестьян, их косность и привязанность к векам сложившемуся укладу, а также плохая организация агрономической помощи [7].

Впервые годы проведения аграрной реформы покупка земли крестьянами происходила не так активно, как хотелось бы правительству. Несмотря на то, что в деревне сохранялось острое малоземелье, крестьяне не спешили с покупкой земельных угодий посредством Крестьянского банка. Это было вызвано тем, что крестьяне не ждали «прирезки» к своим наделам и более низкой стоимости земли. Кроме того, общинники были достаточно враждебно настроены по отношению к покупателям земли через банк [2, 73].

В 1907 г. был создан Комитет по землеустроительным делам, в функции которого входили полномочия разрешения вопросов землеустройства в масштабах всей Рос-

сийской империи. В губерниях создавались и действовали губернские землеустроительные комиссии, в ведении которых находились вопросы организации землеустройства.

Столыпинское реформирование в аграрной сфере проводилось сверху, в интересах меньшинства крестьянства, поскольку из общины вышла меньшая ее часть. Нежелание большинства крестьян выходить из общины в значительном числе случаев касалось хозяйствования их односельчан. Своими решениями они стремились воспрепятствовать выходу из общины соседей, насильственно удерживать их в ней. Эти нежелания и возражения не могут быть положены в основу оценки столыпинского реформирования как антикрестьянского.

С 1906 по 1915 гг. 2,8 млн. крестьянских хозяйств заявили о закреплении земли в собственность (30% их общего числа). Закреплена земля была за 2,0 млн. хозяйств (22%), которым отошло в собственность 13,9 млн. десятин, или 16% от всей надельной земли [5, 89]. Для того чтобы ускорить ход аграрной реформы и способствовать увеличению частного землевладения крестьянских хуторов и отрубов правительство учредило в 1882 году Крестьянский поземельный банк. Банк являлся правительственным учреждением и находился в управлении Министерства финансов. В системе столыпинской земельной реформы Банку была отведена весьма важная роль: обеспечение возможности крестьян единоличников покупать и соответственно увеличивать земельный надел.

В Указе 3 ноября 1906 года на банк была возложена задача «оказывать крестьянам возможно более широкую помощь как путем выдачи ссуд для покупки земли, так и усилением операции по приобретению земель за счет собственных средств Банка». Также Крестьянский Банк должен был способствовать «прочному насаждению в среде крестьянского населения единоличной собственности на землю как основы преобразования хозяйственного уклада сельской России» [8].

Следует отметить, что основной задачей стоящей перед Крестьянским поземельным банком являлось обеспечение помещикам наиболее выгодных условий продажи их земель крестьянам, т. е. банк выступал в роли посредника в совершении сделки купли-продажи. Перед отделением банка на местах ставилась задача — всеми способами способствовать созданию в деревне крепкого слоя зажиточных хозяев путем насаждения хуторов и отрубов на банковских и казенных землях. Одним из главных направлений деятельности банка было ограничение продажи земли сельским обществам и товариществам и расширение продаж земли единоличным хозяевам. Кроме того, банк выдавал крестьянам-единоличникам на более выгодных условиях ссуды для приобретения земли. Последние получали от банка ссуду в размере 90% от стоимости приобретаемых ими угодий, при покупке земли отрубным участком — 95%, хутором — 100% [1].

Важное место в аграрной реформе П. А. Столыпина отводилось переселению крестьян на окраины страны. Это была попытка правительства разрядить земельную тес-

ноту путем предоставления участков в Сибири и азиатской части России. Впервые закон о льготном переселении был применен в 1905 г.: правительство «открыло» переселение из Полтавской и Харьковской губерний, где крестьянское движение было особенно широким. Массовое переселение крестьян на восточные окраины страны было одним из важнейших направлений реформы. Переселенцы освобождались на длительное время от налогов, получали в собственность участок земли, денежное пособие — 200 руб. на семью; мужчины освобождались от воинской повинности. Эти и другие правительственные мероприятия подтолкнули переселенческий процесс особенно сильно. Статистика того периода убедительно показывает, что этот процесс был массовым и целенаправленным.

Проведение столыпинской аграрной реформы изменило соотношение в земледелии между группами хозяйств и их роль в экономике Российской империи: уменьшился средний размер латифундий из-за сокращения помещичьего землевладения, укрепились позиции капиталистических хозяйств, твердые позиции заняло фермерское

хозяйство. Товарное земледелие становится основной сырьевой базой для местной промышленности. Столыпинская аграрная реформа не уничтожила разрыва между землевладением и землепользованием, между старыми формами земельной собственности, частично сохранившими черты сословности, и капиталистическим содержанием хозяйственной деятельности. Его особенно остро чувствовало общинное крестьянство, которое фактически обрабатывало, чуть ли не вдвое больше земли, чем владело им юридически [6, 37].

Нельзя не отметить и то, что данная реформа способствовала повышению культуры производства, развитию производительных сил сельского хозяйства, прогрессивным изменениям в формах хозяйствования и структуре производства. Так, при столыпинском реформировании в России начался бурный рост сельскохозяйственных кооперативов. Однако, несмотря на достигнутые к началу XX в. успехи в промышленном развитии, Россия продолжала оставаться страной с резким преобладанием аграрной экономики.

Литература:

1. Батурицкий, Д. А. Аграрная политика царизма и Крестьянский поземельный банк. М., 1925.
2. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. Деятельность Крестьянского поземельного банка в Симбирской губернии в процессе реализации Столыпинской аграрной реформы // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). с. 72–77.
3. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. с. 1272–1287.
4. Зеньковский, А. В. Правда о П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1956.
5. Иконичкая, И. А. Земельное право Российской Федерации. М., 2006.
6. Котляров, С. Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 6. с. 36–38.
7. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917 гг.): дисс.... кандидата истор. наук. Саранск, 2005.
8. Обзор деятельности Крестьянского Поземельного Банка за 1906–1910 гг. СПб, 1911.
9. Свод Законов Российской империи. Том 10. Землеустройство. Сборник законов и распоряжений. СПб., 1914. с. 1–126.

Сельское хозяйство ТАССР в 1950-е годы в колхозе «Кызыл яр» Арского района

Салимов Данис Дилфарович, аспирант, преподаватель истории и обществознания
Казанский (Приволжский) федеральный университет, школа №134 (г Казань)

Статья посвящена сельскому хозяйству в период 1950 гг. Статья рассказывает о кризисной ситуации в сельском хозяйстве ТАССР на примере коллективного хозяйства «Кызыл яр» Арского района.

Ключевые слова: коллективное хозяйство, «Кызыл Яр», Арский район, протокол, ТАССР, палочки.

В наиболее тяжелых условиях в 1950 годы происходило восстановление производственного потенциала деревни.

В сельском хозяйстве ощущалась острая нехватка буквально всего: техники, лошадей, семян, кормов. В колхозе

Кызыл Яр «сельскохозяйственная техника, находилась на ремонте, была в нерабочем состоянии» [Протокол №1 партийного собрания Арского района 14. 02. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 1об]. «И з 430 гектаров было засеяно 300 гектаров, не хватало семян, овощей, овощи

никто не поливал водой» [Протокол №5 партийного собрания Арского района 19. 05. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 4].

В послевоенный период многое в коллективных хозяйствах зависело от умелого руководства председателя колхоза. «Если председатель спит то и работа не идет» [Протокол №1 партийного собрания Арского района 14. 02. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 1об].

В сельском производстве не хватало сильных мужских рук. Большая часть крестьян погибла на фронте во время Великой Отечественной войны или вернулись домой не трудоспособными инвалидами. Большая часть крестьян оседала в городах, и не желала возвращаться к бесплатному крестьянскому труду.

«Работа шла плохо» [Протокол №4 партийного собрания Арского района 3.04. 1950 г.// НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 3 об]. «Картофельное и овощное поле заросло сорняками убирать не кому» [Протокол №7 партийного собрания Арского района 20. 07. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 5об].

«170 учащихся школы работали в поле и очищали картофель от сорняков» [Протокол №12 партийного собрания Арского района 12. 02. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 11].

Несмотря на тяжелейшие условия жизни в деревне колхозники помогали друг другу через кассу взаимопомощи.

«При строительстве дома колхозника Насибуллина Шаймуллы из кассы взаимопомощи взяли 600 рублей» [Протокол №7 партийного собрания Арского района 20. 07. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 6].

Первое послевоенное пятилетие для сельского хозяйства было крайне неблагоприятным. Урожай оказался вдвое меньше, довоенного это привело к массовому голоду в деревне. Также засушливым был 1949 год.

В деревне с оскудевшей материально технической базой, трудно было противостоять природным катаклизмам.

«У члена колхоза Шакирова зимой погибли пчелы, и-за этого колхоз понес большие расходы» [Протокол №1 партийного собрания Арского района 20. 07. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30л. 1об].

В тяжелом состоянии находилось животноводство. Средние надои молока составляли 800—900 килограммов.

«Члену колхоза Закирову из-за гибели 54 коров, пришлось вместе с колхозниками написать объяснительную и подписать ее и за того что осталось всего 17 коров» [Протокол №6 партийного собрания Арского района 8. 06. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30л. 6].

Деревня находилась в жестких руках аграрной политики сталинского руководства. Заготовительные цены на продукцию колхозов были намного ниже затрат на производство и позволяли вести не рентабельное хозяйство.

Планы устанавливались из потребностей государства, а не возможностей села.

«Среди 55 колхозов это был самый отстающий колхоз. Хлеб государству сдавал очень плохо» [Протокол №5

партийного собрания Арского района 19. 05. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 8].

Сохранялся обязательный повышенный уровень трудодней. За его невыполнение крестьян подвергали уголовному наказанию и могли лишить приусадебного участка. «Ганиятуллина Галима из-за пьянства 5 дней не выходила на работу ее решили отдать под суд. Учительница Гиятуллина Каюма нарушила устав колхоза, и скосила сена на колхозной земле 0,13 гектаров». [Протокол №11 партийного собрания Арского района 6. октября. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 6].

В первые послевоенные годы произошло резкое снижение ценности трудодня по сравнению с довоенным. Неслучайно трудодни в народе называли «палочками».

Колхозники по ним что-то получали, но только после того как хозяйство рассчиталось с государством.

подавляющую часть доходов составляли личные подсобные хозяйства. Поэтому участились случаи воровства колхозной собственности и уклонение от работы, превышение служебных полномочий.

«На колхозном поле где, находились пчелы украли 12 рам с медом, поэтому по поводу участковый милиционер Марданов составил акт» [Протокол №12 партийного собрания Арского района 12. октября. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 11 об]. «Во время посевной украли 10 центнеров зерна, чтобы потом продать за деньги». [Протокол №13 партийного собрания Арского района 29. 05. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 5]. «На картофельном поле осталось очень мало картофеля» [Протокол №5 партийного собрания Арского района 19. 05. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 4об].

«Зарипова Малика без разрешения на служебной машине поехала на рынок». [Протокол №12 партийного собрания Арского района 13. 11. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30л. 14].

В колхозе квалифицированных специалистов.

«Кузнец Лукоянов Николай из — за пьянства решил взять больничный и уйти в отпуск. На больничный и в отпуск его не отпустили». «В деревне также не было старшего конюха». [Протокол №8 партийного собрания Арского района 6. 09. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 6об,7].

Большей части колхозников в 1950 годы не давали паспорта.

«Мухамадинова Закия просила разрешения, чтобы ей выдали паспорт, решили в выдаче паспорта ей отказать». [Протокол №15 партийного собрания Арского района 7. 12. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 29л. 16об].

Из за кризисного положения коллективное хозяйство решило взять ссуду.

«Взять ссуду у госбанка и сельскохозяйственного банка на сумму 8500 рублей» [Протокол №2 партийного собрания Арского района 14. 02. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30л. 4об].

Поголовье скота из-за не урожая еще раз уменьшилась.

«Осталось 2 лошади, 5 коров, 30 овец»». [Протокол №7 партийного собрания Арского района 13. 11. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30 л. 12 об].

Хотя главная задача в области хозяйства по повышению урожайности всех сельскохозяйственных культур и дальнейшее увеличение поголовья скота, при одновременном значительном росте его продуктивности, увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства оказалось не выполненной.

Земледелие не стало более продуктивным и квалифицированным, с развитым травосеянием и правильными севооборотами, более высоким удельным весом посевных площадей технических, кормовых, овощных культур картофеля.

Постепенно в 1950 году в колхозе начали внедрять машинно-тракторные станции. «Для того чтобы тракторам

была работа колхоз заключил договор с МТС»» [Протокол №2 партийного собрания Арского района 14. 02. 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30 л. 3 об].

Обеспечить выполнение сталинской политики в деревне были призваны сельские партийные организации. В МТС была введена должность заместителя директора по политической части.

Применение принудительных мер не приводило к улучшению дел в сельском хозяйстве.

В 1950 большая часть колхозов в республике не смогла выполнить непомерные государственные задания по поставкам сельскохозяйственной продукции.

Сельское хозяйство республики переживало кризис.

Он был характерен для аграрного сектора экономики страны в целом.

Литература:

1. Протокол партийного собрания колхоза «Кызыл яр» Арского района ТАССР 19540 г. // НАРТ ф. Р-586 д. 29 л. 20 об.
2. Протокол партийного собрания Колхоза «Кызыл Яр» Арского района ТАССР 1950 г // НАРТ ф. Р-586 д. 30 л. 23 об.

Природно-производственный потенциал Татарской АССР в части выполнения программ продовольственного обеспечения населения г. Казани в 1953–1964 годах

Ульянова Оксана Валерьевна, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Республика Татарстан)

В статье рассмотрены региональные аспекты агропромышленного комплекса Татарской АССР, факторы ограничений при выполнении государственных задач роста продовольственного обеспечения населения. Указанный период сам по себе оказался на периферии исследовательского процесса, а продовольственный вопрос конкретного региона подробно не изучен. На основе значительного фактического материала автор отмечает непосильные задачи в части сельского хозяйства, неосуществимые в требуемые сжатые сроки при слабой материально-технической базе и недостаточном финансировании и их последствия.

Ключевые слова: Татарская АССР, агропромышленный комплекс; семилетняя программа; совхоз, механизм реализации продовольственной политики.

Целью данной статьи является характеристика природно-производственного потенциала Татарской АССР в период середины 1950-х — начала 1960-х годов как основы выполнения программ продовольственного обеспечения населения в местном локальном контексте.

Татарская АССР участвовала в общей планово-распределительной системе продовольственных ресурсов. Указанная система предполагала прямую зависимость распределения продовольственных фондов от выполнения плана государственных закупок сельскохозяйственной продукции, при перевыполнении плана поставки увеличивались, при невыполнении — снижались, то есть продовольственное снабжение города Ка-

зани зависело от итогов работы сельскохозяйственной индустрии. Второй детерминантой потенциала продовольственного обеспечения населения города Казани являлось состояние предприятий пищевой индустрии — рыбо-, мясо-, молокоперерабатывающих предприятий.

Официально Н. С. Хрущевым был избран путь экстенсивного развития сельского хозяйства, результатом которого должен стать высокий рост урожайности и развития пищевой индустрии. Механизм реализации реформ предполагал неукоснительность их исполнения. Так, к 1965 году семилетним планом предусматривался следующий уровень производства сельскохозяйственных продуктов в Татарской АССР:

- сахарной свеклы — в 2,4 раза, чем в 1958 году
- масличных культур — в 3,6 раза больше
- картофеля — на 50 процентов больше
- овощей — в 2,4 раза больше
- мяса в 1,8–1,9 раза
- яиц — в 1,9 раза больше.

Очевидно, что на реализацию советской политики в области питания на региональном уровне, в частности, в г. Казани Татарской АССР, влияли экономические, национальные и другие особенности и традиции, а также возможности аграрно-промышленного комплекса.

В начале принятия семилетней программы развития власти Татарской АССР пытались решить вопрос с научной точки зрения достижения долговременных результатов. В рамках Татсовнархоза формировались секции управления пищевой промышленности с участием представителей научных кругов Татарской АССР.

Так, определено, что к началу семилетней программы Татарская АССР занимала обширную территорию с весьма разнообразными природными условиями. Они позволяли выращивать почти все сельскохозяйственные культуры, возделыванием которых занимаются в умеренном климатическом поясе нашей страны. В южных районах республики потенциалом высоких урожаев являлись пшеница, сахарная свекла, конопля, подсолнечник, в северных — рожь, картофель, лен, овощи. Определялось наличие возможностей получения высоких урожаев кукурузы, многолетних и однолетних трав, других кормовых культур. Республика отличалась большим разнообразием почв, начиная от дерново-подзолистых в северной части и заканчивая черноземными — на юге и юго-востоке. Климат характеризовался резкими колебаниями температур в летнее и зимнее время [5, с. 41–45].

Вместе с тем в республике крайне неравномерно распределялись осадки. Среднегодовая сумма осадков колебалась от 380 до 510 мм. Эти обстоятельства нельзя было не учитывать при составлении семилетнего плана развития сельского хозяйства.

По архивным документам на заседаниях Татсовнархоза отмечался недостаточный учет сельскохозяйственными и планирующими органами республики особенностей природно-климатических зон при составлении сводных планов, планировании заготовок сельскохозяйственной продукции. В целях исполнения обезличенных центральных директив, упор делался на расширение посевов зерновых культур, без учета удовлетворения потребностей растущего животноводства в кормах. При этом в исследуемый период республика не располагала практически никакими резервами пашни, наоборот, эти площади уменьшились вследствие затопления некоторой части земель волжским водохранилищем и за счет передачи земель для развития нефтяных месторождений [15, ед. хр. 18, л. 2].

В республике наблюдался один из самых низких уровней доходности колхозов. Несмотря на это планы обязательных государственных поставок были выше, чем в со-

седних регионах и автономных республиках. В районах ТАССР, расположенных севернее Камы, твердые ставки оплаты тракторных работ по зерновым культурам были почти в два раза выше, чем в граничивших с ними и имевших одинаковые природно-климатические условия районах Удмуртской, Марийской, Чувашской АССР и Кировской области. К примеру, в ТАССР они составляли по пахоте 65 кг зерна с одного га, в то время как у соседних республик — 35 кг [17, д. 138, л. 149].

Как известно, планово-распределительная экономика СССР предполагала планирование и выделение продовольственных фондов. Произведенная продукция растениеводства и животноводства сдавалась государству по плану государственных закупок, использование своей же произведенной продукции было невозможно. В архивах партийных документов сохранилось обращение партийных органов Татарской АССР о ненормальном положении рыночного фонда мясо-молочной продукции для Татарии, что создает трудности в снабжении городского населения. Причинами назывались необоснованные расчеты при планировании показателей, не учитывающие быстрые темпы роста населения, особенно в нефтяных районах республики. За два года семилетнего плана развития в Татарии созданы новые нефтяные центры в городах Елабуге и Мензелинске, началось строительство Нижне-Камского химического комбината, осуществлен полный разворот строительного-монтажных работ на площадке Заинской ГРЭС и т.д. За истекшие три года семилетки население города увеличилось на 125,5 тыс. чел., повышенные требования предъявляются и к снабжению рабочих совхозов, не имеющих в личном пользовании продуктивного скота [18, д. 6474, л. 22].

Невзирая на производственный потенциал республики, плановые показатели должны быть выполнены, так как от этого зависело продовольственное и непродовольственное снабжение республики.

Власти Татарской АССР увеличивали капиталовложения в сельское хозяйство республики. Так, в 1953 году капиталовложения составили 2300 тысяч рублей, в 1962 году — 57397 тысяч рублей. К 1963 году были электрифицированы все совхозы, в 1953 году количество электрифицированных совхозов составляло только 16,5 процентов, в 1962 году — 86 процентов [10, с. 8–13]. Несмотря на потраченные усилия, многие работы, особенно в животноводстве, так и выполнялись вручную. Так, к 1963 году водоснабжение на фермах крупного рогатого скота было механизировано только на 44 процента, на свиноводческих — на 41 процент, из 300 доильных площадок, имеющихся в колхозах и совхозах, смонтировано и действует только 100 [1, с. 11–19]. С учетом успехов в ряде хозяйств, общий план урожайности в ТАССР выполнялся только на 88,1 %, не выполнялись планы по росту валового и товарного выхода мяса, шерсти и яиц [9, с. 34].

Во исполнение решений пленумов ЦК КПСС коммунисты переходили на работу в сельское хозяйство. Так, в 1955 году вместе с коммунистами 865 комсомольцев

с предприятий и учреждений городов Казани, Зеленодольска и Чистополя перешли на работу в сельское хозяйство [20, д. 278, л. 15]. К середине 1956 года на работу в животноводство по комсомольским путевкам направлено 16542 молодых колхозника, благодаря чему в значительной степени был решен вопрос об укомплектовании кадрами животноводства.

Неукоснительно выполнялись любые, даже нелогичные решения ЦК КПСС. Так, в постановлении ЦК ВКП (б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [3, с. 500] отмечалось, что мелкие колхозы не могут успешно развивать общественное хозяйство, производительно использовать тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины. Потребности развития колхозов якобы вызывали необходимость их укрупнения, которое началось еще в довоенные годы, но было прервано войной, и снова развернулось с восстановлением сельского хозяйства. В Татарской АССР наблюдается рост числа совхозов в этот период, при этом не были учтены ни возможности, ни ожидаемые экономические результаты. Совхозы создавались путем преобразования экономически слабых колхозов. С 1953 по 1960 годы в республике было преобразовано 295 колхозов [8, с. 115]. Наряду с этим в конце 50-х — начале 60-х гг. число колхозов увеличивалось за счет разукрупнения некоторых совхозов и преобразования в специализированные хозяйства по производству овощей, картофеля и других продуктов колхозов пригородных зон [11, с. 128].

Несмотря на рост числа совхозов и рост показателей по совхозам, приведенным в справочниках «Народное хозяйство», в тех же справочниках видно, что экономический вклад от совхозов ниже, чем от колхозов (таблица 1).

Таким образом, большинство новых совхозов, созданных на базе экономически отсталых колхозов, не могли сразу повысить уровень сельскохозяйственного производства. В итоге совхозы страны за 1954–1965 гг. не улучшили качественных показателей работы, а по урожайности и продуктивности скота даже снизили их.

Многие совхозы вели хозяйство убыточно. Так, в 1962 году из 56 совхозов только 22 работало рентабельно [19, д. 49, л. 7–8]. В совхозах была высока се-

бестоимость продукции, имелись серьезные недостатки в организации производства и труда. В новых совхозах, созданных на базе экономически отсталых колхозов, невозможно было за короткий срок осуществить обоснованную концентрацию и специализацию производства. Например, в совхозе «Комсомольский» в 1962 году крупный рогатый скот содержался в 22 населенных пунктах, в том числе коровы — в 16, откормочное поголовье — в 14, телки — в 13 [19, д. 49, л. 138]. Это произошло потому, что при организации совхоза на базе колхозов произошло механическое соединение нескольких хозяйств без соответствующей организации труда и производства. Аналогичное положение наблюдалось и в других совхозах. Отсутствие должной концентрации производства вело к перерасходу средств на содержание излишнего административно-управленческого персонала. Хотя производство валовой продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий в 1962 году составило 13420 руб. против 8850 в 1958 году, совхозы имели большие убытки [19, д. 51, л. 74–75].

Таким образом, процесс укрупнения и преобразования колхозов в совхозы привели к созданию громоздких, трудно управляемых, нерентабельных хозяйств, результаты деятельности которых не оправдали ожиданий вследствие их реорганизации.

Отрицательно сказывались на развитие совхозного производства низкие заготовительные цены, частые реорганизации, недостатки в планировании, строгая регламентация хозяйственной деятельности.

В большинстве колхозов посев производились семенами низкого качества, в 1957 году в 920 колхозах, что составляло 50% от их общего числа, не хватало собственных семян, а их покупка отражалась на доходах. Из-за низкого уровня агротехники более половины посевов не бороновались, подкормка минеральными удобрениями почти не производилась, в результате чего не выполнялись планы по государственным поставкам зерна, овощей, подсолнечника, сахарной свеклы. Неблагоприятная ситуация сложилась в животноводстве и птицеводстве. Если на октябрь 1953 г. в республике было 1005 тыс. голов птиц, то в 1956 г. 388 тыс. голов. В результате за четыре года после сентябрьского (1953 г.) пленума, на котором в числе других важнейших аграрных реформ

Таблица 1. Государственные закупки скота и птицы, молока и яиц [5, с. 154–155]

Государственные закупки	1950	1955	1960	1965
Скот и птиц, тыс. тонн	29,3	45,9	124,9	121,4
В т. ч. в колхозах	11,6	29,4	77,2	79,1
В совхозах	4,9	8,5	34	37,4
Молоко, тыс. тонн	104,9	137,9	380,6	517,2
В т. ч. в колхозах	32,8	86,1	239,8	353,5
В совхозах	11,7	21,4	107,1	136,7
Яйца, млн. шт	36,3	47,9	125,9	153,4
В т. ч. в колхозах	8,5	12,9	55,2	67
В совхозах	2,5	3,6	22,5	34,5

были приняты существенные меры по улучшению положения в животноводстве, Татарская АССР ни по одному отраслевому виду не выполнила планов заготовок и государственных поставок. Более 30% колхозов не справлялись с выполнением государственных заданий и числились отстающими [2, с. 39].

Республиканские власти пытались выйти из положения хотя бы за счет снижения потерь мясозаготовок, разрабатывая мероприятия по борьбе с потерями мяса в период транспортировки скота на мясокомбинаты и убойные пункты [15, ед. хр. 1, л. 8]. Правда, в документах не приведены конкретные мероприятия, параметры решений сводятся к озвучиванию необходимости разработки мер.

Вопросы развития сельского хозяйства систематически обсуждались на пленумах обкома и райкомов КПСС, республиканских и районных партийных активах, совещаниях, партийных собраниях в колхозах и совхозах.

Бюро обкома КПСС, Совет Министров ТАССР призывали колхозников, работников МТС и совхозов, всех работников сельского хозяйства республики приложить все свои усилия к тому, чтобы добиться резкого увеличения производства и сдачи государству мяса, молока, шерсти и яиц, внести свой достойный вклад вот всенародную борьбу за крутой подъем производства продуктов животноводства. В целях поощрения за достижение высоких показателей в производстве и сдаче продуктов животноводства учреждались денежные премии и курортные путевки передовикам [7].

По существу идеологическая работа партии сводилась к усиленному использованию трудового потенциала без малейшей заботы о завтрашнем дне. Получался замкнутый круг: недостаточное питание населения в связи со снижением фондов продовольствия вследствие невыполнения планов не давало должного потенциала для совершения новых рудовых подвигов, постоянное подстегивание могло привести к апатии, т. е. трудящийся народ, особенно в колхозах и совхозах республики, где труд был наиболее тяжелым, переставал положительно реагировать на агитацию и при первой возможности мигрировал в города.

Административная погоня за количеством могла привести только к снижению качества и тогда результатом экономически нерациональных успехов являлись убытки. Так, результатами выполнения планов любой ценой стали факты сдачи на мясо значительного количества крупного рогатого скота и овец, в том числе молодняка и маточного

поголовья, годного для воспроизводства, к тому же в неупитанном виде, а недостатки по воспроизводству и сохранению поголовья скрывались путем покупки колхозами и совхозами скота у населения [13, ед. хр. 748, л. 20].

Страдало и качество сдаваемой продукции. Так, с маслозаводов и сепараторных пунктов росли тревожные сигналы о поступлении прокисшего и загрязненного молока [4]. Несмотря на запрет приема Совнархозами тощего мяса, в архивах сохранились документы, утверждающие цены на следующие полуфабрикаты, которых раньше не было в продаже: рагу из тощих поросят, суповые наборы из тощих уток, тощих кур и цыплят [14, ед. хр. 1007, л. 13]. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. производство мяса в республике сократилось, а молока несколько увеличилось, но значительно отставало от плановых показателей [18, д. 30, л. 117]. В Казани в это же время начались перебои с молоком, очереди.

Иными словами, всецело поддерживая аграрно-политический курс КПСС, власти Татарской АССР ориентировались на широкомасштабные изменения, невзирая на региональные особенности региона, что отрицательно сказывалось на результатах сельскохозяйственной отрасли, и, соответственно, на уровне продовольственного обеспечения республики.

Много нарушений выявлено в работе предприятий пищевой индустрии Татарской АССР. В архивах сохранились данные, свидетельствующие о неучтенном расходе мясopодуков, молока. Даже при незначительном увеличении сбора урожая, заготовок мяса, молока, рыбы и т. п. начинались проблемы транспортировки, хранения, переработки.

Таким образом, способность национального сельскохозяйственного производства удовлетворять внутренний спрос зависел от таких факторов, как объем и качество почвенных ресурсов, численности населения. Эффективность функционирования агропромышленного комплекса Татарской АССР была существенно ограничена недостаточностью пахотных земель вследствие природно-климатических условий и развитием нефтяной промышленности, а также низкой урожайностью ряда хозяйств.

В итоге, Татарская АССР, несмотря на планово-распределительную экономику, где, казалось бы, учтены все потребности, фактически вынуждена была кормить себя сама, так как от выполнения плановых показателей зависело ее продовольственное снабжение, при этом не имея для этого ни должных природно-климатических условий, ни должных производственно-трудовых ресурсов.

Литература:

1. Аитов, Н. А. Колхоз — школа коммунизма для крестьян // Вопросы философии. 1963. №9. с. 11—19.
2. Галлямова, А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.) Казань: Магариф, 2010. с. 39.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1962. с. 500.
4. За одно взялись — другое упустили // Советская Татария. 1963. 2 июля.
5. Народное хозяйство Татарской АССР. Казань, 1966. с. 154—155

6. Насыбуллин, А. Об использовании резервов сельскохозяйственного производства // Коммунист Татарии. 1961. №10. с. 41–45
7. О поощрении руководителей районов, председателей колхозов, директоров МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, колхозников и рабочих совхозов за достижение высоких показателей в производстве и заготовках мяса, молока, яиц и шерсти // Советская Татария. 1957. 13 июня.
8. Пуцкова, З.С. Деятельность партийных организаций автономных республик Среднего Поволжья по развитию материально-технической базы сельского хозяйства в послевоенные годы. Казань, 1973. с. 115.
9. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. с. 34.
10. Строительство коммунизма и сельское хозяйство // Коммунист Татарии. 1963. №9. с. 8–13.
11. Табеев, Ф.А. Экономика Татарии. Итоги и перспективы. Казань, 1972. с. 128.
12. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Р-1488. Оп. 8.
13. НА РТ. Р- 1296. Оп. 16.
14. НА РТ. Р- 1296. Оп. 24.
15. НА РТ. Р- 7233. Оп. 1.
16. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 6.
17. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 35.
18. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 43.
19. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 44.
20. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 37.

К вопросу об отношении местных органов самоуправления Среднего Поволжья к столыпинской аграрной реформе начала XX века

Финаев Алексей Вячеславович, студент;

Новичков Иван Владимирович, студент

«Российский университет кооперации» Саранский кооперативный институт (филиал)

Статья раскрывает отношение местных органов самоуправления к столыпинской аграрной реформе, в том числе к указу 9 ноября 1906 г., агрономической помощи единоличным хозяйствам. Дана оценка финансовой поддержке правительства землеустроительным мероприятиям земства, взаимодействию земских организаций с государственными органами власти.

Ключевые слова: земства; местное самоуправление; столыпинская аграрная реформа; агрономическая помощь; хуторские и отрубные хозяйства; агрономия.

Аграрные преобразования начала XX века всегда вызвали у историков, экономистов и юристов повышенный интерес [1; 2; 3]. При этом подавляющее большинство исследователей уделяют внимание правовым особенностям проведения реформы, проблемам проведения на местах, переселенческой политике и конечно результатам, забывая при этом о роли земских учреждений в аграрном преобразовании начала XX века [4; 5; 6; 7; 8].

Впервые проблема о степени участия местных органов самоуправления в осуществлении столыпинских аграрных преобразований была поднята на этапе постсоветской историографии в ряде научных работ по материалам региональных и уездных земств [9; 10; 11]. В современной историографии вопрос о роли земских учреждений остается слабоизученным, тем более земских учреждений Среднего Поволжья. Представленная статья выступает своеобразным обобщающим материалом с целью определить от-

ношение земства к аграрной реформе, его позицию по вопросам модернизации сельского хозяйства.

8 июня 1906 года Председателем Совета Министров Российской империи был назначен Петр Аркадьевич Столыпин. На наш взгляд главной заслугой П.А. Столыпина являлось то, что он создал законодательную основу проведения аграрных преобразований на территории Российской империи. Благодаря принятому законодательству проведение реформы носило планомерно-поступательный характер [12].

Начало столыпинских аграрных преобразований тесно связано с именным указом от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который был издан в порядке 87-й статьи Основных законов Российской империи, позволявшей правительству принимать меры законодательного харак-

тера (в перерывах между сессиями Думы с последующим их внесением на ее утверждение). Указ от 9 ноября 1906 г. провозгласил, что крестьяне могут свободно выходить из общины и требовать от односельчан выделения им наделенной земли с последующим оформлением ее в личную собственность. Так же указ позволил отвод укрепленной земли к одному месту с целью образования отрубов или хуторов. Крестьянская община была обязана удовлетворить требование об укреплении земли в личную собственность домохозяина, а в случае уклонения от исполнения или затягивания этого вопроса укрепление производилось губернской администрацией.

14 июня 1910 г. Правительство издает закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» [13]. Согласно данному закону все общинные земли, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей, признавались перешедшими к участковому или подворному наследственному владению. При этом владельцы укрепленных участков сохраняли право пользования сенокосными, лесными и другими непередаваемыми угодьями (мирской усадебной землей, сельскими сервитутами). «Положение о землеустройстве» от 14 июня 1910 г. предусматривало что требования применялись ко всем землям, принадлежащим, независимо от способа их приобретения т. е. всем поземельным организациям Российской империи [14].

Характеризуя уровень земледельческой культуры в крестьянских хозяйствах России начала XX века можно сделать вывод о том, что он был весьма низким. Данную проблему правительство П. А. Столыпина прекрасно осознавало, считая делом государственной важности скорейшее насаждение в образованных единоличных хозяйствах улучшенных приемов ведения сельского хозяйства. От этих мер зависело будущее землеустройства, так как без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности была немыслима [15].

Агрономическая помощь единоличным хозяйствам предоставлялась по линии двух типов учреждений: земствами и агрономической организацией Землеустроительного ведомства. Агрономам предстояла сложная работа, ведь предоставленные сами себе владельцы хуторских и отрубных участков знали лишь прежние несовершенные способы ведения хозяйства. Поэтому агрономам часто приходилось преодолевать косность и невежество масс, чтобы добиться хотя бы возможности начать агрономическую работу.

В период проведения Столыпинской реформы важную роль стало играть земство, особенно в сфере решения аграрных и агрокультурных мероприятий. Его роль с введением новых форм землевладения значительно возрастает. Новые формы землеустройства, введенные по указу 9 ноября 1906 г. и закону 14 июня 1910 г., требовали новых хозяйственных приемов [16]. Только там, где деятельность земской организации была выражена слабо или совсем отсутствовала, единоличные владельцы были предоставлены в ведомство агрономической организации

Губернских землеустроительных комиссий. Ей присваивалась роль временной организации, имеющей своим назначением восполнять агрономическую организацию земских учреждений.

Правительственная агрономическая организация сосредоточилась исключительно на помощи единоличным крестьянским хозяйствам. Агрономы землеустроительных комиссий селились в центрах хуторских поселений, хотя эти поселения и находились на краю агрономических участков. В результате агрономы играли двойственную роль. Приезжая в селение, где жили общинники и единоличные владельцы, агроном последним предлагал семена для опытов даром, а когда к нему обращались общинники, им говорили, что эти семена они могут получить лишь в ссуду, то же относилось и к опытам с удобрениями [17].

Деятельность агрономических организаций при землеустроительных комиссиях существенно отставала от деятельности земских агрономических организаций. Специалисты землеустроительных комиссий нередко выполняли обязанности чиновников по особым поручениям, их деятельность сводилась также к содействию выработке простейшей системы полеводства, рассчитанной на ближайший этап развития с единственной целью поддержать хозяйства в трудное для них время перехода к частному землевладению.

Земства с 1905 г. становятся организаторами сельскохозяйственного производства на местах. На организацию агрономической помощи из суммы земского сбора выделяются огромные суммы; сильное развитие получает сельскохозяйственное образование; устанавливается более тесное сотрудничество между земствами и местными сельскохозяйственными кооперативными организациями. Например, в 1909 г. Симбирское уездное земство ассигновало 35 тыс. руб. на расходы участковой агрономии и устройство показательных хозяйств; кроме того, оно возбудило ходатайство о принятии на себя половины средств, направленных из центра для организации агрономической помощи крестьянскому населению [18].

Финансирование агрономической помощи осуществлялось правительственными ассигнованиями, которые обычно составляли 50% от необходимой для агрономической организации суммы, а оставшуюся часть средств земства вносили сами. Например, в 1911 г. расход на содержание агрономической организации Симбирской губернии выразился в сумме 71352 руб., из которых 35676 руб. выпало на Департамент земледелия и 35676 руб. — на губернное земство [19].

В октябре 1910 г. правительство вновь обратилось к земским учреждениям России с инициативой активного сотрудничества в проведении аграрной реформы. Было заявлено о необходимости создания возможно планомерной агрономической помощи по следующим направлениям: участковая агрономия, показательные поля и хозяйства, прокатные и зерноочистительные пункты, огнестойкое строительство на хуторах и устройство школ для детей хуторян. 29 мая 1911 г. было принято Положение о зем-

леустройстве, в котором определялся порядок работы землеустроительных комиссий на местах. По этому положению допускалось землеустройство по ходатайству одной из заинтересованных сторон или части владельцев и членов общины, т.е. насильственным путем по отношению к противникам выхода из общины отдельных крестьян (как правило, зажиточных).

Некоторые из земств полагали, что необходимо оказывать агрономическую помощь крестьянскому населению в целом, безотносительно к условиям его землепользования. Данное положение было связано с тем, что земства опасались негативной реакции по отношению к хуторянам.

Земская помощь в данный период осуществлялась по двум направлениям. Во-первых, показательные мероприятия, которые выражались в организации образцовых хуторских хозяйств, участков и полей. Во-вторых, мероприятия общего характера — реализация прокатных станций сельскохозяйственных орудий и машин, пригла-

шение агрономов на средства уездного и губернского земства, создание сети агрономических участков, выдача ссуд, семян на льготных условиях для повышения производительности частных хуторских хозяйств, сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, создание опытных станций и т.д.

Во многом благодаря земствам, была создана сеть участковой агрономической службы, во всех уездах функционировали опытные учреждения, прокатные пункты. Усилиями Средне Поволжского земства были открыты и вели подготовку кадров для сельского хозяйства низшие сельскохозяйственные учебные заведения. Губернские и уездные земства осуществляли ряд практических мероприятий по оказанию технологической помощи крестьянским хозяйствам. Результатом столыпинских аграрных преобразований явилось появление класса деревенской буржуазии — зажиточных и самостоятельных крестьянских хозяйств.

Литература:

1. Дубровский, С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963.
2. Зырянов, П. Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992.
3. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
4. Румянцев, Ф. П. Особенности правового обеспечения столыпинской и современной аграрной реформы России: дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
5. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.
6. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. К вопросу о переселенческой политике в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. Т. 12. №2. с. 64–69.
7. Зоркова, Н. Н. Столыпинская аграрная реформа в мордовском крае (1906–1914 гг.) дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Чебоксары, 2013.
8. Видяйкин, С. В., Котляров С. Б. Деятельность Крестьянского Поземельного банка в Симбирской губернии в процессе реализации столыпинской аграрной реформы // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. №2. с. 72–77.
9. Ефременко, А. В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002.
10. Жукова, Л. А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество 1864–1917 гг. М., 1998.
11. Кобзева, Т. А. Землеустроительные мероприятия земских учреждений в контексте Столыпинской аграрной реформы в начале XX века (на материалах Симбирской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №2. с. 90–92.
12. Котляров, С. Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. №6. с. 36–39.
13. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. с. 1272–1287.
14. Свод Законов Российской империи. Том 10. Землеустройство. Сборник законов и распоряжений. СПб., 1914. с. 1–126.
15. РГИА., Ф. 1291. Оп. 120. Д. 61. Л. 27.
16. Государственный Совет: Стеногр. Отчеты: Сессия 5. СПб., 1910. с. 1272.
17. Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.
18. РГИА., Ф. 1291. Оп. 120. Д. 61. Л. 140.
19. ГАУО., Ф. 2. Оп. 5. Д. 7. Л. 41.

Повседневный семейный быт оренбургского православного приходского духовенства во второй половине XIX века

Фот Алёна Гергардовна, аспирант
Оренбургский государственный педагогический университет

В статье, на основе анализа архивных материалов и опубликованных источников, рассматривается вопрос о супружеских отношениях в среде приходского православного духовенства Оренбургской епархии в 60–70 годы XIX века. Автор анализирует обстоятельства складывания семей священнослужителей, выявляет причины внутрисемейных конфликтов. Исследование проводится в рамках изучения повседневной жизни провинциальных приходских священников православного вероисповедания.

Ключевые слова: повседневность; православное приходское духовенство; Оренбургская губерния; поведение; семья; брак.

Современные учёные в рамках исследований религиозной и социокультурной истории России всё чаще обращаются к изучению повседневной жизни приходского православного духовенства второй половины XIX в. как сословия с особой культурой и менталитетом. Важным аспектом исследования повседневности является анализ особенностей семейных отношений. Говоря об этой стороне повседневной жизни священнослужителей Т.Г. Леонтьева указывает на то, что семьи духовенства выступали своего рода микрокосмосом, где выработывались стандарты взаимодействия между полами, взрослыми и детьми, между семьёй и родственниками, соседями и т.п. От ситуации в этих семьях во многом зависело поведение прихожан, в свою очередь, тиражирующих образцы власти-подчинения в масштабах всего государства [10, с. 104].

В плане определения специфических черт повседневной жизни священнослужителей важно проанализировать причины их вступления в брак, подход к выбору невесты, место женщины в жизни супруга и характер их взаимоотношений. Однако источники предоставляют нам мало сведений об этой стороне жизни клириков, потому данные вопросы практически не освещены в исторической науке. Исключение составляют только исследования последних лет [10, 2, 3, 8], но и они затрагивают интересующую нас проблему фрагментарно, в рамках изучения повседневности священнослужителей в целом. В данной статье предпринимается попытка выработать более подробное представление о супружеских взаимоотношениях в среде приходского духовенства на основании неопубликованных ранее архивных материалов.

Семья была основой домашнего быта приходских клириков. Вступление в брак являлось обязательным при определении на должность священника или дьякона. Хотя во второй половине XIX века имели место случаи, когда будущие священнослужители вступали в брак с представительницами не своего сословия [см., например: 4, л. 39; 5, л. 66, 68, 72], наиболее удачными по-прежнему считались внутрисословные союзы. Отмечалось, что священник лучше всего может найти поддержку в своей жене,

выросшей в духовной семье, с детства исполнявшей церковные уставы. Успешность пастырской деятельности иерея очень часто видели, в том числе, и во внимательном отношении его жены к прихожанам, соблюдении ею всех традиций и обычаев: «Отсюда видно, как важно для священника иметь жену, которая была бы близко знакома с нравами и понятиями народными, которая не считала бы для себя унижительным... пойти на дом к прихожанам, разделить их простую трапезу и по-дружески поговорить с ними». [8, с. 154].

Существовала и более важная причина, по которой клирики предпочитали жениться, а позже и выдавать замуж дочерей за представителей своего сословия. Дело в том, что если у священнослужителя на момент выхода за штат или смерти не было сына, которому он мог бы передать приход, то места «закрепляли» и место служителя оставалось за тем, кто соглашался взять замуж его дочь либо родственницу. Этот механизм позволял молодому человеку быстро получить место в приходе, а родители девушки не только сбывали дочь с рук, но и сохраняли за семьёй имущество, которое иначе уходило на сторону. Несмотря на то, что 22 мая 1867 г. был принят закон, воспрещавший превращать родство с заштатным или умершим священником в привилегию при получении должности, а, следовательно, зачислять места «за дочерью или родственницами занимавших сии места лиц, с правом определения на те вакансии тех кандидатов, которые вступят в брак с такими девицами...» [11, с. 798], в духовной среде ещё долго практиковался этот обычай.

Последствия такого сватовства красочно живописал автор знаменитых «Очерков Бурсы» Н. Г. Помяловский, сам происходивший из духовного сословия: «Большую частью это делается на скорую руку, всегда назначается срок для выбора невесты, вследствие чего посягающие не имеют времени узнать один другого. И бывали такие случаи, что невеста, находясь за двести верст, не успевала ко времени приехать в главный епархиальный город; претендент на поповское место не имел средств и времени съездить к невесте; тогда обе стороны списывались; давалось заочное согласие, и, получивши уже указ о поступ-

лении на место, жених ехал к невесте; при таких порядках нередко выходили скандальные столкновения, невеста попадалась старая, рябая, сварливая дивчина, жених... стоя под венцом, думал думу, как бы в первую же ночь изломать бока своей, черт бы ее взял, подруге жизни» [12, с. 174]. Художественное повествование дополняет свидетельство сельского священника Ивана Беллюстина: «...И вот возникли ссоры.... Молодой иерей начинает ненавидеть всё — до самых стен дома, в котором живет. Быть дома — мука для него, и он ищет всех случаев быть вне его — в приходе, у причетников, в сторожке, где бы то ни было, только не дома. Не имея в себе нравственной точки опоры, от семинарии с предрасположением злым, он принимается за чарку — сначала чтобы заглушить горе, а потом чарка делается для него потребностью и обращается в страсть» [1, с. 364].

В таких обстоятельствах конфликты между супругами были почти неизбежны. Тем более, что житейские неурядицы, как правило, сопровождались хроническим безденежьем. Материальный достаток большинства клириков оставлял желать лучшего, а их вступление в брак часто влекло за собой необходимость содержать не только жену, но и её родню. Так, священник Серебрянников и после смерти супруги продолжал помогать её семье — устроил шурина на священническое место, на свои средства выдал замуж и обеспечил приданным свояченицу [6, л. 9]. Ещё сложнее становилось, когда подрастали дети. Семьи священнослужителей, за редким исключением, были многодетными, каждому отпрыску следовало дать надлежащее образование. Если, к тому же, дети были погодками, и им практически одновременно приходило время поступать в учебные заведения, отец семейства оказывался в весьма затруднительном положении. Так, священник и настоятель Челябинского уезда, Белярского прихода Павел Дроздов писал Оренбургскому и Уральскому епископу Митрофану: «...при мне теща, пятеро детей и престарелые отец с матерью и неудовлетворительный по средствам содержания приход... Сейчас я за обучение сына в г. Оренбурге и сына в г. Челябинске плачу 19 руб. 50 к. в месяц. Тогда как получаю церковного дохода лишь 300 руб. в год. Между тем с возрастом детей растут и расходы в устрашающем размере. Нужды на удовлетворение потребностей семейных. И чем далее тем страшнее, Я едва справляюсь с содержанием в училище двух детей, а уже и третий сын поступил в училище. Ещё нужны средства к содержанию его. И ещё двое в будущем году, кто как не отец должен доставать средства к обучению» [7, л. 13—13об]. В такой ситуации от безысходности легко было впасть в отчаяние, стать грубым и нетерпимым по отношению к домашним, жене и детям, пристраститься к порокам.

Семейное счастье могло где-то затеряться и в том случае, если девушка из духовного сословия выходила замуж вне своего круга. В этом случае выбор будущего спутника жизни также был ограничен. К духовенству с презрением относилось имевшее более высокий соци-

альный статус дворянство; оно не пользовалось симпатией со стороны крестьянского сословия [9, с. 94], поэтому поповны чаще всего становились жёнами мелких чиновников. Браки, как правило, заключались поспешно, и по прошествии времени иногда выяснялось, что супруг имеет дурные наклонности. К примеру, дочь священника с. Бугульчин Стерлитамакского уезда Лидия была выдана замуж за сигналиста телеграфной станции Нассанова. Очень скоро супруг украл из её сундука с приданным серебряные вещи, — «два стакана старинного изготовления, родовую посуду, ложки, вилки и ножи, всё это продал, а полученные средства пропил. Затем очередь дошла и до коровы, купленной отцом для дочери» [7, л. 2]. Если женщина препятствовала мужу выносить из дома последние имущество, он бил её и выгонял из квартиры. «Я должна была ночевать или под открытым небом, или просить из милости чужих, чтобы они укрыли меня от тёмной ночи, — писала епископу Оренбургскому и Уральскому Лидия, — но и следующее утро не проходило без скандала и биения при вопросах: «Где была, где ночевала и зачем ушла?» [7, л. 2—2об].

К чести отца Лидии, он не оставил проблемы дочери без внимания. Исчерпав все способы увещевания зятя, он просто забрал её к себе и согласился вернуть к мужу только тогда, когда тот пообещал оставить прежнее место и пойти по духовному ведомству, «предполагая, что строгий взгляд начальства на поступки его, удержат его от дерзостей и от карточных игр, — к чему он страстен был» [7, л. 2об]. Вскоре Нассанов получил место псаломщика при Оренбургском архиерейском соборе. Провожая дочь с зятем на новое место, священник уже в дороге мог убедиться, что толку из этой затеи выйдет мало, поскольку ему пришлось в очередной раз выкупать проигранное зятем обручальное кольцо и венчальное платье дочери [7, л. 3], но оставить Лидию у себя он не мог. Кроме понятной для человека его времени и положения уверенности в том, что место жены рядом с мужем, им руководили ещё и практические соображения. У него было ещё девять детей, троих из которых приходилось содержать в учебных заведениях за свой счёт [7, л. 8]. Постоянно обеспечивать ещё и дочь с двумя внуками было практически невозможно. Священник ограничился тем, что нашёл для семьи дочери квартиру в городе, купил мебель и привёз с собой «более чем на месяц» провизии [7, л. 3].

Первое время на новом месте супруги жили спокойно, но потом Нассанов стал выражать недовольство тем, что родня жены не способствует его рукоположению в дьяконы. Получив желаемое место, он с каждым днём вёл себя всё хуже: «Затем настало постоянное пьянство по трактирам, циркам и скандальным домам. А в семействе — ни гроша, а если спросишь, что нужно на питание, ответит: «проси у своего отца, я не богат». И подобная жестокость ко мне и детям продолжалась более месяца. И я ходила к всем своим соседям, прося: где кусок хлеба, где полено дров» [7, л. 3об]. Православные традиции

предписывали женщине смирять себя перед супругом, проявлять терпение и покоряться судьбе. Кроме того, в финансовом отношении жена была полностью зависима от мужа. Поэтому Лидия ушла из дома только когда обстановка в семье стала напрямую угрожать её жизни. Как показывала несчастная в своем письме, «он [Нассанов — А. Ф.] схватил меня за волосы, и начал бить головой об печь и только благодаря участию священника Земленицына с его женой и хозяйкой нашей квартиры Настасьей Левонтьевой Запаметовой, я была спасена от явной смерти» [7, л. 3об].

Двоюродный брат Лидии Владимир Ясенский, к которому она обратилась за помощью, через несколько дней писал её отцу: «Лидинька вынуждена была в ночь на 1 сентября забрать детей и приехать к нам, чуть не в том, в чём мать родила... так что положение Лидиньки с двумя больными детьми самое грустное, она плачет, бедная день и ночь» [7, л. 4об]. Хотя в конце письма Владимир восклицал, что «Лидинька можно сказать мученица и потому заслуживает полного сочувствия!» [7, л. 7об], складывалось впечатление, что принимать деятельное участие в решении проблем сестры он не хотел. «Не лучше ли будет приехать вам самим и поправить это дело, вы лучше разберётесь с ним [мужем Лидии — А. Ф.] и чем скорее, тем лучше, иначе он сможет всё промотать» [7, л. 7] — писал Ясенский родственнику. Как известно из переписки Лидии с сестрой их отец заболел [7, л. 5об], из-за чего, вероятно, приехать не смог. Обратившись к Бугульчичу Лидию с детьми отправлял все тот же Владимир.

В прошении на имя епископа Митрофана Лидия отмечала: «Живу у родителя с 14 сентября» [7, л. 8]. Дата написания прошения — «1878 года января 6-го дня» [7, л. 8об]. За все это время — почти четыре месяца — Антонин Нассанов не сделал ни одной попытки помириться с супругой. Очевидно, он получил от этого брака всё, что хотел, и дальнейшая судьба жены и детей его больше не интересовала. В этом убеждает и полное сочувствия письмо дьяконши Екатерины Лукиной, адресованное Лидии, в котором она, не скрывая презрения к мужу сестры, пишет: «Он то есть твой муж живёт по прежнему, если не хуже, пьёт также и ходит по театрам и циркам. Его любезная сестричка у него экономкой или хозяйкой как угодно назови. Живёт с ним и фурсантит в твоих платьях хотя бы и не следовало» [7, л. 5].

Осознав, что проблему не удастся решить ни собственными силами, ни с помощью семьи, Лидия была вынуждена обратиться к епископу: «Ваше Преосвященство! Я истощила все силы в бедственном моём положении, прибегаю к вам с усерднейшею моею просьбою. Благоволите приказать ему [Нассанову — А. Ф.] возратить, отобранное моё имя и доставлять детям и мне приличное содержание» [7, л. 8]. Женщина, совсем не стремилась к воссоединению семьи и не желала жить с супругом под одной крышей, а надеялась только, заставить его поддерживать материально её и детей. Резолюция на прошении дьяконши: «д. Насанову сделать необходимое вра-

зумление» [7, л. 2], не даёт чёткого представления о том, чем завершилась эта история. Но поскольку разводы в семьях священников и церковнослужителей были недопустимы, а столь явное пренебрежение к жене и детям непременно должно было вызвать нарекания со стороны вышестоящего духовенства и грозило Нассанову неприятностями по службе, он вероятнее всего вернул супругу домой.

Подобные ситуации не были редкостью в среде духовенства. Брак, в котором супруги вынуждены были жить вместе, потому что разрыву препятствовал закон, каноническая традиция и жизненные обстоятельства, среди духовенства не зря называли «обыкновенным». Судя по воспоминаниям представителей духовного сословия, такой брачный союз был преобладающим в их окружении [1, 13, 14]. И всё же, косвенные данные, на наш взгляд, позволяют утверждать, что лицам духовного звания порой удавалось построить свои взаимоотношения таким образом, чтобы супружество вышло вполне благополучным. Дьяконша Екатерина Лукина в послании к сестре писала о своей семейной жизни так: «О себе скажу, что я благодаря бога живу по прежнему. К моим именинам расшиваю скатерть. Мы переезжаем во флигель, где жили евреи. Новостей нет. Алексей Иванович всем вам свидетельствует нижайшее почтение. Поцелуй за меня папашу и мамашу» [7, л. 5об]. Эти строки оставляют ощущение, что писавший их человек живёт размеренной жизнью, с её повседневными хлопотами и маленькими радостями. Судя по спокойному тону, в котором выдержана эта часть послания, отношения Екатерины с мужем складывались вполне удачно. Сложно представить, чтобы женщина расшивала скатерть и готовилась к празднику, если бы её постоянно третировал супруг. Во всяком случае, при наличии каких-либо конфликтных ситуаций частный характер переписки позволил бы ей упомянуть об этом. Кроме того женщина достаточно часто пишет «мы»: «Мы сокрушаемся и тужим, что папаша захворал», «остаёмся живы и здоровы чего и вам от души желаем», «любящее тебя Алексей и Екатерина Лукины» [7, л. 5об-6]. Эта маленькая деталь, по нашему мнению, является доказательством того, что женщина ощущает себя частью созданной семьи и не стремится отгородиться от супруга.

К сожалению, данные подобного рода, позволяющие оценивать браки церковно и священнослужителей как благополучные, очень малочисленны. Как правило, факты свидетельствуют об обратном. Приходится признавать, что семейные отношения приходского духовенства редко складывались удачно. Обычное устройство сватовства — получение невесты с местом, не способствовало счастливой семейной жизни. Обычно супругов не связывало ничего, кроме жёсткой необходимости. Сложная домашняя обстановка способствовала пристрастию священнослужителей к пьянству, развивала и другие порочные наклонности. Часто ситуацию усложняла необходимость заботиться не только о собственных детях, но и о много-

численных родственников, что подрывало и без того неустойчивое материальное положение клириков и отражалось на взаимоотношениях в семье. Авторитаризм внутрисемейных отношений и отсутствие возможности расторгнуть брак, часто превращало супружество в тяжёлое нравственное испытание.

Литература:

1. Беллюстин, И. Описание сельского духовенства в России // Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин: Изд-во. М. И. Погодина, 1859. с. 350–386.
2. Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Востоковедение: СПбГУ, 2007. 311 с.
3. Васина, С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук, Йошкар-Ола, 2003. 361 с.
4. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 174. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАОО., Ф. 174. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАОО., Ф. 174. Оп. 1. Д. 32.
7. ГАОО., Ф. 174. Оп. 1. Д. 88.
8. Калашников, Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX — начала XX века. (На материалах Курской епархии): дисс. ... канд. ист. наук, Курск, 2011. 189 с.
9. Колесникова, В. Л. Российская женщина духовного сословия конца XIX начала XX века // Фундаментальные исследования. — 2005. — № 10. — с. 93–95.
10. Леонтьева, Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX начале XX вв.. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
11. Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XLII. (1867). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. № 44610 (от 22 мая 1867 г.). с. 798–798.
12. Помяловский, Н. Г. Очерки бурсы. Л.: Лениздат, 1977. 176 с.
13. Розанов, А. И. Записки сельского священника. Быт и нравы православного духовенства. Записки пересмотр, и испр. авт. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1882. 324 с.
14. Савва, архиепископ. Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, Архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собств. Тип, 1898–1911. Т. 1–9.

Становление и развитие кустарных промыслов в России (на примере Нижегородской губернии)

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье на основе архивных источников, документах и материалах, опубликованных рядом исследователей, освящен процесс зарождения и дальнейшего развития кустарных промыслов в России. В пример приводится Нижегородская губерния с достаточной активной политикой местного земства, направленной на поддержание промысловой деятельности всего края.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния, деревня, сельская промышленность, кустарные промыслы, центральное правительство, земства, местные органы власти.*

Для того, чтобы правильно понимать термин «промысел», необходимо обратиться к истории его возникновения. Он тесно связан с Московскими ярмарками. Их наличие многие авторы связывали с постепенным зарождением и развитием внутреннего рынка. Как результат — бурное развитие товарно-денежных отношений и их повсеместное распространение. В товарно-денежные отношения втягиваются не только жители городов,

но и жители сел и деревень. В истории этому можно найти объяснение. Им является повышение платежей населения, которые шли в казну государства. Причина повышения платежей — Смутное время в государстве, которое играло роль мощного дестабилизирующего фактора системы государственного управления. Такая же точка зрения подерживается и Д. И. Петрикеевым [1, с. 145–146]. Крестьянам просто нужны были наличные деньги.

Для того, чтобы обладать необходимыми средствами, жители сел и деревень продавали часть продуктов сельского хозяйства, что является вполне логичным для того времени. Однако, хочется отметить, что Нижегородский край не обладал необходимыми условиями для ведения полноценной сельскохозяйственной деятельности. Напротив, скудная почва не могла гарантировать постоянного и надежного источника дохода. По данной причине крестьянам Нижегородской губернии было необходимо заниматься промыслами, которые не были тесно связаны с земледелием. Можно отметить две основные категории промыслов: отхожие (это в основном бурлачество) и промыслы «надомные» (другими словами, в современном понятии — кустарные). Наличие крупных рынков сбыта способствовало развитию промысловой деятельности населения.

Можно говорить, что термин «промысел» понимается в первую очередь как неземледельческая трудовая деятельность крестьянства, целью которой выступают заработки денежных средств. В отечественной историографии промыслы так же связывались с мелкой крестьянской промышленностью [2].

В некоторых случаях крестьянин переставал заниматься сельским хозяйством и просто становился ремесленником. Такого рода явления можно было наблюдать в развитых торгово-промышленных селах. В XVII веке «бобыли» были распространенной категорией населения. Как мы знаем, они не имели собственных земельных наделов. Выходом из сложившейся ситуации для них стало занятие промыслами. Благодаря им «бобылями» выплачивались необходимые налоги.

Во второй половине XVII вв. можно наблюдать еще более мощный виток развития кустарных промыслов на территории Нижегородской губернии. Н.А. Богородицкая, в своей работе, говорит о том, что ряд сел губернии превращаются в крупные торгово-промышленные центры [3, с. 6].

Причин, которые послужили для успешного развития сельской промышленности, можно выделить несколько. Автором П.С. Шереметевым, в первую очередь, отмечается деятельность помещиков [4, с. 256]. Некоторые из них занимались активной деятельностью по насаждению ряда конкретных промыслов в своих владениях.

Другие авторы считают, что на развитии кустарных промыслов, положительно сказывались сначала мануфактуры, а затем и фабрики. Они являлись для работавших на них крестьян «школой промышленного искусства, новых приёмов производства, технических усовершенствований» [5, с. 119]. Так же стоит отметить, что мануфактура преимущественно была основа на ручном труде. Таким образом, какое-то легкое и новое производство могло быть исполнено крестьянином у себя, в домашних условиях. Как отмечает в своей работе автор М.И. Туган-Барановский, крестьянам в деревне не хватало только ряда технических знаний. Появление фабрик сыграло огромную роль, так как они выступали в роли распространителя необходимых знаний [5, с. 122].

И, наверное, самое главное, чем были мотивированы крестьяне — крестьянские промыслы не были обложены государством налогами.

Все вышеописанное привело к бурному росту сельской промышленности. Она достигает расцвета в середине XIX века. Еще один толчок к новому витку развития был получен в результате отмены крепостного права. Почему же складывалась такая ситуация? Все достаточно просто, ведь не стоит забывать, что после освобождения крестьянин должен был платить выкупные платежи. Это заставляло крестьянина искать источник дохода. Но встает проблема, которая связана с тем, что увеличение размеров производства кустарной продукции, привело к затовариванию рынка. То есть внутри рынка складывается ситуация, при которой товары так называемого широко потребления, которые изготавливались в свое время только кустарями, начинают изготавливаться в больших объемах фабриками. Как известно фабрика характеризуется массовым трудом и дешевым производством. Как результат — фабрика выступает как главный конкурент для кустаря и сельской промышленности в целом.

Со временем капиталистические отношения начинают проникать в сельско-кустарную промышленность. Все чаще кустарное производство зависит от скупщиков, интересы которого сводились к тому, что бы производить покупку товара по очень низким ценам. Скупщик придерживался политики поддержки максимально низкого уровня закупочных цен на товары. Кустарю в такой ситуации оставалось лишь одно — вести удешевление себестоимости производства.

В сельской промышленности сложилась непростая ситуация. Качественная вещь требует большое количество времени на свое производство, а такие вещи не могли иметь спроса у скупщиков. Общий уровень качества производимых товаров сельско-кустарной промышленности начал стремительно падать. Шло снижение доходов кустарей, это послужило основной причиной для понижения платежеспособности крестьян.

Такое течение обстоятельств заинтересовало местные и центральные власти. Именно поэтому в период с конца XIX по начало XX вв. центральными органами власти проводилась политика поддержки сельской промышленности.

Результатом этой политики стало создание при Министерстве финансов Комиссии, целью которой являлось исследование кустарной промышленности. Комиссию возглавил секретарь Императорского Русского технического общества (далее ИРТО) Е. Н. Андреев.

Принцип работы Комиссии понятен — она была создана для того что стимулировать деятельность по поддержке сельской промышленности. Например, благодаря инициативе работы комиссии была стимулирована деятельность по поддержке промыслов Нижегородской губернии [6]. Начиная с 1885 года регулярно стали открываться выставки сельскохозяйственной и кустарной промышленности. Происходят ассигнации губернского земства, причем средства вкладываются безвозвратно. Выдаются беспроцентные

ссуды, средний размер которых 3000 рублей. В некоторых районах также наблюдается начало работы музеев, которые представляли образцы кустарных изделий. Назначение этих музеев сводилось к оказанию помощи в производстве продукции высокого качества. Для таких же целей в 1889 году Нижегородским отделением ИРТО была организована Постоянная выставка кустарных изделий и рукоделий в Нижегородской губернии.

Но самое важное заключалось в другом. Благодаря действиям комиссии был выработан ряд конкретных мер для организации правительственных мероприятий, которые должны быть направлены на поддержку кустарей. В 1888 году был принят закон «О порядке заведования кустарной промышленностью». Этот закон передавал всю отрасль кустарного производства под опеку Департамента земледелия и сельской промышленности при министерстве, которое заведовало государственным имуществом. Но стоит сразу же сказать, что определенных структур, которыми бы управлялась вся кустарная промышленность, создано не было. Однако это было исправлено позже, а точнее в 1894 году, учреждением при Министерстве земледелия и государственном имуществе, отдела сельской экономики и сельскохозяйственной практики [7].

Таким образом, правительство начинает работу по поддержке кустарей сразу по нескольким направлениям. Из основных направлений можно выделить — снабжение кустаря необходимым для работы сырьем, т.е. сырье могло продаваться кустарю по льготным ценам, или через взятие ссуды под маленькие проценты; поступление заказов со стороны некоторых государственных ведомств, например, Военное и Морское министерства начали делать заказы кустарям через земские учреждения.

Стоит сказать, что достаточно крупного размаха государственная помощь достигает при Николае II, который проявлял достаточно большой личный интерес к развитию промысловой деятельности у крестьян. Это слова можно подтвердить и деятельностью супруги Николая II, Александры Фёдоровны. Именно по ее инициативе в Петербурге состоялось достаточно масштабное мероприятие, а именно Всероссийская кустарно-промышленная выставка, на которой принимали участие и кустари из Нижегородской губернии [8]. Помимо этого при Николае II люди занятые в сфере кустарных промыслов получают денежные пособия и кредиты на льготных условиях, а созданное в 1905 году управление землеустройства и земледелия, основанное на базе Министерства земледелия и государственного имущества, организует так называемые инструкторские школы. Целью последних является обучение кустарей.

Если вести более подробный разговор о Нижегородской губернии, то следует отметить следующее: деятельность нижегородского земства по поддержке промысловой деятельности принимает в конце XIX века систематический характер [8]. В 1895 году было основано Кустарное отделение Нижегородской губернской управы. Принято считать, что земство Нижегородской губернии достаточно активно пользовалось опытом Московского земства.

Еще одним важным моментом, о котором нельзя не сказать, является организация работы Торгово-промышленного склада музея кустарных изделий. Как становится понятно из названия, в складе-музее содержались работы и изделия из металла, дерева, кожи и так далее. Такой ход был сделан земством для того, чтобы ознакомить потенциальных покупателей к товаром, который производился кустарями [9, с. 31]. Таким образом, склад-музей имел одну цель, которая заключалась в расширении сбыта ряда изделий промысловой деятельности. Иными словами, через деятельность данной организации можно рассмотреть стремления земства обеспечить кустарей заказами, не только от скупщиков, но и от ряда правительственных учреждений, отечественных и зарубежных фирм.

Склад-музей выполнял еще одну важную задачу. Благодаря ему кустарное производство снабжалось необходимыми материалами и сырьем. Для кустарей, работа которых была связана с изделиями из металла, земством создавались особые условия. Специально для них в Павлове был открыт склад железа и стали. Если раньше кустарям приходилось покупать у мелких торговцев старый либо некачественный металл, то теперь ситуация поменялась коренным образом: есть постоянный поставщик, и материал покупался по умеренным ценам [7].

Еще одним шагом по поддержке кустарей Нижегородской губернии можно считать открытие образцовой замочной мастерской в городе Павлово в 1898 году. Мастерская была максимально укомплектована новыми орудиями производства и станков. Так же стоит отметить, что эта мастерская взяла на себя работу, связанную со штамповкой частей замка и продажу их местным мастерам. Этому есть объяснение — штампованные детали Павловского завода стоили достаточно дешево, как следствие продажа отдельных деталей удешевляла производство в данном виде промысла и, вдобавок, делало его более совершенным.

Необходимо учесть работу образцового завода по сухой перегонке дерева, который находился в Макарьевском уезде, рогожной мастерской в Макарьевском уезде, учебной скорняжно-красильной мастерской в Княгининском уезде и так далее. Работа этих предприятия была направлена Нижегородским земством на поддержку промыслов губернии [7].

В целом же деятельность местных и центральных органов власти дали свои плоды. Это можно подтвердить тем, что именно в начале XX века, сельской промышленности удалось преодолеть ряд кризисных явлений, который наблюдался, например, еще в 1870–80 гг.

Можно с уверенностью заявить о том, что выход из сложившихся кризисных ситуаций был связан именно с поддержкой, которая оказывалась органами центральной и местной власти промысловой деятельности населения. Основной этой поддержки являлось: отсутствие налогов на промысловую деятельность населения; оказание помощи кустарям в сбыте выпускаемой ими продукции; предоставление ряда льготных условий на получение сырья и необходимых материалов; наличие

льготного кредитования под низкие проценты и ряда необходимых денежных пособий; обучение людей занятых кустарным промыслам в специальных заведениях, которые создавались при помощи государства; обеспечение кустарей прямыми заказами [8].

Таким образом, ряд органов, как на уровне правительства, так и на уровне местной власти, связанных с поддержкой народных промыслов и решением возникающих вопросов оказал достаточно важное значение в становлении и развитии кустарных промыслов России.

Литература:

1. Петрикеев, Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII века: По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. — Л.: 1967.
2. Андреев, Е. Н. Кустарная промышленность в России. — СПб., 1881.
3. Богородицкая, Н. А. Торговля в Нижнем Новгороде и Нижегородском крае в XVII — нач. XX вв. // Торговля в Нижегородском крае в XVII — нач. XX вв. — Н. Новгород, 2007.
4. Шереметев, П. С. О русских художественных промыслах // Шереметевы в судьбе России. — М., 2001.
5. Туган-Барановский, М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — М., 1997.
6. Медведева, А. А. Страницы истории кустарной промышленности Нижегородской губернии // Нижегородская старина. — 2001. — № 5.
7. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. — Выпуски 1–17. — СПб., 1879–1890.
8. Селезнев, Ф. А. Нижегородские народные промыслы. — Н. Новгород, 2011.
9. Бехли, Д. Ю. Мероприятия Нижегородского губернского земства по восполнению кустарной промышленности. 1895–1902. — Н. Новгород, 1902.

ФИЛОСОФИЯ

Русская идея Ф. М. Достоевского. Взгляд из Китая (1918–1949)

Liu Zuo-yuan, аспирант

Пекинский технологический институт, Школа гуманитарных и социальных наук (Китай)

Liu Zuo-yuan, Lecturer

Beijing Institute of Technology School of Humanities and Social Sciences

В данной обзорной статье представлена оценка китайскими учёными работы Ф. М. Достоевского «Русская идея». Показано также, что изучение русской философии в современном Китае стало значительным явлением научной и культурной жизни, вносящим свой вклад в развитие китайской философской мысли.

Ключевые слова: русская идея, Ф. М. Достоевский, русская философия, Китай.

Проблематика русской идеи привлекает значительное внимание современных ученых — обществоведов, философов и историков КНР, что в немалой степени связано с актуальной необходимостью осмысления Китая своего места в современном мире и роли в геополитической и геоэкономической организации. Кроме того, пример генезиса национальной самоидентичности другой культуры, особенно такой как русская, способен выступать смысловым пространством, оперируя понятиями которого, процесс оценки преимуществ или недостатков собственного национального дискурса становится по определению геополитическим, историческим и общекультурным. Вот почему исследование философии русской идеи представляется далеко не праздным занятием.

Большинство китайских историков философии сходятся во мнении, что и зарождение национально своеобразной русской философии и пробуждение национального самосознания имеют одни корни, а потому эти процессы неразрывно связаны друг с другом^[1], находя единое основание в религиозности. Проблема идентичности, прежде всего в религиозном аспекте, стала актуальной в русской культуре изначально, но с особой остротой она ставилась церковным расколом XVII в., а затем Петровскими реформами, что естественно, ибо именно резкие исторические разрывы и побуждают к размышлениям о собственной культуре, ее прошлом, настоящем и будущем.

Исследователь У Цзяю считает, что истоки понятия «Русская идея», до того как в XIX веке его представил Ф. М. Достоевский, восходят к проблеме понимания русским народом собственной общенациональной идентичности^[2]. Такая идентичность выстраивалась на основании общерелигиозной принадлежности: Кто вы? — мы христиане (отсюда русское слово «крестьяне»). Общенацио-

нальная же идентичность начала выстраиваться в имперский период истории России, т. е. в 18 веке. А до этих пор преобладала «местная» самоидентичность: Кто вы? — мы тверские, тамбовские, тульские и т. п. Таким образом, можно сказать, что тема русской идеи вызревала в глубине истории, самосознания русского народа, однако свое философское осмысление и яркое выражение русская идея нашла в работах русских мыслителей только XIX века.

Научный сотрудник Китайской академии социологических наук Бай Сяохун считает, что как философема «русская идея» формировалась в дискурсе о национальной идентичности в первой половине — середине XIX века. Вслед за обострением споров с Западом в России зародилась самостоятельная «русская идеология». В её становлении важную роль сыграла философия славянофилов, а также изложенная в широком философско-историческом и культурологическом контекстах концепция русской идентичности, сформулированная П. Я. Чаадаевым в своих «Философических письмах».

Очень важно подчеркнуть, что мыслителем, с которым, в первую очередь, ассоциируется отчетливая артикуляция русской идеи, является Ф. М. Достоевский. В его произведениях она изображается как «идея братского единства всего человечества (христианского единства человечества, христианского универсализма)»^[3]. Выражением именно такой трактовки русской идеи является следующее высказывание Ф. Достоевского в «Дневнике писателя» от 1877 года: «Русская национальная идея — это единая идея для всех людей мира. Если русская национальная идея, в конце концов, — всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры... стать поскорее русскими и национальными».

Китайский учёный Ма Иньмао, однако, считает, что первым, кто ввёл понятие «русской идеи» в русскую философию, был Вл. Соловьёв. Заслугой же Ф. Достоевского было то, что он увидел значение русской национальной идеи в христианском универсализме и обратился к русской национальной идее с позиций почвенничества.

Надо отметить, что китайские исследователи гораздо раньше стали изучать работы Ф. М. Достоевского, и только затем труды Н. А. Бердяева и Вл. Соловьёва. Имя Достоевского прозвучало в Китае в 1907-ом году^[4], однако только спустя 10 лет в 1918 году его произведения были представлены китайским читателям членами «Движения за новую культуру». В годы первой мировой войны в Пекине и Шанхае под лозунгом «Наука и демократия!» это движение объединило наиболее передовую и образованную часть китайской интеллигенции, молодое поколение сторонников перемен и современных стандартов западных систем образования. Члены «Движения за новую культуру» представляли иную социальную среду — новый «средний класс». Их патриотизм и национализм требовали политических изменений, логичным следствием которых стала бы модернизация Китая. Необходимость политического реформирования во многом определялась признанием и принятием достижений наиболее развитых зарубежных стран (Европы, США, Японии) как образцов экономического развития, следуя которому Китай сможет быстро преодолеть свою отсталость, бедность, раздробленность.

Идейным центром «Движения за новую культуру» стал журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), издаваемый с 1915 г. под редакцией профессора Чэнь Дусю, а позже (с 1917 г.) декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета.

Важный вклад в перевод и рецензирование произведений Ф. Достоевского внесли члены «Литературного кружка» Чжоу Цзожэнь, Шэнь Яньбин, Чжэн Чжэньдо, Гэн Цзичжи, Ван Тунчжао и др. Сборник работ Чжоу Цзожэня под названием «Проза Ф. М. Достоевского» был опубликован в издании «Новая молодёжь» в 1918 году. Вступительная статья Чжоу Цзожэня стала первой в Китае рецензией на прозу Ф. Достоевского.^[5]

В 1921 г. к столетию со дня рождения Ф. Достоевского в китайской печати появляется около десятка статей, посвящённых творчеству и философским взглядам русского мыслителя. Статья Шэнь Яньбина «Идеи Достоевского» стала самым обстоятельным из опубликованных к моменту образования КНР исследованием по личности и прозе Ф. Достоевского. В этой работе был дан обзор как русских, так и западных источников по творчеству Ф. Достоевского, а также представлены и рассмотрены основные художественные доминанты, идеалы и ценности нравственной философии, антропологии и религии произведений мыслителя. Работа Шэнь Яньбина, написанная с гуманистических позиций, показала высокий уровень знаний и широту кругозора автора и была очень популярна в Китае.

В 20-е годы XX века в Китае увидели свет более двадцати работ о личности и творчестве Ф. Достоевского.

В своих статьях китайские учёные, поднимали вопросы, связанные с гуманистическими позициями писателя, его человеколюбием, мыслями о душе простого народа, переживаниями о социальных и других проблемах и темах, которые были близки культурной атмосфере Китая тех лет. Следует отметить, что в это время еще не появилось работ, специально посвящённых понятию «русская идея» в творчестве писателя; философские идеи Ф. Достоевского рассматривались фрагментарно и не связывались с общими вопросами развития русской истории, русского общества и дискурса о национальной идентичности. Кроме того, не воспринимался Ф. Достоевский и как религиозный мыслитель.

30-е годы XX века исследования творчества Достоевского были отмечены серьезным влиянием идей марксизма, широко распространившимся в Китае. Вопросы социального характера и тема классовых отношений стали центральными. Так Лу Синь в статье «О Ф. М. Достоевском» оперирует понятиями преимущественно из социологии и учения о классах Маркса.

Хэ Бинди в статье «Достоевский и русский национальный характер»^[6], анализируя типологию портретов литературных героев произведений писателя, акцентировал внимание на их национальном своеобразии. В этом случае романы Достоевского рассматривались как своего рода руководство к познанию специфических, самобытных черт русской нации и русского национального характера, на формирование которых сказались, по мнению Хэ Бинди, и расовые особенности, и географические и климатические условия, и исторически сложившийся уклад общественной и государственной жизни русских. Итогом изысканий Хэ Бинди стало определение конкретно национального в русском человеке — это, прежде всего, его особое неравнодушное отношение к духовной и религиозной жизни, восприимчивость и открытость к идейным влияниям запада, склонность к экстремистскому проявлению идеологического несогласия и протеста, а кроме того, «великий потенциал к возрождению» и «всеотзывчивость». Хэ Бинди подчеркивал, что внимание Ф. Достоевского было сконцентрировано не на литературной форме как таковой, а на раскрытии содержательных компонент русского национального характера. Своими произведениями писатель хотел дать ответ на вопрос — «что такое Россия?». Хэ Бинди отметил неустойчивость тенденции развития русской нации, и эта особенность, с точки зрения китайского учёного, так или иначе была явлена в произведениях Ф. Достоевского, в его исследованиях русского национального характера, национальной идентичности и русской идеи. Следует подчеркнуть, что работа Хэ Бинди стала одним из первых китайских исследований, проблематизирующих понятия русского национального характера и русской идеи в творчестве Ф. Достоевского. Можно заключить, что данная статья поднимает вопросы, сходные с теми, что рассматривал Н. Бердяев в «Русской идее», говоря об основных проблемах русской мысли.

В период с 1918-го по 1949-ый год в Китае было опубликовано около 50 работ, посвящённых творчеству Ф. Достоевского, среди которых были как переводы работ английских, американских, немецких, японских, советских исследователей, так и труды китайских учёных. Знакомство последних с работами зарубежных авторов расширило и обогатило область исследований творчества Ф. Достоевского.

50-е годы XX века характеризовались односторонностью в оценке вклада писателя в русскую литературно-философскую культуру. В 1953 году издательство «Свет литературы» выпустило собрание сочинений Ф. Достоевского в девяти томах. В предисловии к первому тому авторы перевода предостерегали читателя по поводу идеологии и религиозных взглядов мыслителя: «Мы должны особо сказать о нездоровой идеологии автора, дабы не ввести читателя в заблуждение, которое может возникнуть при самостоятельном знакомстве с произведениями великого русского писателя». В соответствии с духом времени Ф. Достоевский воспринимался как безусловно великий мастер слова, однако признание его литературных заслуг не останавливало попыток критически оценить ре-

лигиозные и мировоззренческие идеи мыслителя. Объяснение такому широко распространённому в Китае представлению о писателе, следует искать в оценках советских философов, переводы работ которых по популярности и цитируемости во много раз превосходили работы западных коллег. А потому как советская философская традиция рассматривала религиозные взгляды Ф. Достоевского в качестве реакционных по отношению к марксистско-ленинской философии и к провозглашаемому в государственном масштабе атеистическому порядку, то именно с этой точкой зрения солидаризировалось большинство ученых Китая того времени.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что такая трактовка препятствовала всецелому и глубокому пониманию китайским читателем идей Ф. Достоевского. Следует отметить, что в Китае подобные оценки преобладали и неизменно воспроизводились вплоть до 80-х годов XX века, а исследования творчества русского мыслителя велись преимущественно в рамках описания личностных качеств писателя на основе методов классового анализа и критики исповедуемых им идей православия и природного христианства России.

Литература:

1. Ма Иньмао. Русская идея: несколько вопросов, нуждающихся в уточнении // Чжэцзянский вестник. — 2007. — № 4.
2. У Цзяюу. Русская идея центральной Азии и восточной Европы. — 2002. - № 4.
3. Бай Сяохун. Русская идея и её развитие // Россия, Центральная Азия. Восточно-европейские исследования. — 2005. — № 1.
4. Ма Иньмао. Русская идея: несколько вопросов, нуждающихся в уточнении // Чжэцзянский вестник. — 2007. — № 4.
5. Чжоу Цзожэнь. Проза Ф. М. Достоевского // Новая молодежь. — 1918. — № 4.
6. Хэ Бинди. Ф. М. Достоевский и Русский национальный характер // Новый Китай. — 1945. — № 2.
7. 注: 本文系国家自然科学基金项目«社会转型期中俄民族精神弘扬与培育比较研究»(12CKS030); 教育部留学回国基金«社会转型期俄罗斯民族精神研究»的阶段性研究成果之一。

Личность: к вопросу о методологии

Виноградова Инна Вадимовна, психолог, аспирант
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Статья посвящена исследованию и интерпретации феномена личности и процесса личностного становления через призму синергетики.

Ключевые слова: личность, личностное становление, духовность, ценности, социальное творчество, социальная синергетика.

Article is devoted to research and interpretation of person and personal formation through the prism of social synergy.

Kew-words: person, personal formation, spirituality, valuables, social synergy.

Современное изменчивое общество имеет весьма разнородную структуру, предлагая современному человеку постоянно меняющиеся смыслы, ценности, стили

поведения, связи, зависимости и др., число которых неуклонно возрастает. Все это делает процесс личностного становления нелинейным процессом. Вполне законо-

мерно, что следуя за существенно изменяющимися условиями последнего, должны меняться и методы познания и исследования феномена личности и ее становления.

Как отмечает В.П. Шалаев, «глобальные проблемы современности, насущные проблемы общественной практики стали основной причиной выхода науки на новый виток интегративных поисков, в основе которых междисциплинарный подход, принцип дополнительности, логика интерпретаций и заимствований. В итоге, системно-синергетическая парадигма, связанные с ней методология и мировидение, есть адекватный состоянию современного общества отклик науки на актуальные вопросы человеческого бытия на рубеже XX-XXI веков [13, с. 200]. «Междисциплинарный синтез, интеграция и диалог наук (В.П. Шалаев) возможен в парадигмальном поле синергетики, одним из наиболее существенных свойств которого является «фронтальная полинаучная дисциплинарность, связанная со способностью вводить в диалог... все многообразие отраслей научных знаний и теорий по тем или иным вопросам, в т.ч. естествознание и гуманитарное знание, что характеризует ее как общенаучное направление» [14, с. 186].

О проблематике, связанной с определением понятия личность и способами интерпретации данного феномена шла речь в нашей статье «Личность в центре философского дискурса». В ней говорится, в частности, о том, что личность — понятие расщепленное и всесторонне исследованное различными социальными и гуманитарными науками, поэтому необходим философский синтез, поиск общности, который даст основу для дальнейших исследований, сделает ее предметом мировоззренческого анализа [4]. «В противоположность направлению дисциплинарного расщепления познания синергетика, напротив, стирает существующие границы отдельных дисциплин. И тут может идти речь не только о синтезе гуманитарного и естественнонаучного подхода, но и — в более расширенном понимании — о синтезе разных моделей познания» [2, с. 48].

Применение синергетической методологии в сфере гуманитарного познания обосновывалось такими учеными, как И. Пригожин, М.С. Каган, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, А.П. Назаретян, С. Гамаюнов и др. На наш взгляд, рост интереса к синергетике вполне объясним и неслучаен: авторы многочисленных публикаций, анализируя кризисные явления в различных сферах жизни российского общества, все чаще используют такие специфические понятия как:

— система — единство элементов, подчиненных единой цели;

— аттрактор — точка притяжения или цель, к которой стремится та или иная система;

— бифуркация — раздвоение; момент развития системы, в котором она может поменять направление своего развития;

— нелинейность — переход количества в качество, с появлением у исследуемой системы новых, до того не су-

ществовавших качеств;

— когерентность — согласованное протекание любых процессов в системе (термин из физики);

— хаос — в синергетике — часть жизненного цикла системы, условие ее развития;

— антропный принцип — подход, выработанный в физике, математике, астрономии и философии XX века, приведший к пониманию неслучайности появления человека и связанный с идеей единства мира [11].

Что же может дать для понимания феномена личности синергетическая методология? Как через эту призму видится сложный и противоречивый процесс личностного становления? Ответить на эти вопросы и является целью настоящего исследования.

Известно, что в рамках системного и синергетического подхода личность трактуется следующим образом:

— личность — это живая нелинейная система, обладающая отличиями от небиологических линейных систем признаками жизни и своим поведением;

— огромную роль в ее функционировании играют социокультурные факторы, воздействующие на все уровни системы. Личность — социально-интегрированная система;

— личности присущ определенный набор механизмов саморегуляции, ведущую роль в котором играет управляющего фактора индивидуальная система ценностей личности; личность — саморегулирующаяся, самоуправляющаяся система;

— личность способна «в процессах взаимодействия со средой к адаптивной самокоррекции и прогрессивной эволюции путем использования механизмов обратной связи» [9, с. 4], т.е. это сложная самоорганизующая система, информационно упорядоченная; фундаментальными ее свойствами, как считает Э.С. Маркарян, являются: а) адаптивность, т.е. способность изменяться в соответствии с изменениями окружающей среды в целях самосохранения; б) руководствуясь определенными программами, активно стремиться к некоторому результату;

— личность существует как компонент более высокой системы (общества) и ее функция не может быть рассмотрена в отрыве от нее. Между ними существует своеобразное динамическое равновесие. Всякое отклонение от него детерминирует активность системы «личность». Между личностью и обществом постоянно идет процесс обмена веществом, энергией, информацией (первое условие открытых самоорганизующихся систем);

— личность — это система, становление которой характеризуется борьбой двух противоположных начал: стремлением к снятию напряжения, уравниванию взаимодействия с социальной средой, смягчению конфликта и восстановлению прежнего уравновешенного состояния между индивидом и средой, но с другой стороны — поиском постоянного напряжения, постановкой и реализацией проектов, целей, задач, которые движут поведением личности. Борьба противоположных начал — условие развития личности (второе условие самооргани-

зующихся открытых систем). Это подтверждают и психологические исследования процесса развития личности: «В сложную структуру детерминации развития включается и диалектически противоречивое взаимодействие двух основных тенденций развивающегося психического — тенденции к устойчивости, к сохранению и воспроизведению уже сложившейся психологической системы (ее мотивов, целей, идеалов, ценностей) и тенденции к преобразованию, к качественному ее изменению, к формированию новых ценностей, планов, целей, свойств [1, с. 16]

Все признаки личности, перечисленные выше в основных положениях синергетики: нелинейность, интегрированность, саморегуляция, самоуправление, открытость — характеризуют процесс личностного становления как процесс самоорганизации. Первый этап этого процесса — формальный аспект личностного становления — усвоение и воспроизводство уже существующего социального опыта, освоение в процессе воспитания определенных социальных ролей, адаптация к условиям культурной среды. Говоря другими словами, — это «одноплоскостное развитие», развитие в пределах одного и того же уровня» [1, С. 7]. Активность личности основана на осознании своих целей и мотивов, направлена на реализацию своих возможностей, раскрытие индивидуальных способностей, реализацию жизненных планов и задач. Целостность системы «личность» обусловлена подчинением всех элементов направленности. Чем устойчивее усвоенные личностью в процессе воспитания и адаптации ценности, тверже убеждения, идеалы, принципы, тем больше проявляется ее целостность и равновесие в системе «личность-общество».

Но в обществе постоянно происходят изменения, и это равновесие постоянно находится под угрозой нарушения. Адаптируясь к изменяющимся условиям, личность накапливает полезную информацию, повышает уровень своей организации, развивается. В этом смысле социальные изменения полезны для личности. Застой, отсутствие перемен-стрессоров во внешней среде неизбежно приводят, по мнению В. Н. Судакова, к регрессу личности [15, С. 100]. Если изменения превышают возможности адаптивных механизмов личности, то они становятся источником напряжения. Личность переживает это как потерю смысложизненных ориентиров, разочарование в прежних целях и мотивах, негативное переосмысление имеющегося жизненного опыта и отношений, утрату идентичности (своего места в обществе и принадлежности к какой-либо социальной группе).

В сознании появляется «карта возможностей» — потенциальных путей развития, диапазон которых чрезвычайно велик: от высоких моментов творческого самовыражения до крайней степени деградации. В терминах синергетики это можно обозначить как хаос, «блуждание в эволюционных лабиринтах мышления и сознания» [6, С. 111]; в результате «нарабатывается некий продуктивный ментальный мицелий (пересеченная, сложноорганизованная сеть ходов), который служит полигоном для сво-

бодного движения мысли, для ее выхода в иные измерения, на новые уровни» [6, С. 113].

Прежняя целостная система «личность» утрачивает свою целостность, «рассыпается». Внутри нее происходит ревизия ценностей, пересматривается их статус в общей системе, они подлежат переоценке и переосмыслению, сравниваются и соотносятся с собственными возможностями (селекция и интеграция). Поведение личности в этот момент не соответствует прежним представлениям о ней, становится непредсказуемым и неожиданным. Обычные механизмы, детерминирующие поведение личности, дают сбой, и выбор одного из возможных путей развития зависит от флуктуаций. Флуктуации выводят личность на структуру-аттрактор и происходят ее самодостраивание. В бифуркационную фазу развития личности как сложной самоорганизующейся системы происходит выбор возможной дальнейшей траектории движения. Система «личность» утрачивает свои прежние качества, в ней распадаются сложившиеся связи и отношения, и формируется качественно новая личностная система. «Необходимы постоянный разброс и разнообразие элементов (подсистем), неурезанный, относительно противоречивый спектр индивидуальных и групповых интересов и действий, которые потенциально содержат в себе формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие обеспечивает гибкость системы, возможность быстро реагировать и адаптироваться к изменяющимся условиям. Разнообразие делает ее устойчивой к многовариантному будущему» [7, С. 46]. В этой ситуации личность, на наш взгляд должна обладать духовным потенциалом, обладающим разнообразием элементов. Он является основой конструктивного выхода из кризисной ситуации.

Духовный потенциал формируется в процессе духовного становления личности. Источником его формирования является социокультурная среда: разнообразие духовной культуры общества, плюрализм ценностей, наличие в обществе альтернативных идеалов поведения и норм человеческих отношений, характеризующих культуру как сложное многоединство — с одной стороны; внутренняя духовная деятельность личности, способствующая формированию и расширению собственного духовного пространства — с другой. Общество может предлагать сколь угодно широкое разнообразие духовной культуры, ценностей и т.д., но если отсутствует «работа со смыслами» (В. Соловьев) внутри самой личности, духовное самостроительство личности, «духовное делание» (И. А. Ильин), то нельзя вести речь о духовном становлении личности в полном его понимании. Духовный аспект становления личности способствует тому, что «... пройдя через пестроту многообразия, человек может осуществить собирание самого себя на уровне, соответствующем изменившейся жизненной и исторической ситуации» [16, С. 120].

Преодоление кризисной ситуации через призму духовного потенциала способно еще больше расширить и обогатить духовные возможности личности и выбрать ту

доминирующую ценность, вокруг которой будет самоотраиваться, самосовершенствоваться и развиваться система «личность». На этом этапе процесс «перевзвешивания» заканчивается, и личность снова выстраивает свою целостность, отбрасывая все ненужное и располагая нужное в определенном порядке. «Происходит не просто объединение целого из частей, самоконструирование частей в целое, не просто проявление, «всплывание» более глубокой структуры из подсознания, а самовыстраивание целого из частей в результате усложнения этих частей [6, с. 117]. Все это приводит к тому, что изменяется сама личность, ее идеалы, жизненные планы и цели.

Таким образом, духовный потенциал личности способствует конструктивному выходу из кризиса, мобилизации всех духовных сил личности, самообновлению и качественному изменению ее внутреннего мира, обретению ею новой формы целостности. «Неразрешимые ситуации несмотря (а точнее именно из-за) своей труднопереносимости и мучительности переживаний, оказываются подлинным богатством личности и средством ее развития... Они могут давать сначала «едва заметный» крен в развитии, который имеет следствием совершенной иную личность, чем та, которой она должна была стать... Он (человек) даже не «развивается», а именно изменяется, то есть преодолевает плоскостный, линейный и во много предсказуемый путь «развития», а обретает иные качества, иногда непредсказуемые» [5, с. 60]. Это моменты своеобразного духовного созревания. Как считает Э. Эриксон, зрелая личность выходит из них «с усиленным ощущением единства, с развившимися способностями к здравым суждениям, к «хорошим действиям», в соответствии со своими собственными стандартами и стандартами значимых для нее людей» [17, С. 100]. Такие моменты переживания бытия — это периоды синтеза личности, подобные творческому озарению.

Качественно новая целостная система «личность» проявляет произошедшие с ней изменения в своей деятельности и взаимодействии с другими. Начинается создание человеком «таких форм общения и общественных отношений, а также таких их критериев и показателей, которые в совокупности обеспечивают максимальный простор для развертывания универсальной человеческой природы, продуктивно-творческих сил каждой человеческой личности и каждой социальной общности» (речь идет о социальном творчестве) [8, 109]. Но готова ли социальная система принять изменившуюся личность и взаимодействие с ней? Думается, что уровень такой го-

товности зависит от гибкости и открытости самого общества; от этих факторов зависит интенсивность новых противоречий, возникающих в нем. В совокупности создается новая почва для дальнейшего совершенствования обеих систем, для движения вперед. Общество нуждается в целостной, зрелой, духовно-развитой личности, а личность, в свою очередь, заинтересована в обществе, где ей не просто было бы комфортно, но где она могла бы максимально раскрыть свой жизненный потенциал, способствуя развитию, улучшению социальной системы.

Способность личности воздействовать на внешний мир зависит от уровня ее развития индивидуальности, одаренности и восприимчивости к внешним влияниям. Вот что говорит об этом Н. А. Бердяев и трудно не согласиться с ним, что все обозначенные нами изменения и переживания в кризисный период личностного становления свойственны не худшим, а лучшим людям: «Развитие мысли и утончение души сопровождается усилением страдания, большей чувствительностью к боли не только душевной, но и физической. Несчастье, страдание, зло... могут способствовать пробуждению внутренних сил. Без боли и страдания в этом мире человек опустился бы и животное в нем победило бы. Это заставляет нас думать, что страдание в этом мире не есть только зло, последствие зла и выражение зла» [3, с. 292].

Итак, кризис закономерен, и сточки зрения синергетической теории — это бифуркационная фаза в процессе личностного становления, где определяется дальнейший путь развития. Для нее характерно предельное выражение хаоса, «смятение духа», борьба с самим собой. Здесь находится поворотная точка, и выбор дальнейшего пути во многом зависит от степени развитости духовного потенциала личности. Конструктивный выход из кризисной ситуации, в свою очередь, обогащает духовный потенциал, способствует его развитию, и дает новые возможности для взаимодействия с социальной системой, выстраивания новых взаимоотношений, социального творчества в самых различных его проявлениях. Негативное разрешение кризисной ситуации в процессе личностного становления, на наш взгляд в значительной степени связано с недостаточным уровнем духовного развития личности и способно привести к крайне негативным последствиям.

Таким образом, описание процесса личностного становления в терминах синергетической методологии позволяет дополнить философское осмысление процесса личностного становления существенными параметрами, детерминантами, способами интерпретации.

Литература:

1. Анциферова, Л. И. Эпигенетическая концепция развития личности Э. Эриксона // Принцип развития в психологии. М., 1978;
2. Багдасарян, В. Э. Историческая миссия синергетики // Методологические основы социальной синергетики и ее социальные приложения. Выпуск 1. М., 2010;
3. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993;

4. Виноградова, И. В. Личность в центре философского дискурса//Молодой ученый, 2014, №2
5. Воловикова, М.И. О едва заметных различиях/Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993;
6. Князева, Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодотраивание//Вопросы философии, 1994, №2;
7. Князева, Е. Н., Курдюмов С. П. синергетика: начала нелинейного мышления//Общественные науки и современность, 1993, №2;
8. Матвеева, А.И. [и др.] Духовность, личность, социальное партнерство: социально-философский аспект. Екатеринбург, 2012;
9. Маркарян, Э. С. Культура как способ социальной самоорганизации. Пущино, 1982;
10. Мухамеджанова, Н. М. Личность в зеркале синергетики. Электронный ресурс: credonew.ru/concept/view/408/56;
11. Никифорова, А. Синергетика — это просто. Индивидуально-ориентированная учебная программа для студентов. СПб., 2008;
12. Пригожин, И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986;
13. Шалаев, В. П. Синергетика социального управления: учебное пособие Йошкар-Ола, 2005;
14. Шалаев, В. П. Синергетика как поле парадигмальных поисков современного научного знания//Социальная синергетика: теоретические и практические аспекты, Йошкар-Ола, 2004;
15. Судаков, В. Н. Мифология воспитания: Очерки теории развития и воспитания личности. Свердловск, 1991;
16. Человек и духовность (отв. ред. В. Г. Федотова). Рига, 1990
17. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Кантоведение в Кёнигсберге как историко-философская проблема

Зильбер Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник
Балтийский федеральный университет имени И. Канта (г. Калининград)

Иммануил Кант — кёнигсбергский философ, результаты работы которого были уже при его жизни известны философскому сообществу не только Восточной Пруссии, но и всей Германии и соседним странам. Часть этого сообщества приняла достижения и идеи Канта благосклонно и с интересом, для другой части они остались неприняты и непоняты. В целом фундаментальные идеи немецкой классической философии об устройстве мира и природе познавательной деятельности развивались, парадоксальным образом, в противоположную сторону от идей Канта, хотя он является первым представителем и родоначальником этой эпохи в философии. В том же противоположном русле позднее, в XIX веке, развивались и «философия жизни», и даже во многом обе ветви неокантианства. Однако наряду с ними, в русле преемственности, а не противостояния идеям Канта, развивалось и кантианство, оставшееся в истории философии довольно малоизвестным.

В истории кантианства хорошо исследовано прежде всего раннее йенское сообщество [6], менее исследованы, но также известны периферийные центры интереса к философии Канта за пределами Германии. К середине XIX века философское сообщество по всей Европе увлечено в основном уже гегельянством и позитивизмом, в качестве ответной реакции зарождается неокантианство.

Но на родине Канта в Кёнигсберге — особая ситуация. Школа кантианства как таковая при жизни философа здесь не образовалась, хотя именно в этом городе он читал лекции и вёл с сотрапезниками обеденные беседы (в которых философия была отнюдь не главным предметом). Но всё же понимание идей Канта в среде просвещённой кёнигсбергской публики было особое, в высокой степени аутентичное. Источником этого было как раз живое общение Канта с его местными друзьями, и большое количество конспектов его лекций, сохранённых слушателями и позднее перешедших в коллекции собирателей его наследия.

В Йену «критическое» кантианство проникло ещё в середине 1780х годов, когда существовало только первое издание «Критики чистого разума». Опираясь на идеи Канта как инструмент в полемике находят в переписке йенского профессора Щютца, датированной аж 1783 годом [30], когда в открытой печати ни одного положительного и даже ни одного по-настоящему аналитического обзора первой «Критики» ещё не было. Но это переписка, а первый открытый импульс к распространению идей Канта среди целой группы философов — это обстоятельная рецензия профессора Щютца на книгу Иоганна Шульца «Разъяснения кантовской Критики чистого разума» [22]. Рецензия была напечатана в июле

1785 в нескольких номерах «Йенской всеобщей литературной газеты», основанной профессором Шютцем в начале того же 1785 года [23]. Иоганн Шульц, кёнигсбергский придворный проповедник и профессор теологии и математики, получил от Канта экземпляр «Критики» ещё в августе 1781. Знакомы они были ввиду того, что в 1770 Шульц опубликовал рецензию на диссертацию Кант «О форме и принципах...». Рецензия Канту понравилась, а её автора он назвал «лучшей философской головой в наших краях» [28, S. 280].

Отзыв о «Критике» пришлось ждать два года: в 1783 он был готов, изначально в виде рецензии, однако по совету Канта Шульц доработал и расширил текст, получилась целая книга, напечатанная в 1784. Именно на неё, а не на саму «Критику», отозвался Шютц. По крайней мере, формально. Содержательно, конечно, излагались и оценивались идеи самого Канта, это был первый по-настоящему аналитический и одновременно беспристрастный обзор. И это стало возможным именно потому, что Шульц понимал Канта так, как тот сам хотел быть понятым [28, S. 286]. Сама «Критика» не была изложена понятным языком отчасти ввиду общих особенностей кантовского стиля повествования, но главным образом потому, что автор торопился опубликовать свой труд, опасаясь надвигающейся старости. Он упоминал об этом в переписке. Много лет ушло на содержательную работу над сочинением, в 1781 несколько частей были сведены в одну книгу, и работать над стилем и ясностью Кант уже не стал. Шульц вполне справился с функцией популяризации. Хотя «Разъяснения» не стали известными почти нигде, за исключением Йены и собственно Кёнигсберга [28, S. 285].

В «Разъяснениях» Шульц призвал объективно отнестись к «Критике» и применить её метод к ней самой. Не дожидаясь, пока это сделают другие, он через 5 лет, в 1789, опубликовал книгу «Проверка Критики чистого разума» [21]. Подвергнуть «проверке» удалось далеко не всё содержание «Критики чистого разума», только «Введение» и первую часть «учения о началах». Однако подробно рассматриваются позиции критиков Канта, которых к тому времени уже было достаточно. Книги Шульца цитировались современниками в монографиях о философии Канта. В конце XIX века «Разъяснения» были переизданы на немецком, в 1910 это издание было переведено на русский язык под редакцией Б. А. Фохта [31] (репринт в 2010, также существует независимая публикация в Интернете в современной русской орфографии). Карл Форлендер в книге 1924 года «Иммануил Кант. Личность и творчество» характеризует «Разъяснения» как самостоятельное изложение идей Канта, которое уже устарело и утратило актуальность для современников [28, S. 286]. Что касается каких-либо других отзывов на труды Шульца со второй половины XX века до наших дней — их попросту нет (по крайней мере, очень трудно обнаружить). Насколько творческими являются замечания самого Шульца к положениям Канта и его оп-

понентов, насколько ему удалось отстоять позиции критической философии, каким материалом и приёмами он пользовался при этом, какую конкретно роль он сыграл в её раннем восприятии — всё это сегодня остаётся неясным. «Разъяснения» используются преимущественно студентами философских специальностей как компендиум для успешного первого знакомства с положениями теории познания Канта.

События первых двух лет после смерти Канта можно назвать настоящей биографической лихорадкой. Философ прожил достаточно долго для своего времени и знаменит стал отнюдь не на склоне жизни, хотя именно к этому времени относятся его главные работы, а уже в 1760х. Тогда же были предприняты первые попытки составить сводку биографической информации о нём — поступила просьба написать о себе от составителя биографического справочника современных философов. Кант оставил просьбу без ответа [27, S. 2]. И в целом неблагосклонно относился к попыткам написать его биографию. Две такие попытки были реализованы тайно за пределами Кёнигсберга. При этом философ имел довольно большой круг хороших знакомых, и когда в 1804 он ушёл из жизни — в короткий промежуток времени появился целый ряд сочинений с её описанием. В большинстве своём они друг друга дополняют: каждый писал о том периоде жизни Канта, ко-гда он был с ним близко знаком. Отдельна предпринята попытка собрать высказывания Канта в кругу его сотрапезников. Всего в Кёнигсберге жили двенадцать биографов Канта, около половины из всех наиболее значимых, и все они за исключением только двоих, относятся к самым ранним [27]. Их собственные, а также собранные ими свидетельства позволяют узнать детали не только общей, но и философской биографии Канта: какими языками он владел, на каком факультете учился, сколько лет и какие курсы лекций читал, с кем и о чем переписывался. Достаточно подробную, хотя и весьма краткую, характеристику всем ранним биографиям Канта дал в своей брошюре Карл Форлендер [27]. Она родилась в процессе подготовки его собственного варианта жизнеописания Канта [28], ставшего среди всех одним из самых лучших, вплоть до наших дней.

После смерти Канта его философские идеи не развивались в академической жизни Кёнигсберга. Согласно исследованию профессора Розиката [4], в течение всего 19 века в Альбертине было защищено пять диссертаций на темы философии Канта. Несколько курсов лекций о моральной философии Канта были прочитаны его преемником Краусом в первые годы первого десятилетия 19 века. Гегельянства в Кёнигсберге не было, но и кантианства тоже [7]. Студентов Кант не интересовал, и чтобы все же пробудить интерес, в 1821 был учреждён конкурс с премией для победителя [27, S. 192]. Почтение к Канту хранилось в узком кругу светского общества, основу которого изначально составляли друзья и близкие знакомые философа. «Общество друзей Канта» или «бобовое общество» было основано в 1805. Изначально оно насчиты-

вало 22 человека, позднее в XX веке от 50 до 100 [27, S. 222]. Знаменательной традицией общества, сложившейся уже в первом десятилетии его существования, стало произнесение в день заседания — ежегодно в день рождения Канта 22 апреля — торжественных речей на темы различных аспектов его жизни и творчества. Среди речей были доклады о проекте памятника Канту, о проекте первого собрания его сочинений, о результатах исследования архивных материалов о его жизни, о рецепции его идей. Членами общества были ведущие кенигсбергские кантоведы XIX века. Речи не составляют единого корпуса для исследований, объектом анализа могут стать отдельные выступления в связи с конкретной темой, однако современному читателю большинство их хорошо доступны, прежде всего благодаря двум сборникам, изданным под редакцией канцлера современного «преемствующего» «бобового общества» профессора Р. Мальтера. «Бобовые» речи о Канте (из периода 1804–1945) изданы в сборнике «Denken wir uns als verpflichtet» (1992) [5]. Иные речи в дни памяти 22 апреля и 12 февраля опубликованы в сборнике «Immanuel Kant zu ehren» (1974) [8]. Узнать детали биографии самих выступающих помогут справочники *Altpreuussische Biographie* и *Neue Deutsche Biographie*. «Бобовое» общество благополучно пережило даже время национал-социализма, когда «кантовское общество» было под давлением властей [27, S. 225]. Прервалась история лишь с потерей Германией Кёнигсберга в 1945 году. В 1947 общество было возрождено в Гёттингене, новым «бобовым королем» на основе его речи была издана книга «Кант и Кёнигсберг» [25] — но это уже последний результат деятельности тех, кто вошел в состав общества ещё в Кенигсберге.

В 1830х годах в состав общества вошёл новый профессор философии в Альбертине. Он вырос и получил образование за пределами философии и был намерен распространить в Восточной Пруссии гегельянство. Однако в итоге «правоверные» гегельянцы обвиняли его в отщепенстве от учителя. Речь идёт о Карле Розенкранце. Уже через пять лет жизни в Кенигсберге он начал самый большой проект своей жизни — издание 11-томного собрания сочинений Канта, первого такого собрания [10]. Работа велась совместно с историком Ф. Шубертом, который подготовил биографию Канта во второй части 11 тома [20]. Эта биография, в отличие от «ранних», написанных современниками и знакомыми философа, была первой попыткой составить целостное и объективное описание жизни Канта, с учётом рукописей и документальных свидетельств — и в определённой степени это удалось реализовать. Розенкранц подготовил предисловия к каждому тому с сочинениями Канта и отдельный том «История Кантовой философии» [15]. Помимо этих предисловий, Розенкранц опубликовал ещё целый ряд статей, где сравнивал идеи Канта с концепциями его современников, а также осветил некоторые детали кантовой биографии. В биографическом кантоведении с тех пор достигнут значительный прогресс, и многие выводы

Розенкранца, также как и Шуберта, были опровергнуты, некоторые ещё в XIX веке. Курсов о Канте Розенкранц не читал [27, S. 212], оставшись гегельянцем и воспринимая Кантову философию лишь как историческую предпосылку гегелевской, и вследствие этого как необходимую преамбулу к её изучению [7, S. 162]. Однако кроме этого общего характера восприятия Канта Розенкранцем, мы мало что о нём знаем. Общие черты его жизненного пути и духовной эволюции описаны в Штефаном Дичем [7]. Конкретные примеры, особенности — остаются неисследованными. То же касается и биографии Канта от Шуберта. Форлендер, будучи сам одним из лучших биографов Канта, упоминает её как устаревшую. Однако все жизнеописания Канта от его современников, из начала XIX века, пусть даже опубликованные позже, — он разбирает каждое довольно подробно, характеризует знакомство автора с Кантом, описывает особенности текста, стиль, приводит примеры ошибок. Подобного обзора работы Шуберта пока что не существует.

Учениками Розенкранца и Шуберта в Кёнигсбергском университете были два человека, открывшие следующий период в истории кантоведения вообще и кёнигсбергского в частности. До сих пор мы говорили о той деятельности, которую можно отнести к направлениям популяризация (Шульц, Розенкранц, Общество друзей Канта), и биографические исследования. С приходом Рудольфа Райке и Эмиля Арнольда окончательно сформировалось новое направление: архивное кантоведение, изучение наследия Канта, главная задача которого — обеспечить более верное, адекватное и полное понимание текстов печатных произведений Канта с помощью учета их контекста, который зафиксирован в переписке и рукописном наследии, а также иных свидетельствах. Рудольф Райке большую часть жизни проработал в Королевской библиотеке Кёнигсберга и стал её заведующим. Сбор и публикация наследия Канта были главным из исследовательских проектов, проводимых им в библиотеке. Также он был одним из двух главных редакторов *Sta-ропрусского* ежемесячника, в котором опубликованы его статьи. Что касается изданных книг — их две: «Разрозненные записи Канта» [13] с комментариями, и «Кантиана: Материалы о жизни и деятельности Иммануила Канта» [14]. Вторая книга составлена из речи, произнесённой одним из вышеупомянутых биографов Вальдом на заседании в день памяти Канта 22 апреля 1804 года, а также рукописные материалы знакомых Канта, использованные для подготовки этой речи, но нигде ранее не изданные. Одной из проблем для современного читателя является то, что эти книги напечатаны готическим шрифтом — такова большая часть всех немецких книг и газет, изданных вплоть до конца второй мировой войны. Хотя уже в XIX веке было немало исключений: собрание сочинений Канта издано Розенкранцем и Шубертом на антикве [10].

Примерно того же характера — исследования приятеля Райке со студенческой скамьи, кантианца, и одновременно критического интерпретатора Канта, Эмиля Ар-

нольда (1828–1905). Он родился в Кёнигсберге в семье пастора и изучал в Альбертине философию и историю (1846–50). Стал доктором философских наук с диссертацией о кантовской идее высшего блага, но не смог получить постоянную должность в университете ввиду того, что ещё в молодости, примкнув к «свободной евангелической общине» Юлиуса Руппа, опубликовал статью «Свободные общины и правительство» (за которую был выслан из города с 1852 по 1859), и в целом придерживался левых взглядов. После 4 лет приватдоцентуры жил в Кёнигсберге как вольный учёный. Наиболее значимые публикации Арнольда в области исследования жизни и деятельности Канта следующие:

— Юность Канта и первые пять лет его приват-доцентуры [1]

— Об истории написания сочинений Канта («Критические экскурсы...») [3]

— Об истории жизни и творчества Канта в связи с его «учением о религии» и его конфликтом с прусским правительством [2]

В этих работах уточняются данные о том, на каком факультете учился Кант, каков был его образ жизни и круг общения в студенческие годы (отнюдь не меланхоличными), о поездках, знакомствах и дружеских отношениях в период работы домашним учителем, об уроках математики и фортификации для русских офицеров в период нахождения Кёнигсберга под властью Российской империи. На основе кёнигсбергских архивных материалов Арнольд составил сводный список всех прочитанных Кантом курсов лекций за 42 года его педагогической работы. Дополненный и уточнённый Отто Щендёрфером, этот список опубликован в V томе собрания сочинений Арнольда. Также он подробно исследовал историю возникновения «Критики чистого разума», и по студенческим конспектам проследил постепенное усиление самостоятельности лекций Канта, в чтении которых философ со временем всё меньше руководствовался компендиумами.

Работы Райке и Арнольда внесли большой вклад в возрождение интереса к Канту в конце XIX — начале XX века. Это было время развития неокантианства, а также начала работы по изданию академического собрания сочинений Канта. Рудольф Райке был привлечён к работе над томами с перепиской Канта. Однако в 1905 году он умер и эта работа осталась во многом незавершённой. Преемником Райке в архивном кантоведении является кёнигсбергский юрист Артур Варда, архив которого после его смерти вышел из научного оборота, хотя безвозвратно утраченным его считать нельзя [24, S. 82]. Сочинения Эмиля Арнольда в 9 томах на антикве изданы О. Щендёрфером, который был его школьным учеником, а затем сам стал учителем во Фридрихсколлегиум и приятелем Арнольда по философской работе. В Академическом собрании сочинений подготовил к изданию «Антропологию» и двух томов с перепиской Канта. Главные биографические публикации Щендёрфера о Канте: «Жизнь и учение

Канта» [19], «Галантный магистр» [17, S. 65–86], «Неизвестные анекдоты о Канте» [17, S. 177–178], «Комната Канта в Кёнигсберге» [17, S. 227–235], также ряд других статей в Старопрусском ежемесячнике, например об отношении Канта к музыке? И брошюра «Фундаменты кантовской философии» [18].

В периодических изданиях Германии первой половины XX века опубликованы обзорные статьи о жизни и творчестве этих четырех выдающихся исследователей [16], однако в современном кантоведении эти представители Кёнигсберга остаются в тени и мало кому известны по сравнению с другими философами первых десятилетий начала XX века — авторами жизнеописаний Канта, главными издателями собрания сочинений, даже неокантианцами. Исключение — исследования В. Штарка [24], в которых систематизирована и кратко, но достаточно детально изложена история сбора и издания писем и рукописей Канта в Кёнигсберге и Германии в целом.

В начале XX века в направлении популяризации кантовской философии появилась новая, и даже пожалуй самая яркая веха: доклады и брошюры Рудольфа Брюкмана, кёнигсбергского гимназического педагога с широким кругом интересов, в который входила и философия (в ней он стал кандидатом наук). Сегодня мы располагаем только этими брошюрами с их предисловиями, из которых известно [9, S. 3], что первые доклады о философии Канта он прочёл какому-то узкому кругу непосвящённой публики. Затем он обратился с предложением прочесть их в кёнигсбергском отделении Общества любителей Гёте к председателю этого отделения. Общество к тому времени насчитывало уже более двух тысяч членов. Доклады были с успехом прочитаны и благосклонно приняты даже представителями философского факультета. После некоторой переработки Р. Брюкман в 1918–1919 годах опубликовал брошюру [9] (сначала первую часть затем обе в одной обложке) «Иммануил Кант. Его жизнь и учение». Вторая часть этой брошюры — «Учение Канта в свете его современников». Чуть позднее была издана брошюра «Кант. Его жизнь и деятельность» [11] — обе книги в 1925, в связи с юбилеем 1924 года, были напечатаны уже в третий раз, то есть пользовались популярностью у жителей города.

Наконец, особое место занимает последний кёнигсбергский публикатор кантовского наследия, малоизвестный профессор Альбертины Арнольд Ковалевски (информацию о нём можно найти только в специальном издании об истории университета; в других биографических справочниках, в т. ч. о немецких философах, такой информации нет). Изначально кантоведом он не был, но стал таковым, можно сказать, волею судеб. В 1941 году ему был доверен проект издания хранившихся в библиотеках Кёнигсберга уникальных материалов: записей лекций Канта и некоторых биографических свидетельств. Обладая этими материалами и стремясь издать их, Кёнигсберг конкурировал с Берлином, в котором издавалось основное (и претендующее на полноту) собрание сочи-

нений Канта. Проект, порученный Ковалевски, назывался «народное издание» и планировался в пяти томах. Вышеупомянутые материалы должны были войти в первый том. В 1944 он был готов к печати, но напечатан не был: в Восточную Пруссию пришла война. Завершено это дело было лишь в 2000 году профессором В. Штарком при участии дочери А. Ковалевски [12]. На этом история кёнигсбергского кантоведения прекращается. Библиотечные архивы Кёнигсберга с кантоведческими материалами пропали в 1945, возможно, они находятся в неразобранных фондах библиотек Москвы или Санкт-Петербурга [29].

Изложенная информация выводит нас на следующий ряд вопросов и ответов. Представляет ли ценность для кантоведения изучение истории его развития в Кёнигсберге? — Да, безусловно, и прежде всего ценен опыт в области популяризации, а также сбора и публикации рукописного наследия и лекций Канта. Насколько хорошо изучено кёнигсбергское кантоведение? — В целом малоизучено, и малоизвестно. Особенно это касается русскоязычного философского пространства. Имеются ли актуальные задачи по изучению кёнигсбергского кантоведения? — Поиск и описание его достижений, систематизация результатов, введение их в историко-философский

оборот — являются актуальной задачей. Насколько однородно кёнигсбергское кантоведение? — Направления деятельности различны, не было единой школы, различен и характер преемственности, однако она несомненно есть, и в целом почти все ведущие деятели кантоведения в Кёнигсберге имели истоки своей работы в одной линии непосредственной преемственности, в т.ч. были коллегами, состояли в отношениях учитель-ученик. Насколько поддается кёнигсбергское кантоведение структурному описанию? — Можно выделить по меньшей мере четыре направления: популяризация, биографические исследования, сбор и публикация наследия, профессиональная интерпретация и рецепция идей Канта. Первые два представляют почти исключительно исторический интерес, наиболее актуально из всех третье направление. Каково в целом место необходимых и возможных исследований этой области в истории философии? — Во-первых, данные исследования находятся в области философского источниковедения и истории развития идей (в т.ч. рецепции и зарождения идей) и истории философской культуры, — обе составляют неотъемлемую часть истории философии в целом, и, в частности, находятся в поле локальных интересов современной калининградской школы кантоведения.

Литература:

1. Arnoldt, E. Kant's Jugend und die fünf ersten Jahre seiner Privatdocentur im Umriss dargestellt // *Altpreussische Monatsschrift*. Nr. 18 (1881). S. 606–686.
2. Arnoldt, E. Beiträge zu dem Material der Geschichte von Kants Leben und Schriftstellertätigkeit in Bezug auf seine „Religionslehre“ und seinen Konflikt mit der preussischen Regierung, in: *Gesammelte Schriften VI*. Berlin 1909. S. 1–207.
3. Arnoldt, E. Kritische Exkurse im Gebiete der Kant-Forschung, Teil 1 // *Gesammelte Schriften IV*; Teil II // *Gesammelte Schriften V*. Berlin, 1908–1909.
4. Das Kant-Bohnenmahl 1914 // *Königsberger Hartungsche Zeitung* Nr. 188, 23.4.1914, Abendausgabe, 2 Blatt.
5. «Denken wir uns aber als verpflichtet...» *Königsberger Kant-Ansprachen 1804–1945*. Mit einer Einl. hrsg. von R. Malter. Erlangen, 1992.
6. Der Aufbruch in den Kantianismus: der Frühkantianismus an der Universität Jena von 1785–1800 und seine Vorgeschichte/Hrsg. von N. Hinske. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1995.
7. Dietzsch, S. Die Entdeckung des Deutschen Idealismus // Dietzsch S. *Wandel der Welt*. Heidelberg, 2010.
8. Immanuel Kant zu ehren. Hrsg. von J. Kopper und R. Malter. *FaM.*, 1974.
9. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre/volkstümlich dargest. von R. Brückmann. Königsberg, 1919.
10. Kant, I. *Sämtliche Werke*. Hrsg. v. K. Rosenkranz u. W. Schubert. In 12 Bde. Leipzig, 1838–1840.
11. *Kants Leben und Wirken. Dem deutschen Volke und seiner Jugend gewidmet* von Dr. R. Brückmann. Königsberg, 1925.
12. *Königsberger Kantiana: (Immanuel Kant, Werke, Volksausgabe, Bd. 1, hrsg. von Arnold Kowalewski)/Immanuel Kant. Mit einem Anhang hrsg. von Sabina Laetitia Kowalewski und Werner Stark*. Hamburg, 2000.
13. *Lose Blätter aus Kants Nachlass*. Hrsg. v. R. Reicke. Th. 1–3. Königsberg, 1889–1895.
14. Reicke, R. *Kantiana: Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften*. Königsberg, 1860.
15. Rosenkranz, K. *Geschichte der Kantischen Philosophie // Kant I. Sämtliche Werke*. Hrsg. v. K. Rosenkranz u. W. Schubert. In 12 Bde. Bd. 12. Leipzig, 1840.
16. Schmidt, C. Emil Arnoldt // *Sozialistische Monatshefte*. Jg. 25 (1919). Heft. 3. Ausg. vom 03.03. 1919. S. 158–167.
17. Schöndörffer, O. *Der elegante Magister // Reichs philosophischer Almanach auf das Jahr 1924. Immanuel Kant zum Gedächtnis*. Hrsg. v. P. Feldkeller. Darmstadt, 1924.
18. Schöndörffer, O. *Die Fundamente der kantischen Philosophie*. Königsberg, 1924.
19. Schöndörffer, O. *Kants Leben und Lehre*. Leipzig, 1924.

20. Schubert, F.W. Immanuel Kant's Biographie: zum grossen Theil nach handschriftlichen Nachrichten // Kant I. Sämtliche Werke. Hrsg. v. K. Rosenkranz u. W. Schubert. In 12 Bde. Bd. 11. Abt. 2. Leipzig, 1840.
21. Schultz, J. Prüfung der Kantischen Kritik der reinen Vernunft. In 2. Theilen. Königsberg: Hartung, 1789–1792.
22. Schulze, J. Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft. 2. Aufl. Frankfurt und Leipzig, 1791.
23. Schütz, C. Königsberg, bey Dengel: Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft von Johann Schulze, Königl. Preussischem Hofprediger (Rezension) // Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung. № 162, S. 41–44; № 164, S. 53–56; № 178, № 179, S. 121–124, № 179 (Beilage), S. 125–128.
24. Stark, W. Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants. Berlin, 1993.
25. Stavenhagen, K. Kant und Königsberg. Göttingen, 1949.
26. Tilitzki, C. Zur königsberger Kant-Tradition im 20. Jahrhundert // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. Bd. 50. 2004. S. 191–287.
27. Vorländer, K. Die ältesten Kant-Biographien. Eine kritische Studie. Berlin, 1918.
28. Vorländer, K. Immanuel Kant: Der Mann und das Werk. 3. Aufl., Sonderausg., mit einer Bibliogr. zur Biographie. Hamburg, 1992.
29. Круглов, А. Рукописи Канта. Интервью порталу «Kant-Online». Опубликовано 7 марта 2014. URL: <http://kant-online.ru/?p=1331>
30. Уланов, М. Нравственная свобода как религиозное чудо. Наблюдения над философией религии И. Канта // «Богослов»: научный богословский портал. Опубликовано 17 апреля 2012. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/2552541.html>
31. Шульц, И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума». Перев. с нем. под ред. Б.А. Фохта. 2-е изд. М., 2010.

Мистика как элемент мировоззренческих ориентаций

Зубов Вадим Алексеевич, кандидат философских наук, доцент
Запорожский национальный университет (Украина)

Все возрастающая точность и объективность картины мира, которую человеку дает современная наука и передовые технические средства, обуславливают, как ни парадоксально, все больший его интерес к мистическим предметам, событиям, процессам. «Всеобъяснимость» в окружающем мире вызывает протест в мироощущении и миропонимании даже интеллектуала, не говоря уже о широких массах населения во всех современных социокультурных системах. Открытость мира в аспекте научного объяснения вызывает разочарование у индивида и провоцирует его на поиски загадочных, непознанных пока еще людьми вещей. Это нашло отражение даже в силе мистических сюжетов в разнообразных формах современных арт-практик. Актуализируется пророческое выражение из Екклесиаста — «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» [1]. Итак, в XXI веке желание человека найти ненаучные, мистические обоснования природных и социальных явлений имеет значительное распространение, как в светском, так и религиозном ареале. Отметим, что среди 7 млрд. населения планеты более половины имеют религиозное мировоззрение. Так, общее количество приверженцев христианства (православия, католицизма, протестантизма, англиканской конфессии и других) превосходит 2,3 млрд. человек. Мусульман в мире — около 1 млрд. 500 млн. че-

ловек. Буддистов — около 500 млн. человек [2]. А, как известно, мистицизм присутствует во всех религиях. Мистический опыт часто основывается на аскетизме и может включать видение, трансы и экстазы. Социальную жизнь с древних времен заполняли мистерии — таинства, которые ранее связывались с тайными культами религиозных обрядов. Мистерии были распространены в Древней Греции и в Риме, но в них могли участвовать только посвященные лица. Обряды в мистериях в основном сводились к драматизированным представлениям содержания того или иного мифа, среди которых: страдания, смерть и возрождение Диониса; похищение Персефоны и другие. Мистерии чаще всего происходили ночью. В современных арт-практиках мистерии отражают как классические сюжеты, так и постмодернистские мотивы в осмыслении болевых проблем экзистенции современного человека. Мистицизм является одной из форм осознания и поиском способов единения с высшей действительностью, сакральным, Богом. Он основан на непосредственном опыте переживания, интуиции, инсайта или инстинкте.

Смысловое содержание мистики многопланово и имеет гносеологический, аксиологический, онтологический и праксеологический аспекты. Мистика (в переводе с греческого — тайный, скрытый) как составная часть

мировоззрения человека предполагает его веру в существование сверхъестественных сил, с которыми он связан таинственным образом и способен общаться. На обычном уровне к мистике относят все таинственное, непонятное для здравого рассудка и повседневной жизни, запретное для непосвященных. Последнее отразилось в широком распространении всякого рода мистерий, сосредоточивших в своих тайных, закрытых для широкой публики, организациях оккультное знание и практики, совмещавшие в себе широкий арсенал разнообразных сакральных действий — магических, религиозных, духовно-энергетического совершенствования. Как известно, мистика пронизывает все мировые и этнические религии, и ожидание чуда как формы индивидуального и коллективного спасения, всегда сопровождало человечество. Поэтому мистика выступает и как сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом. Как особый вид религиозно-философской познавательной деятельности, мистика, помимо традиционных способов познания истины — чувственного и рационального познания, акцентирует возможность непосредственного общения между познающим субъектом и абсолютным предметом познания — сущностью всего, или Богом. Иногда такое общение признается единственным или самым верным и достойным способом познания и осуществления истины, а все другие способы более или менее пренебрегаются как низшие и неудовлетворительные. Основой мистики выступает признание существования явлений и действий, особым образом связывающих человека с тайным существом и силами мира, независимо от условий пространства, времени и физической причинности. С христианской точки зрения реальная мистика разделяется по достоинству и значению предмета и среды мистического взаимодействия на мистику божественную, естественную и демоническую. Считается, что определяющим признаком мистики является непосредственная связь с сакральным началом, тогда как переживание экстаза не столь существенно [3, с. 102]. Можно согласиться, что «основная тенденция мистического опыта как такового состоит в тяготении человеческого духа к непосредственному общению с Божеством как абсолютной основой всего сущего, причем прямым путем к этой цели все мистики считают преодоление «феноменальной» стороны своего бытия. Эта тенденция роднит между собой всех мистиков, без различия места и времени, национальности и религии» [4, с. 63]. Мистика реализуется во многих экзистенциалах человеческого бытия. Особую окраску и глубину мистическому переживанию придает его экзистенциальное содержание в форме любви. Так, в суфизме, в индуистском движении бхакти, у христианских мистиков только возвышенная, бескорыстная любовь к Богу считается подлинным проявлением мистического единения с ним. Иногда считают, что обязательным элементом мистического трансa выступает переживание экстаза и появление измененного состояния сознания, сопровождающееся паранор-

мальными эффектами, однако измененного сознания достигают и в нерелигиозных сферах жизнедеятельности человека: художественном и научном творчестве, в спортивной борьбе, в творческом «сродном» труде и даже в протестном движении. Отсюда можно сделать вывод, специфика мистики не только и не столько в измененном состоянии сознания человека, сколько в допущении возможности особой, непосредственной связи с сакральным началом. Отметим, что для осуществления мистического опыта в мировой практике могут использоваться разные формы и субстраты. Так, суфии применяют для вхождения в мистически окрашенные, измененные состояния сознания — танцы, музыку, пение, шипящие и скрипящие звуки.

Повседневная жизнь человека также имеет множество точек соприкосновения с деятельной, оперативной мистикой. Распространенная во многих странах мира практика ясновидения, гадания, приглашения экстрасенсов, которая стремится производить различные мистические явления, а именно — воздействовать на объекты на расстоянии, останавливать и вызывать жизненные процессы одним властным внушением, материализовать духовные сущности и дематериализовать телесные — определяет мистическую наполненность мировоззренческого горизонта человека. Человек всегда устремлен к внешнему для него, надличностному сакральному приоритету и часто эти ориентации окрашены мистическими покрывалами. Мистицизм основывается на воспитании различных мистических переживаний, а следовательно на разработке и совершенствовании методов, которые направляют сознание человека к этим переживаниям. К мистическим практикам относят контемплятивно-медитативные методики, а также различные формы молитвы. Контемплятивные (затворнические) методики имеют целью наладить непосредственное взаимодействие между сознанием и бессознательным. Отличительной чертой мистического опыта является его индивидуальный, личностный характер, в отличие от обычной религиозной практики, где не обязательно прилагать чрезмерных усилий, придерживаться постоянно аскезы. Задача медитации — углубление человека в свою психическую жизнь, развитие способности четко осознавать тот глубинный смысл, содержащий тайну со-бытия человека и любого другого творения природы. Таким образом, открывается забытая истина, что внутренняя жизнь человека неразрывно связана с жизнью внешней.

Многие религиозные традиции описывают техники медитации и созерцания для достижения мистических видений. Христианские церкви расходятся во взглядах на мистицизм: некоторые принимают его, считая, что мистицизм является особой формой познания Бога, другие же отвергают его, как опасное отклонение, граничащее с ересью. Обращение современного человека к нерелигиозной мистике — гаданиям, оккультизму — приобрело значительные масштабы. Этому способствует коммерческая составляющая функционирования СМИ, Интернета, рост

объема и влияния рекламы. Гадание — это приемы, обряды, существующие в культурах многих народов и якобы позволяющие угадывать судьбу, предсказать будущее, познавать человеческим разумом непознаваемые стороны действительности. Надо отметить, что гадания, как форма предсказания, связаны с хозяйственной деятельностью человека, наблюдениями за явлениями природы и аккумуляцией некоторый рациональный опыт, связанный с событиями в личной жизни человека. Однако подавляющее большинство гаданий основаны на суеверных представлениях: люди заглядывали в будущее преимущественно через посредничество потусторонних сил, через контакты с умершими предками, что всегда осуждалось религией. В мировоззренческих ориентациях современного человека сохранилось место и для оккультизма, мистического учения, признающего существование сверхъестественных (оккультных) сил и возможность общения с ними с помощью ритуалов и магии.

Распространению влияния мистики на сознание и жизненную стратегию современных людей способствует невозможность науки (иногда временная) объяснить некоторые явления, события или причины природных и социальных процессов. Дополнительным фактором жизнеспособности мистики выступает также доверие значительной части населения к деятельности, умышленно или ошибочно имитирующей науку, но по сути таковой не являющейся. Это — псевдонаука, паранаука, квазинаука. Главное отличие псевдонауки от науки — это использование непроверенных практикой и научными методами ложных данных и сведений. Анализ свидетельствует, что они выступают одной из форм прибыльного бизнеса. Список псевдонаучных тем, которые популярны и на современном этапе, содержит следующие направления: астрология, хиромантия, знахарство, магия (белая, черная, серая), парапсихология (телепатия, левитация), нейролингвистическое программирование, нетрадиционная медицина. Обращению к мистике и псевдонауке способствует и кризисное состояние современного социума. Неопределенность, рискованность, рост масштабов протестной активности во многих регионах мира, распространение сетевой организации современного социума, виртуализация общественной и индивидуальной жизни, рост индивидуального регулирования жизнедеятельности

и управления общественными процессами со стороны религиозных институтов и харизматических личностей ведет к актуализации мистического компонента в мировоззренческой карте современного человека. Усиление мистических красок в восприятии мира и жизненных стратегиях человека обусловлено также ослаблением социального контроля и государственной регуляции общественной жизни, разрушением исторически сложившихся экономических связей; криминализацией политических и экономических отношений; процессами национально-территориальной трансформации, правовым нигилизмом; разбуханием, бюрократизацией и коррупцией государственного аппарата; кризисом науки, образования и культуры; социальным мифотворчеством, идеологической неопределенностью.

На современном этапе происходит изменение основания мировоззренческой ориентации. Отмечаются в этом аспекте следующие тенденции: кризис научного обоснования картины мира и распространение ненаучного, мистического обоснования мировоззренческих ориентаций. Благодаря новым коммуникационным возможностям и концептуальным новациям отмечается ренессанс религиозного обоснования мировоззренческих ориентаций личности. Имеют место, во многом благодаря Интернету и СМИ, такие характерные моменты как «агрессивное социальное сравнение», ориентация на «сильную личность», «социальный самострой» и «корпоративный эгоизм».

Подводя итоги, отметим, что объективное (иногда — беспощадное, безжалостное к чаяниям и мечтаньям человека) отражение окружающего мира наукой всегда будет сопровождаться мистическим, религиозным толкованием явлений, событий, процессов, которые дают надежду, яркие чувства и возможность ожидания чуда и спасения. Развитие современного мира свидетельствует о значительном спросе на нетрадиционные, мистические объяснения некоторых природных и социальных процессов, что обуславливает функционирование в современном бизнесе разветвленной отрасли по производству различных мистических версий быстрого финансового обогащения, объяснения исторических и современных событий, а также их отражение в мировоззренческих ориентациях современной личности.

Литература:

1. Книга Экклесиаста. Глава 1 // Библия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://biblia.org.ua/bibliya/ekkl.html>
2. World // The World Factbook [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>.
3. Балагушкин, Е. Г. Сущность и структурное разнообразие мистики // Религиоведение. — 2010. — № 2. — с. 102–113.
4. Минин, П. М. Мистицизм и его природа. — Киев: Пролог, 2003. — 148 с.

Религия и наука: проблема взаимоотношения (на примере ислама)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

В современной научной и религиозной литературе отношения между религией и наукой рассматриваются в модальностях, лежащих от объявления религии высшей наукой до оценки его как опасной формы мракобесия. Думается, обе эти крайности не соответствуют действительности. Эту проблему, скорее всего, нужно решать в контексте более широкой проблемы: почему одни люди ищут ответы на мировоззренческие вопросы в религии, другие — в науке? Социологические исследования показывают, что не менее половины населения России верят в Бога, а примерно 30–40% — не верят, остальные сомневаются. Причем среди верующих есть и немало ученых.

Для того, чтобы во что-то поверить, человеку нужны доказательства. К примеру, если нам кто-то скажет, что Россия в 2025 году станет исламским государством, мы потребуем обосновать этот тезис. Точно так же человек не может принять без обоснования тезис «Бог существует» или «Бога нет». И. Кант, известный своей строгостью и пунктуальностью в решении научных и философских вопросов, пытался сначала доказать, что Бог есть, затем опровергнуть этот тезис. У него получилось, что и первое и второе высказывания имеют примерно одинаковое количество доводов, следовательно, они оба имеют право на существование. Не сумев объяснить причину существования априорных схем разума и рассудка, основы нравственности, он допускал существование Бога, но не смог это в полной мере обосновать. Если бы существовали необходимые и достаточные основания для доказательства существования Бога, то, видимо, все люди были бы верующими. И если бы существовали необходимые и достаточные основания для доказательства отсутствия Бога, то на Земле вряд ли кто-то верил в него.

Главным препятствием на пути воцернения на планете научного мировоззрения является неспособность науки объяснить проблему творения. Почему элементарные частицы соединились в атомы, атомы — в молекулы, молекулы — в аминокислоты, аминокислоты — в клетки, клетки — в органы, органы — в организмы? Обычный ответ неверующего ученого на этот вопрос — «случайно». Но может ли случайно, без вмешательства человека, образоваться мобильный телефон из его частей? Сколько нужно ждать, чтобы купленный в разобранном виде в магазине «ИКЕА» стол сам по себе собрался? А ведь и телефон, и стол являются простейшими конструкциями, если сравнить их с атомом, клеткой или мозгом! В истории ислама известен диспут между молодым Абу Ханифом, ставшим потом известным богословом, и ученым-материалистом. Последний, прибыв в г. Куфа, объявил, что готов поспорить с любым богословом и доказать, что Бога нет. Оппонентом ему был выбран Абу Ханифа,

а диспут был назначен на следующее утро во дворце правителя города. В назначенное время во дворец собралась властвующая элита города, богословы, ученые, прибыл и неверующий ученый. Но Абу Ханифы не было. Все были разочарованы и хотели уже расходиться, как открылась дверь и появился запыхавшийся оппонент. Он извинился, и сказал, что с ним приключилось следующее. Ночью шел сильный дождь, который смыл мостик, соединявший два берега небольшой реки. И он сидел на том берегу и ждал, пока деревья не свалятся, очистятся от веток и свяжутся в плот, на котором он смог бы переправиться и явиться во дворец. Все были в недоумении от такого объяснения причины опоздания, а атеист стал хохотать и объявил Абу Ханифа сумасшедшим. В ответ Абу Ханифа спросил: «Вы считаете такое невозможным?». Тот ответил: «Конечно, это в принципе невозможно!». Тогда Абу Ханифа спросил: «Если даже такая простая конструкция, как плот из 3–4 деревьев не может сам образоваться, то как сама по себе образовалась Солнечная система, человек, дерево?». И тут атеист понял, что проиграл спор.

Автор множества книг на тему взаимоотношения религии и науки Харун Яхья в работе «Крах теории эволюции» (М., 2002) приводит результаты математических расчетов, согласно которым для случайного соединения 270 основных аминокислот в одну живую клетку понадобилось бы время, большее возрасту Земли. И это время для случайного возникновения только одной клетки! Современная наука с ее мощнейшим техническим оснащением не может собрать даже атом из имеющихся элементарных частиц. По этой причине, на наш взгляд, холистическая парадигма остается весьма актуальной, и она, с её тезисом существования целого до частей, работает в пользу религии.

Получается, что Божественный умысел, называемый учеными и философами порождающей структурой, коллективным бессознательным, архетипом, формой, Дао, идеей или эйдосом, первичен по отношению к профанному миру. Приведенные аргументы наводят на мысль, что в строгой дизъюнкции «религия или наука», предпочтение нужно отдавать первому дизъюнкту. Но почему тогда так много атеистов или сомневающихся?

Думается, ответ на этот вопрос следует искать в одной из центральных для любой монотеистической религии проблеме — теодицеи и связанной с ней проблеме предопределения. Начну с примера. С моей мамой работала медсестра: не очень красивая, в возрасте, в сложных отношениях со своей матерью и братом. Видимо, потеряв надежду выйти замуж, она родила от кого-то сына и в её жизни появился единственный на Земле самый близкий ей человек. Но едва ребенку исполнился год, его не стало:

причиной смерти стала дифтерия, которую мама ошибочно приняла за ангину. Мальчик умер в течение ночи от удушья в страшных муках. Через неделю женщина сошла с ума. Она ходила по улицам с завернутым в детское одеяло поленом, останавливаясь, приоткрывала одеяло и шептала какие-то нежные материнские слова воображаемому сыну.

С точки зрения ислама, можно объяснить то, что случилось с этой женщиной: Бог наказал ее за прелюбодеяние. Но за какие грехи Бог наказал годовалого безгрешного ребенка, ведь в отличие от христианства, ислам не признает первородный грех, все люди, согласно этой религии, рождаются мусульманами и только родители и среда делают их иными. Зачем Богу нужна была эта мучительная смерть ребенка? И почему Бог, если он всемогущий, не останавливает бомбежки мирных жителей, смерть безвинных людей в террористических актах, обман и зло? Богословы, как правило, на эти неудобные вопросы дают два ответа: 1) зло творит Сатана; 2) Бог испытывает нас лишениями и несчастьями.

Но оба этих ответа порождают другие вопросы. Кто сотворил Сатану, и кто дает ему добро на его злодеяния? Разве, не Бог? Разве он не всемогущ, и не может убрать Сатану? Согласно Корану без ведома Бога ничего не происходит: «У Него ключи к сокровенному, и знает о них только Он. Ему известно то, что на суше и в море. Даже лист падает только с Его ведома. Нет ни зернышка во мраках земли, ни чего либо свежего или сухого, чего бы не было в ясном Писании» [1]. Но если Богу заранее все известно, то зачем тогда испытывать людей? Если он знает даже то, что в душах наших, знает, что мы будем делать через час, год, когда и при каких обстоятельствах умрем, то зачем ему искать заранее известные ответы? Абсурдно ставить эксперимент, если его результат известен заранее. В Коране вера в предопределении рассматривается как средство выработки спокойствия и умиротворения, когда человек принимает как должное то, что с ним происходит: «Любое несчастье, которое происходит на Земле и с вами самими, записано в Писании ещё до того, как Мы сотворили его (несчастье — Р. Р.) ... Мы поведали об этом для того, чтобы вы не печалились о том, что упустили, и не радовались тому, что Он вам даровал» [2]. Но если Бог есть Царь (Аль-Малик), Всемогущий (Аль-Азиз), то он мог бы убрать эти несчастья в самом зародыше, сделать Землю раем для людей, а не адом, в котором находятся даже многие мусульмане. Думается, что именно неспособность религии решить проблему теодицеи и предопределения является основной причиной неверия и даже ухода некоторых верующих из религии.

Опыт одновременного пребывания и в науке, и в религии, размышлений на эту тему, выработал у меня собственную оценку этих двух феноменов культуры, созвучную точке зрения аверроистов и томистов. Полагаю, что если Бог является создателем (Аль-Бари), формирующим реальность (Аль-Мусаввир), то он создал и человеческий разум, логику. Но может ли тварное полноценно

объяснить творца? Может ли разум менее высокого (n) порядка адекватно понимать разум творца, разум более высокого ($n+1$) порядка? Разве может даже самая умная собака понять значимость поста или молитвы, которую совершает её хозяин? Мы, люди, с нашим человеческим интеллектом также не способны полноценно понимать деяния Бога, который обладает интеллектом, превышающим наш в миллионы раз, и может быть, работающий вообще на других, внелогических алгоритмах.

Саму науку, видимо, следует рассматривать в духе прагматизма как хороший инструмент для решения человеческих проблем. И не более. Мне импонирует точка зрения позднего представителя прагматизма, отца инструментализма Дж. Дьюи, который говорил, что научные теории следует оценивать не с точки зрения их истинности, а с точки зрения их эффективности.

Что касается дизъюнкции «религия или наука», то её, думается, нужно рассматривать как нестрогую, т.е. как «религия или/и наука», или же даже как конъюнкцию «религия и наука». Эти два феномена не являются альтернативами, а должны рассматриваться с точки зрения принципа дополнительности. Правда, это не означает, что они равноценны. Думается, прав русский религиозный философ Вл. Соловьев, который писал: «Вера и разум, хотя и находятся в постоянном и неизбежном взаимоотношении, представляется, ... говоря математическим языком, величинами несоизмеримыми и поэтому не могущими заменить друг друга, стать одно на место другого» [5, с. 113]. Он считал делом науки нахождение и объяснение фактов, а делом религии — изучение начал. Для ислама характерна примерно такая же трактовка взаимоотношения между религией и наукой: религия основывается на знаниях о самом главном, наука же учит человека понимать Бога, мир и человека и правильно действовать в этом мире. Главные знания изложены в Коране, автором которого является Высший разум — Бог, остальные знания, включая и продуцируемые религиозными науками (Улум-и Наклийа) являются плодом человеческого разума и должны быть истолкованы в контексте коранических знаний [4].

И еще одно важное для понимания сути коранического знания, его отличия от научного, дополнение. Ислам — это религия откровения. Все 114 сур Корана были получены Мухаммадом в состоянии транса, т.е. внелогическим путем. Он сам много раз говорил, что не смог бы сочинить такое совершенное произведение, как Коран, поэтому существование этой книги является самым главным доказательством существования Бога. Любая же наука, включая и «исламские науки», построена на логических алгоритмах и принципе детерминизма. Даже если Бог творит по логическим алгоритмам в духе гегелевского панлогизма (что весьма сомнительно), то и в этом случае отношение между религией и наукой должно рассматриваться как отношение между более развитой и менее развитой логическими системами (как, например, между диалектической и формальной логикой). Но, думается,

для ислама все-таки более характерна апофатическая теология, и приписывание Богу антропологических характеристик, включая и логику, является ошибкой. Это вытекает из 112-й суры Корана, запрещающей сравнивать Бога с чем-то или с кем-то.

Вышеизложенные идеи созвучны философии неотоцизма, которая представляет собой христианскую попытку

снятия противоречия между сакральным и профанным, где научные знания рассматриваются как меньшие (ибо их автором является человек), а евангелические — как большие (ибо их автором является более совершенное существо — Бог). При этом человек, углубляющий свои знания, постепенно приближается к знаниям более высокого — божественного — уровня [3, с. 68–71].

Литература:

1. Коран. 6:59.
2. Коран. 57: 22–23.
3. Рахматуллин, Р. Ю. Философия: Курс лекций. Уфа: Уфимский юридический институт, 1998. 310 с.
4. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. с. 43–47.
5. Соловьев Вл. Вера, разум, опыт // Вопросы философии. 1994. № 1. с. 111–128.

Образ как эпистемологическая категория

Юсупова Луиза Куручевна, заведующая аспирантурой
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (г. Уфа)

Интерес к образным представлениям информации, начиная со второй половины XX века, был обусловлен, прежде всего, математизацией научного знания. Невиданный доселе рост логико-символических средств исследования, выражения и трансляции научного знания породили проблему его понимания. Эта проблема, ставшая актуальной для всех пользователей научной информации, особенно остро стала ощущаться в сфере образования, как в одном из основных институтов воспроизводства и развития культуры. Ускорение темпов производства научной информации и открывшиеся невиданные возможности её получения, выдвинули на видное место вопрос о способах трансформации знания в удобные для восприятия формы. И тут оказался востребованным принцип наглядности, оказавшийся несколько десятилетий на заднем плане науки и образования. Достигнутые в XX-XXI вв. результаты психологических исследований образных представлений, изучение закономерностей формирования и развития научного знания позволяют ныне по-новому взглянуть на этот принцип, выявить новые возможности использования образных представлений. Правы В. П. Зинченко и А. И. Назаров, назвавшие образ «пока еще непревзойденной формой представления знаний» [4, с. 135].

Но несмотря на широкое употребление понятия «образ» в философских, психологических, педагогических текстах, оно до сих пор не имеет четко обозначенного объема и содержания. Как отмечают Р. Ю. Рахматуллин, Л. В. Сафронова и Т. Р. Рахматуллин, при его определении допускаются в основном две логические ошибки: слишком широкое определение и слишком узкое определение [9]. Пример слишком широкого определения образа

можно обнаружить в одном из философских словарей: «В современной философии образ понимается не только как продукт сознания, но и как то, что формируется в социальности в виде знака, или даже, выходя за «границы поля» сознания, в форме симулякра, становится силой, порождающей изменения и различия» [2, с. 466]. Такое определение, будучи слишком широким, не позволяет отличить образ от знака, символа, симулякра.

Яркий пример слишком узкого определения образа мы находим в диссертационном исследовании З. Ф. Абараровой: «Образ есть форма визуального выражения информации, обладающая структурным соответствием с выражаемым в нем предметом и переживаемая человеком в качестве реально существующего объекта» [1, с. 35]. Согласимся с автором: основная часть образов на самом деле имеют зрительную природу. Но структурным соответствием с музыкальным произведением обладает и его слуховое воспроизведение. Правы, на наш взгляд, Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова и Д. З. Хамзина, которые пишут, что «связывать образ лишь с какой-то одной модальностью (зрительной, слуховой, осязательной и т. д.)... является ошибкой, т. к. он, как и отображаемый им объект-оригинал, полимодален. Образ соснового леса может включать в себя не только визуальные ощущения, но и звуковые (шум сосен, вызываемый ветром), и обонятельные (запах хвои)» [10, с. 169]. Поэтому мы солидарны с указанными авторами и приводим здесь их определение образа, считая его наиболее удачным: «Образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого объекта» [10, с. 169].

Какую же роль образы играют в научном познании? Правы ли те, кто утверждает, что развитие науки идет путем её освобождения от наглядности?

Главным аргументом противников визуализации научного знания является распространенное в европейской науке утверждение о невозможности наглядного изображения сущности. Оно было выражено еще Платоном, разделившим мир на постигаемые разумом идеи-сущности и воспринимаемые чувствами вещи-подобия. С тех пор бытует мнение, что сущность может быть выражена только в абстрактной форме. Источником такого заблуждения, на наш взгляд, является отождествление образов восприятия с наглядными представлениями, основу которых составляют идеи, а не ощущения. Как правильно замечает Р.Ю. Рахматуллин, наглядный образ, в отличие от обычного чувственного образа, является специально созданной конструкцией, в которой трансформация знания в зрительно воспринимаемое представление для того и осуществляется, чтобы просто и ясно выразить главное, существенное в объекте» [5, с. 27–28]. Такой образ представляет собой синтез результатов логических рассуждений человека с его чувственным опытом, мост, соединяющий теорию с объективным миром. Р.Ю. Рахматуллин такие образы называет онтологизированными: «Близость по многим характеристикам к обычным образам позволяет называть образы НКМ (*научной картины мира* — Л. Ю.) онтологизированными представлениями. Между объективным миром и разумом лежит «слой» чувственного отражения, и разум не может «проникнуть» в объективный мир, не приняв чувственную форму. Образы научной картины мира, будучи онтологизированными представлениями, служат цели придания объективности, реальности построенному при помощи научных средств знанию о мире. Они являются той меркой, с которой соотносятся результаты теоретических исследований, картиной, заменяющей сам научно освоенный мир. Будучи преобразованными объектами теории, они воплощают в себе такое свойство последних, как отражение общего. Будучи тождественными обычным чувственным образам, они несут в себе их непосредственность, указывая на реальность своего объекта-оригинала. Это позволяет образам НКМ выступать опорными точками научно-теоретического исследования, его непосредственной предметной областью» [6, с. 167–168]. В совместно с Л.М. Габбасовой написанной статье автор доказывает, что основу применяемого в науке образа составляет теоретическая модель, а не чувственные модальности [8].

О том, что применяемые в науке образы выражают сущность отражаемых в них объектов, доказывается и историей науки. Известно, например, как существенные изменения теории атомов породили все новые и новые образы этого вида материи. А ложные физические теории (флогистона, эфира, теплорода) породили и ложные образы.

На наш взгляд, главное назначение образных представлений в науке — это их семантическая функция. В основе понимания лежит редукция знания в образы, являющиеся

продуктом онтогенеза и даже филогенеза. Американский психолог Р. Арнхейм заметил, что понимание сложной ситуации становится возможным, если удастся построить её образ, делающий значение «видимым». Использование образов в качестве «элементарных клеточек» понимания объясняется, прежде всего, тождественностью психофизиологических механизмов отражения у всех людей, которые формируются на основе простых, постоянно воспроизводящихся в жизнедеятельности структур практики. Этим можно объяснить, почему Гуссерль, постепенно редуцируя мир науки, нашел архимедову точку опоры в «жизненном мире», т.е. в насыщенном образами и эмоциями обыденном сознании. Семантическая функция образов особенно хорошо видна в фундаментальных науках. Математический формализм невозможно понять без уяснения его значения. Если его не объяснить при помощи образов знакомых объектов, то он остается лишенной содержания логической формой. Существует достаточно много примеров формального усвоения теоретических знаний. Это вызвано тем, что обучаемые, усваивая знаковые средства, не выделяют их замещающую функцию, не знают их значение. Между тем известные ученые всегда обращали внимание на эту сторону дела. Так, немецкий математик Д. Гильберт пришел к выводу, что абстрактная теория сама по себе не может быть ни истинной, ни ложной. Она приобретает эти качества и становится значимой только тогда, когда найдена ее интерпретация [3]. «Образы, применяемые в научно-исследовательской и учебной деятельности, нужны, чтобы давать теоретическим моделям предметное истолкование. Это истолкование может быть охарактеризовано как семантическая интерпретация. В этом случае эти феномены нужно рассматривать в качестве необходимого компонента языка науки, если же, конечно, этот язык рассматривать как единство знака и его значения» [7, с. 77].

С семантической функцией образа связано его использование в качестве средства внутринаучной и внутрикультурной трансляции научного знания. Известно, что знание, претендующее на свою реализацию, нуждается в трансляции. Для этого, прежде всего, и существует институт образования. Но этот институт может успешно работать лишь тогда, когда «транслятор» и «приемник» работают на одном языке. Как говорят, понимание — это разговор двух кодов в пределах одной головы. Добавим, что сколько бы ни было этих «кодов», никакого разговора не получится, если они не будут опираться на какой-то общий, базовый язык. В межличностном общении эту роль, как правило, играют образы, которые меньше всего подвержены влиянию фонетических особенностей вербального языка, культурной и расово-этнической специфике его носителей. Образ Солнечной системы, воплотивший в себе определенные астрономические знания, не нуждается в переводе на другие языки, не требует узкоспециализированной подготовки в определенных областях науки. Еще более ощутима роль образа при трансляции научного знания в практическую сферу,

что во все времена являлось одной из важнейших задач науки. При помощи формулы, математического или логического обоснования невозможно излечить болезнь, вырастить пшеницу, отремонтировать двигатель. Очевидно, что между научной теорией и практикой находится некий особый слой знания, напоминающий «третий мир» Поппера: это мир объектов, синтезирующих в себе результаты рационального познания и чувственного отражения. Эти феномены возникают на пути движения теоретических идей в сферу практической деятельности человека. Однако в триаде «научная теория — ее трансформация — практика» слабее всего оказалось изученным среднее звено, без которого, оказывается, невозможна практическая реализация идеи. На самом деле, практическое применение идеи предполагает создание образного представления её функционирования в сфере практики. Ведь знание об объекте предполагает не только отражение его сущности, но знание того, что можно делать с этим объектом. Знание есть не только информация о чем-то, но информация для чего-то. Деятельность с этими воплощенными в образную форму научными идеями и составляет важнейшую особенность инженерно-конструкторской деятельности.

Еще одной важной функцией образа в научном познании является его роль в обосновании знания. Большая

часть наших знаний имеет опосредованный характер, но она никогда не была бы обоснована, если бы не существовало не ищущее своего подтверждения ссылками на другие источники непосредственное знание. Абстрактно-логическое знание, не имеющее практические основания, мало что дает науке и производству. На это обращали внимание многие ученые-теоретики. Так, Д. Гильберт писал, что даже «математика... не может быть основана только на логике: наоборот, в качестве предварительного условия для применения в действие логических операций, нам в нашем представлении уже должно быть дано нечто, а именно — определенные внелогические конкретные объекты, которые существуют наглядно» [3, с. 365–366].

Известно, что основания любой теории должны лежать в самом объекте, а этот объект в большинстве случаев задан сначала в виде чувственных данных, которые, как правило, представлены в нашем сознании в образной форме. Процесс обоснования в конечном счете включает в себя чувственный компонент, достоверность которого принимается сообществом в силу его очевидности. Благодаря этому преодолевается трилемма Мюнхгаузена — необходимость в бесконечной цепи логических обоснований научных положений. Даже рационалист Декарт считал очевидность безупречным видом обоснования.

Литература:

1. Абрарова, З. Ф. Визуализированный образ в научном познании: Дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010. 151 с.
2. Азаренко, С. А. Образ // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. с. 466–468.
3. Гильберт, Д. Основания геометрии. М.: Гостехиздат, 1948. 492 с.
4. Зинченко, В. П., Назаров А. И. Размышления об искусственном интеллекте // О человеческом в человеке. М., 1991. с. 121–138.
5. Рахматуллин, Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании (генезис и функции): Дис.... д-ра филос. наук. Уфа, 2000. 276 с.
6. Рахматуллин, Р. Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (38). с. 166–168.
7. Рахматуллин, Р. Ю. Герменевтическая функция образа в процессе обучения // Вестник Карагандинского университета. 2012. № 4. с. 74–79.
8. Рахматуллин, Р. Ю., Габбасова Л. М. Роль обыденного сознания в онтологизации теоретической модели // Вестник ВЭГУ. 2005. № 1. с. 178–185.
9. Рахматуллин, Р. Ю., Сафронова Л. В., Рахматуллин Т. Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2008. № 3. с. 6–14.
10. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р., Хамзина Д. З. Понятие образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–2. с. 167–170.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (63) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61